СТРУКТУРА
ИЛЛЮЗИЯ
МОДЕЛЬ
СИСТЕМА
ПРОСТРАНСТВО МЫШЛЕНИЯ
ЧТО ТАКОЕ МЫШЛЕНИЕ?
АНДРЕЙ КУРПАТОВ
МЕТОДОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ
ЧТО ТАКОЕ РЕАЛЬНОСТЬ?
МЫШЛЕНИЕ
СИСТЕМНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ЧЕРНОВИК
КОНЦЕПТ
НАБРОСКИ
СООБРАЖЕНИЯ

Академия смысла

Андрей Курпатов

Мышление. Системное исследование

«Курпатов А.В.»
2019

УДК 159.922.1
ББК 88.53

Курпатов А. В.

Мышление. Системное исследование / А. В. Курпатов — «Курпатов А.В.», 2019 — (Академия смысла)

ISBN 978-5-6040990-0-1

Новая книга «Мышление» от Андрея Курпатова – автора нашумевших бестселлеров, изданных тиражом более 5 млн. экземпляров и переведённых на 8 языков.Мышление человека – одна из самых актуальных тем современной науки. Мы привыкли думать, что мы думаем, более того – уверенно рассуждаем об интеллекте, сознании, разуме, мозге. Возникает ощущение, что с мышлением все ясно. Но так ли это в действительности? Что мы на самом деле знаем о мышлении, его природе и механизмах?Андрей Курпатов – один из крупнейших отечественных ученых, специализирующихся на прикладных аспектах исследования мозга и процессов мышления. В масштабной системной работе «Мышление» само это слово, интуитивно понятное каждому школьнику, обретает новый, невиданный смысл и глубину. Реальность, какой мы её видим – лишь продукт нашего мозга, результат мышления. Что в этом случае мы можем сказать о нашем мозге, что – о самой реальности, и что – о нас самих? Что наука в действительности знает о происходящем у нас в голове?Учёные всего мира только начинают обсуждать необходимость создания интегративной и, главное, прикладной области знаний о том, как функционируют механизмы мышления и как сделать их более эффективными. Андрей Курпатов идёт дальше – после двадцати лет исследований создаёт методологию мышления, проводит исследования в созданной им Высшей школе методологии в Санкт-Петербурге, выступает с Германом Грефом для лидеров Сбербанка, читает лекции в России и Великобритании, консультирует крупный бизнес и явно не собирается останавливаться на достигнутом.«Мышление» лежит в основе проекта интеллектуального образования нового формата «Академия смысла» и книг «Красная таблетка», «Чертоги разума» и «Троица», мгновенно ставших бестселлерами крупнейших интернет-магазинов.Книга включает в себя четыре части системного исследования по методологии мышления –

«Методология мышления. Черновик», «Что такое мышление? Наброски», «Пространство мышления. Соображения» и «Что такое реальность? Концепт».

УДК 159.922.1
ББК 88.53

ISBN 978-5-6040990-0-1

© Курпатов А. В., 2019
© Курпатов А.В., 2019

Содержание

Предисловие к книге 8
Методология мышления. Черновик 11
Предварительные замечания 11
Вводные соображения 13
«Истина» и «психика» 13
Наука о мышлении больше никогда не будет прежней 14
«Нейрофизиологический переворот» 14
Основные концепты 16
Мышление не ограничивается языком и речью 17
Единицей мышления является «интеллектуальный объект» 18
«Интеллектуальная функция» 19
Несовпадение «реальности» и «представлений о реальности» 19
Производство «содержания» 20
Иллюзорность «реального» и «фактическая реальность» 20
Методология мышления и реконструкция фактической реальности» 21
Часть первая: Фактическая реальность 23
Отличие «реконструкции» от «представления» 23
«Реконструкция» – схемы, модели, чертежи, граница 24
«Фактическая реальность» и «реконструкция реальности» 28
«Эффект чувства реальности» и «эффект разрыва» 29
Уязвимости мышления 30
Реконструкция «фактической реальности» 31
Актуальная «практика мышления» 31
Часть вторая: Интеллектуальные объекты 35
Конструирование «объектов мышления» 35
Создание «инвариантных моделей» 36
Привнесение «сущностей» – эссенциализм 37
Происхождение «сущностей» 37
«Сущности» как способ интерпретации содержаний 38
«Эссенциальная сущность» и «инвариант» 39
«Интеллектуальный объект» – единица и множество 40
Часть третья: Интеллектуальная функция 42
Реконструкция и замкнутость 42
Психическая деятельность как мышление 44
Возникновение «интеллектуальных объектов» 44
«Мышление» и «содержание» 45
Мир интеллектуальной функции 46
Вневременные «процессы» 47
Преодоление сложности – «блоки» 51
«Неосознанность» интеллектуальной функции 52
Часть четвертая: Мышление 55
Универсалии 55
Феномен «отношения» 56
Ограниченность поля мышления 57

Мышление как усложнение интеллектуальных объектов 57
Работа в «поле мышления» 58
«Мысленный эксперимент» 59
Существование интеллектуальных объектов 61
Фактическая реальность и проблема производства «нового» 62
Часть пятая: Радикализация 64
Иллюзия «наблюдателя» 64
«Думать о» и «думать что-то» 64
Мы всегда «думаем что-то» 65
Иллюзия внутреннего восприятия 66
Существенно лишь то, что мы думаем на самом деле 66
Действие по собственной дегуманизации 67
Эффект «диссоциации» 67
Проблемы мышления 68
Возможности мышления 68
Часть шестая: Реконструкция 71
Универсальность реконструкции 71
Неспецифическая интенция 72
Фактическая озадаченность 74
«Пустое место» 77
Множественность контекстов 78
Аппроксимация 80
Противоречие 82
Часть седьмая: Методология 84
Методология «общая» и «частная» 84
Специфичность инвариантов и универсалий 85
Уровни реконструкции 86
Блочный подход 88
Рекурсивность интеллектуальной функции 89
Заключение 91
Что такое мышление наброски 92
От автора 92
Часть первая: Интеллектуальная активность, мышление и «тот, кто думает»… 93
§ 1 93
§ 2 97
§ 3 100
§ 4 105
Конец ознакомительного фрагмента. 110

Андрей Курпатов
Мышление. Системное исследование

© А. В. Курпатов, 2016
© ООО «Дом Печати Издательства Книготорговли «Капитал», 2019

* * *

Предисловие к книге «Мышление. Системное исследование»

Начало этому исследованию было положено в 90-х годах прошлого века. По причине отсутствия адекватного термина, способного отразить суть этой новой области знаний, мы с Анатолием Николаевичем Алехиным называли ее «новой методологией».

Методология, как я ее себе представляю, занимается знанием, то есть некой организованной информацией, и реальными системами, являющимися источником этой информации. То есть, это, в некотором смысле, наука о методе создания знания о реальности.

Тогда я пытался описать суть «несодержательного мышления» – то есть мышления, которое схватывает отношение между элементами системы, вне зависимости от ее конкретного содержания. В конце концов, если мы всегда имеем дело с некими системами, должны существовать и какие-то общие принципы организации систем как таковых.

Те «принципы», которые тогда были сформулированы, действительно позволяют мыслить любую содержательную систему как набор «центров», «отношений», «третьих», а также как «процесс» в различных фазах его «развития». И хотя эта работа носила, в целом, теоретический характер, мы в ряде экспериментальных исследований могли убедиться в том, что этот «способ сборки» знания применим к практике и может быть весьма эффективен.

Одним из главных достижений того периода было создание «системной поведенческой психотерапии». Собственно, эта работа была, в каком-то смысле, сугубо методологическим исследованием.

Вполне очевидно, что пациент психотерапевта – это всегда человек, причем, страдающий весьма определенным кругом психических расстройств пограничного уровня. Впрочем, эта «очевидность» не помешала тысячам психологов и психотерапевтов от Зигмунда Фрейда и Берреса Фредерика Скиннера до Фредерика Перлза и Карла Роджерса создать сотни психотерапевтических школ и направлений, которые описывают этот – в сущности, один – предмет так, словно бы речь идет вообще о разных реальностях.

Это, конечно, самый настоящий «скандал в психологии», но, как выясняется, он вполне может быть устранен, если воспользоваться «новой методологией».

Если взять за общий принцип, что наличие действующей методики свидетельствует о том, что нечто имеет место в реальности, а затем создать концептуальный каркас, который способен схватить все случаи эффективной работы той или иной методики, то вы получите непротиворечивую модель; в данном случае – психотерапии.

В качестве концептуального каркаса системной поведенческой психотерапии были использованы концепты, сформулированные в отечественной нейрофизиологии – концепты «поведения» И. М. Сеченова, «динамического стереотипа» И. П. Павлова, «доминанты» А. А. Ухтомского, а также «знак/значение» Л. С. Выготского. Кроме того, использовались концепты адаптации, тенденции выживания и аспектов поведения.

Эта концептуальная модель позволила органично соединить в себе не только эффективные психотерапевтические методики разных направлений, но и создать систему психотерапевтической диагностики, а также описать психические механизмы, являющиеся точкой приложения соответствующих психотерапевтических методов.

Тут надо отметить и другой важный аспект, обнаруженный при создании «новой методологии», связанный с ограничениями, свойственными языку как таковому – с «семантической слабостью языка».

Понятно, что в рамках, например, психотерапевтической практики существенной проблемой являются «языковые игры», возникающие в рамках того или иного направления пси-

хотерапии. Эти языковые игры создают, с одной стороны, непреодолимую границу между разными психотерапевтическими направлениями (под знаками подразумевается один и тот же психический феномен), а с другой стороны, влияют на то, что психотерапевт, находящийся в рамках той или иной языковой игры, видит в реальности (как говорил Людвиг Витгенштейн: «Границы моего языка определяют границы моего мира»).

Как мне представлялось (да и сейчас представляется) проблема «семантической слабости языка» может быть решена с помощью «новой методологии». В частности, я, как мне кажется, показал это в работе «Психософический трактат», где все единицы языка несодержательны, а их смысл возникает благодаря перекрестному взаимоопределению.

Надо сказать, что «Психософический трактат» стал для меня некой кульминационной точкой первого этапа исследовательской работы, посвященной методологии. Мне казалось, что мы получили эффективный инструментарий создания, так называемых, «открытых систем».

Всякое знание неизбежно ограничено, и мы не знаем того, чего мы не знаем. Несодержательное мышление стало тем инструментом, который позволял формировать структуры знания, которые, в целом, оставались открытыми для новых, прежде неизвестных вводных, что и делало традиционно «закрытые» системы знания «открытыми».

Однако, у меня оставалось ощущение, что система «новой методологии» неполна, и я предпринимал какие-то попытки ее дополнить, но то ли я был еще не готов к тому, чтобы продвинуться дальше, то ли этот способ сборки интеллектуальных объектов (как я сказал бы теперь) был уже достаточен для решения широкого круга проблем, которыми я тогда занимался, начиная с организации медицинской помощи и популяризации психотерапии, заканчивая организацией бизнес-процессов.

Так или иначе, к проблематике «новой методологии» я вернулся лишь через десять лет, но с большим практическим багажом, полученным в разных сферах деятельности и на разных уровнях организации общества.

Те системные процессы, которые мне удалось пронаблюдать – в бизнесе, в медиа, в политике и культуре, – могли быть описаны в рамках «новой методологии», но эти описания не были в достаточной степени функциональны. Точнее, они были функциональны для меня, но конвертация этого знания вовне оставляла желать лучшего, что свидетельствовало об определенной методологической недостаточности.

Попытки концептуализации неких обнаруженных мною закономерностей вылились изначально в создание нескольких работ – «Способы думать. История и общество, дискурс и концепт», «Субъект и желание» (не опубликована), «Интеллектуальный ресурс. Капитал 3.0». Наконец, я подошел к написанию книги «Складка времени. Сущность и критерии», которая и стала для меня новой отправной точкой.

Работая над «Складкой времени», я пытался выделить ключевые, как мне тогда казалось, проблемы нового времени «информационной волны» и формирующегося «цифрового общества». Эти проблемы, как я смог обнаружить, концентрировались вокруг концептов субъекта («инфляция идентичности»), желания («нехватка нехватки») и, что самое важное, мышления («фальсификация мышления»).

Признаюсь, это было очень странным, казалось парадоксальным, нелепым и даже каким-то диким, что я, вдруг, наткнулся на тему мышления.

Казалось бы, я ведь все время только мышлением и занимался! Но вот внезапно выяснилось, что я делал это словно бы по умолчанию. Что такое «новая методология», если не наука о мышлении?.. Однако, выяснилось, что нет, это не наука о мышлении, а лишь наука о создании систем, наука об организации знания, но вовсе не о мышлении как таковом.

Чтобы создать методологию мышления как такового – предстояло вернуться назад, к тому самому человеку, к тому, чем он является на самом деле, и переосмыслить все заново. Благо современные нейрофизиологические исследования, появившиеся как раз в последние

двадцать лет, существенно расширили наше понимание психических механизмов и особенностей работы мозга. Возможно, этого мне и не хватало для того, чтобы «новая методология» могла стать, наконец, «методологией мышления».

Собственно, четыре монографии, составляющие эту книгу, есть результат этого переосмысления, с учетом как моего нового опыта, так и самых последних нейрофизиологических исследований.

Монографии создавались в течение двух лет в Высшей школе методологии в Санкт-Петербурге, где я проводил методологические семинары и семинары по практической методологии.

Думаю, что каждая из этих работ – «Черновик», «Наброски», «Соображения» и «Концепт» – что-то скажет сама за себя, и мне пока нечего к этому добавить. Единственное, что мне кажется важным сказать, предваряя книгу, так это о том, что каждая из монографий является, в каком-то смысле, одним из подходов к теме.

То есть в каждой книге я как бы захожу на нее с разных сторон:

• в книге «Методология мышления. Черновик» я создаю концептуальный каркас методологии мышления;

• в книге «Что такое мышление? Наброски» я показываю процесс развития структур мышления в онтогенезе;

• в книге «Пространство мышления. Соображения» я структурирую саму функцию мышления;

• наконец, в книге «Что такое реальность? Концепт» я пытаюсь сказать о том, с чем мышлению приходится иметь дело.

Мне хочется думать, что эти работы, несмотря на все их возможные недостатки, дают достаточно функциональное понимание мышления. Впрочем, мышление – это всегда практика, непосредственная работа. О нем нельзя сказать, как о некой сущности, его можно лишь увидеть в действии.

Надеюсь, мне удалось это действие схватить и показать. Это тот максимум, на который я был способен. То, что касается самой практики мышления, то она, к сожалению, требует соучастников. Поскольку, как утверждает «методология мышления», в пространстве интеллектуальной функции нам сопротивляются только другие люди.

Именно с этой целью я и основал Высшую школу методологии, в рамках которого уже действует проект интеллектуального образования нового формата «Академия смысла». Имея уже годичный опыт работы этого проекта, я готов сказать, что у нас получается учиться мышлению как таковому. Признаюсь, это завораживает.

Спасибо! И приятного чтения…

Методология мышления. Черновик

Предварительные замечания

Пожалуй, лучшее, что мы можем – это мыслить мышление. Лучшее – хотя бы потому, что ничего другого мы помыслить просто не можем, а все, что мы мыслим, уже и всегда – есть наше мышление.

С другой стороны, говорить о мышлении невозможно, потому что мы сами и есть это мышление. Это все равно, что пытаться описать самого себя, глядясь в зеркало. Из этого может выйти неплохое описание нашего изображения в зеркале, но самих себя мы таким образом, конечно, описать не можем. То есть этот текст заведомо обречен на неудачу, что я хорошо понимал, еще только приступая к его написанию.

Как следствие, и я должен предупредить об этом заранее, текст содержит массу противоречий, которые я, хотя бы при первом прочтении, предложил бы просто игнорировать. Уверен, что практически все эти противоречия «контекстуальны» (кроме тех, на которые я специально указываю), то есть не являются противоречиями по существу, а вызваны лишь конфликтом несходящихся языковых контекстов, и смена языковой рамки легко такую «противоречивость» устраняет.

Для того чтобы не потерять главного, застревая на этих «противоречиях», попытайтесь понять не то, что я говорю (пишу), но то, как я предлагаю мыслить. В любом случае моему читателю придется осуществить сознательный выбор – или пытаться достигнуть цели и понять рассматриваемый «способ думать», или бесконечно путаться в словах и придираться к терминам.

Поскольку речь идет о принципиально новом подходе к знанию, мне потребовалось ввести целый ряд новых понятий, которые истолковываются по ходу текста и вряд ли могут быть поняты в отрыве от него. Впрочем, я совершенно на них не настаиваю и буду только рад, если в процессе обсуждения с коллегами и последующего переписывания этого «Черновика» (а называться этому тексту собственно «методологией мышления» еще, мягко говоря, рано) они поменяются и приобретут большую функциональность.

Так или иначе, мы не можем подобраться к мышлению через речь – я в этом почти уверен. Невозможно изложить «способ думать», пытаясь создать какой-то ограниченный набор пропозиций.

Подобный эксперимент, впрочем, я уже ставил в «Психософическом трактате», и хотя в целом там эта задача решена, я не слишком рассчитываю превратить его текст из некой «вещи в себе» в полноценное руководство к мыслительному действию. В «Черновике» я пошел другим путем – скорее рисования, нежели рассказывания. В результате он пестрит выражениями «как бы», «условно говоря», «образно говоря», «давайте представим» и т. д., которые следует понимать буквально.

В тексте я иду от простого к сложному, постепенно насыщая и усложняя значения используемых мною понятий, конструируя и надстраивая их как бы внутрь их самих. Возможно, впрочем, временами будет возникать ощущение, что я возвращаюсь к тому же самому, но это не совсем так. Хотя речь действительно все время идет об одном и том же – об отношениях реальности и мышления, – но осуществляется эта речь на разных, как я смею надеяться, уровнях понимания.

На самом деле данный текст призван сообщить об очень простых вещах, по существу – об азах мышления. Но, к сожалению, именно это и представляется главной проблемой, поскольку

мало чем отличается от безрассудной попытки заглянуть под капот несущейся по автобану машины.

* * *

Существенной трудностью данной работы является тот факт, что она написана, исходя из ряда предположений, сделанных на основе имеющихся у меня знаний о работе психического аппарата. Однако все эти предположения – сами по себе – нуждаются в более детальной проработке, особенно в свете новейших нейрофизиологических открытий. Впрочем, с другой стороны, и сами эти «предположения», как мне представляется, вполне могли бы стать неплохой программой для нейрофизиологических исследований.

В данном тексте я не изобретаю новый способ мышления, а лишь пытаюсь реконструировать тот, который сформирован мною – относительно эмпирически – в непосредственной практике решения тех или иных интеллектуальных задач, а потому и представляется мне вполне эффективным. Так что текст «Черновика» не предполагает «выведение теории с нуля», а скорее концептуализацию того способа, который уже мною опробован и лишь нуждался в своей формализации.

Надеюсь, впрочем, что хотя бы на роль закладного камня этот текст подойдет. Само же здание методологии мышления еще только предстоит строить.

* * *

Мне хочется посвятить эту книгу моим друзьям и коллегам, которые на протяжении всего того времени, пока я работал над формированием соответствующего способа думать, – каждый по-своему – не дали мне почувствовать себя одиноким и сумасшедшим, что в целом учитывая специфику самого этого способа думать, было, казалось бы, почти неизбежным.

С сердечной признательностью Анатолию Николаевичу Алехину, Геннадию Геннадиевичу Аверьянову и Илье Эдуардовичу Егорычеву. Спасибо!

Вводные соображения

До недавнего времени наука о мышлении страдала парадоксальной раздвоенностью: сознание изучалось принципиально отдельно от органа, который его производит, – от психики и, соответственно, от органа, который производит саму эту психику, – от мозга. По причинам, которым сейчас уже трудно найти какое-либо разумное объяснение, философия и психология поделили между собой то, что не может быть разделено в принципе – психическое и его содержание. И обе, надо сказать, демонстративно проигнорировали мозг как таковой. С равным успехом можно было бы, наверное, изучать, например, климат отдельно от температуры и вообще вычесть из этого анализа саму планету Земля.

Как бы там ни было, но к концу XIX века «психическое» окончательно отошло к новоявленной психологии, а «содержание психического» (собственно «сознание», «мышление» и прочие «умствования») осталось в ведении философии. Граница эта, впрочем, нигде не была обозначена явно, а тем более как-то задокументирована, но это ничуть не ослабило силу возникшего противостояния в приграничной полосе. Философы [Г. Фреге, Э. Гуссерль, К. Поппер] активно боролись с «психологизмом» (причем каждый понимал под этим термином что-то свое). Психологи, со своей стороны, лишь подливали масла в огонь. Например, подвергли сомнению саму возможность «философии» – чего стоит, если вдуматься, хотя бы концепция скиннеровского «черного ящика»?

Сохранить нередуцируемую к психике «метафизику» стало для философии делом принципа (экзистенциализм, феноменология, эпистемология, философская антропология и т. д.). Неслучайно, даже великие психологи [У. Джеймс, К. Ясперс, С. Л. Рубинштейн] намеренно разделяли свои работы на философские и психологические – и не дай бог нарушить этот хрупкий мир и зыбкий баланс! Философы, в свою очередь, умудрялись писать о восприятии, чувствах, влечениях, памяти, языке, сознании и прочих психических процессах, совершенно не смущаясь того факта, что никаких научных подтверждений этим их умозрительным выкладкам не существует в природе.

«Истина» и «психика»

Впрочем, подлинная проблема обнаруживается куда глубже. Причем значительно. Да, разделение «психики» и ее «содержания», казалось бы, налицо, но на этот очевидный факт никто и никогда не указывал прямо и в достаточной мере ответственно. Вместо этого и философия, и психология декларировали некие абстрактные, условно-гипотетические предметы своего исследования: философы, вроде как, занимались поисками «истины», а психологи – «психикой». При этом ни один философ не назовет вам критерии «истины» и ни один психолог не скажет, где начинаются и заканчиваются границы «психики». По крайней мере, вопрос о том, где локализуется «культурно-историческое» содержание [Л. С. Выготский] – в конкретной психике или в абстрактном обществе – неизбежно поставит любого психолога в тупик.

Рано или поздно эти умозрительные фикции – «истина» и «психика» – должны были покинуть поле боя. Что и произошло на исходе XX века: метафизическая «истина» была с позором выдворена из континентальной философии [Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр], а в американском философском дискурсе (аналитико-прагматическом) она превратилась в пустую логическую абстракцию [Р. Карнап, У. В. О. Куайн, С. Крипке, Дж. Р. Серль]. Многострадальная «психика», в свою очередь, силами различных «психоанализов», гештальт-психологии, бихевиоризма, когнитивной психологии, психологии психических процессов, социальной психологии и т. д. и т. п., – пережила взрывную, не предполагающую возможности последующего восстановления дефрагментацию.

Трудно представить себе науку, которая была бы настолько неспособна определить предмет собственного исследования… К этому остается добавить, что и практическая полезность данных исследований – как в случае философии, так и в случае психологии – драматично стремится к нулю: по крайней мере, в рамках той «области», о которой мы ведем речь, эти знания нигде толком не востребованы, а потому и не соотнесены с реальностью, тем более – не опосредованы ею. Именно в этой патологической искусственности обеих дисциплин, как мне представляется, фундаментальная причина тех многочисленных «кризисов», которые попеременно диагностируются философами в философии и психологами в психологии.

Наука о мышлении больше никогда не будет прежней

Своеобразной точкой невозврата, обозначившей радикальную смену парадигмы, стали «лингвистический поворот» в философии и «когнитивная революция» в психологии. «Лингвистический поворот» констатировал языковую природу реальности – по сути, свел реальность к языку, то есть, в конечном счете, к «сознанию» [Д. Девидсон, Р. Рорти, Д. Деннет, Д. Чалмерс], а «когнитивная революция» сместила акценты в психологии с исследований психики на способы познания реальности [К. Прибрам, У. Найссер, Б. Баарс]. Так что, психология с философией в некотором смысле сошлись, наконец, на одной стороне воображаемой границы своего векового противостояния. Но это их формальное примирение не имело, да и не могло иметь, никаких практических результатов.

Дело в том, что в сложившихся обстоятельствах интерес к «психике» как таковой был утрачен полностью, а изучать «функцию», игнорируя «орган», можно, лишь окончательно потеряв связь с реальностью. В центре анализа оказались фикции, если не сказать – мистификации. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на актуальные представления о «сознании»: для кого-то «сознание» – это отражение реальности и пространство мышления, для других – собственно субъективная реальность, для третьих – действительная реальность, в которой происходит (по-хайдеггериански «присутствует») специфическое человеческое бытие, четвертые и вовсе считают «сознание» некой надличностной и неверифицируемой силой. Впрочем, это лишь шорт-лист предлагаемых интерпретаций «сознания», в действительности их столько, сколько и авторов, пишущих на эти темы.

Объективно говоря, перед нами уже никакой не кризис, а самый настоящий «конец фильма». Впрочем, именно в тот момент, когда мы, казалось бы, уже окончательно достигли дна, снизу постучали. Помощь пришла – откуда не ждали, *с третьей* стороны… Бурно и независимо развивающаяся нейрофизиология (нейропсихология) неожиданно показала выход из этого реверсивного тупика. Основываясь на фундаментальных подходах [У. Пенфилд, А. Р. Лурия, П. К. Анохин], но благодаря именно новейшим нейрофизиологическим исследованиям [Б. Либет, Д. Риззолатти, В. Рамачандран, К. Фрит, С. Сеунг], положение дел в науке о мышлении неизбежно и кардинально изменится.

И философия, и психология раньше могли громить друг друга взаимными упреками в умозрительности, но с появлением третьей – «нейрофизиологической» – стороны, предлагающей нам в некотором смысле «объективные данные», такая возможность отпадает напрочь.

«Нейрофизиологический переворот»

В скором времени, и этого уже нельзя отрицать, философ без нейрофизиологического бэкграунда будет напоминать врача, который, имея на руках всю современную медицинскую технику, продолжает ставить диагнозы посредствам пальпации пульса. Мы уже больше никогда не сможем рассуждать о природе реальности, игнорируя те данные, которые так скрупулезно и со всем тщанием собирает для нас сейчас нейрофизиология. Чем дальше, тем больше мы

узнаем о фактических механизмах реконструкции реальности («истины») нашим психическим аппаратом («психикой»), да и механику работы самого этого аппарата – то есть методологию мышления.

По аналогии с «лингвистическим поворотом» и «когнитивной революцией» грядущие перемены можно было бы назвать «нейрофизиологическим переворотом» в науке о мышлении: неизбежно и даже вынужденно мы увидим предмет своего исследования радикально другим.

Да, «философия» и «психология» все еще кажутся нам величественными башнями из слоновой кости. И да, мы все еще восхищаемся, подчас с замиранием сердца, причудливыми узорами на их стенах: теориями, концептами, системами. Больше того – там, в этих башнях, все еще живут и деловито суетятся люди. Только вот бойницы этих башен давно опустели.

Огромное количество проблем, которые на протяжении веков являлись для философии знаковыми (даже «основными» ее «вопросами»), скоро просто отпадет. Они станут казаться нам лишь досадным недоразумением, возникшим по причине недостатка обнаруженных теперь оснований. А психология, она и вовсе – не успеем мы и глазом моргнуть – незаметно и совершенно естественно растворится в нейрофизиологии, исчезнет, словно и не было ее никогда.

Современная нейрофизиология сродни изобретению телескопа в астрономии или микроскопа в биологии: она исследует орган, который производит психику, которая, в свою очередь, производит сознание. Но было бы ошибкой думать, что с помощью телескопа астрономы просто рассмотрели звезды – они видели их и прежде. И вовсе не микроскоп открыл биологам причины инфекционных болезней – о них догадывались и раньше. Телескоп и микроскоп лишь позволили исследователям установить закономерности. Так и нейрофизиология не предлагает радикально новой теории и не отменяет наших прежних знаний о сознании, мышлении и психике. Она предлагает нам нечто большее – она создает карту исследуемого нами мира.

Путь, открывающийся «нейрофизиологическим переворотом», кажется сложным и даже пугающим, но перед нами – впервые – столбовая дорога к мышлению (причем одновременно – и с точки зрения его производства, и с точки зрения его содержания). Какие-то жертвы на этом пути необходимы и неизбежны – от чего-то придется отказаться, что-то заново переосмыслить, а к чему-то иначе, совершенно по-новому приноровиться. Но абсолютно бессмысленно этому сопротивляться – мы уже не сможем обойтись без этого радикально нового видения проблемы мышления.

Основные концепты

Нейрофизиология исследует активность мозга, пытаясь понять, каким образом мы формируем свое представление о реальности, основываясь на той информации, которая поступает на периферические отделы нашей нервной системы. Кроме того, она исследует нейрофизиологическую природу тех явлений, которые очевидно являются следствием работы мозга (реакции на раздражители, двигательную активность, память, воображение, мышление, речь и т. д.). По существу, нейрофизиология занимается всеми уровнями обработки информации, которая поступает в мозг через рецепторный аппарат.

Очевидно, однако, что мы (по крайней мере, сознательно и по большей части) имеем дело с объектами, которые никак не воздействуют и не могут воздействовать на наш рецепторный аппарат. К ним, например, относятся мои отношения с родителями или ваше восприятие футбольной команды «Спартак» – каким бы оно ни было. Наши рецепторы не воспринимают и смысла (значения) тех знаков, которые сейчас, при чтении, появляются в вашем сознании. Более того, они также глухи и к тому, что мы считаем вещами внешнего мира: наш рецепторный аппарат не ухватывает ни собаки, ни кошки, ни, например, телевизионной башни, а лишь какие-то сигналы от них и лишь при непосредственном с ними отношении. Соответствующие «сущности» появляются уже в результате работы нашего психического аппарата, то есть уже по его законам и правилам.

При этом очевидно должно быть и другое – то, что таким образом реконструируется и создается нашим мозгом, является бесконечно малой вариацией того, что им в принципе может быть реконструировано и создано. Равно верно и то, что сам по себе рецепторный аппарат, во-первых, ограничен в возможностях специфической тропностью к внешним стимулам (свет, звук, химические раздражители и т. д.) и определенными диапазонами (видимый спектр, концентрации веществ и т. д.), а во-вторых, считывает только то, что непосредственно находится в поле его восприятия, тогда как это лишь несущественно малая часть от того объема информации, с которой имеет дело мозг, осуществляя эту реконструкцию реальности.

Иными словами, фактически воспринимаемое нашим мозгом, с одной стороны, и то, что он считает своим «знанием» о реальности, – с другой, величины несопоставимые. В действительности, он всегда создает «дополненную реальность», а по существу – оперирует весьма объемной и сложноорганизованной иллюзией.

Теперь, учитывая эти факты, сравним тот статус «познания», который традиционно ему приписывается (в философии, например), с тем, что представляет собой наше «познание» на самом деле. Очевидно, что мы чрезвычайно переоцениваем качество этого своего «познания», заблуждаемся в отношении того, что является его действительным «предметом», а также совершенно неоправданно выделяем его – как некое особое и самостоятельное явление – из общей массы психических процессов, происходящих в мозгу. Впрочем, можно, а вероятно, и нужно, сказать жестче: существующие теории познания (сам господствующий способ думать о познании) являются, в существе своем, глубоко ошибочными. И это, собственно, то, что сообщает нам нейрофизиология.

Со всей серьезностью нам следует отнестись к тому, с какой точки мы, по существу, стартуем в своем методологическом исследовании, точнее говоря, каков уровень ее залегания в бесчисленности напластований усвоенных нами заблуждений. Очевидно, что привычные термины (как бы понятные нам «понятия») должны быть существенно переосмыслены, а – желательно – и вовсе заменены на новые, дабы предупредить неизбежную здесь фактически путаницу.

Мышление не ограничивается языком и речью

Возможно фундаментальной проблемой прежней науки о мышлении было искусственное выделение мышления из общей массы психических процессов, а конкретнее – жесткое сопряжение мышления с языком и речью.

Причем этой ошибки нет, например, ни у Л. Витгенштейна, ни у Л. С. Выготского, которых считают «отцами» «лингвистического поворота» и «когнитивной революции». Да, Витгенштейн настаивает на необходимости сохранять молчание там, где мысль не может быть выражена словами, но нигде не говорит о том, что мысль ограничивается словами (что, впрочем, с другой стороны, не противоречит тому, что язык определяет «границы моего мира»). Выготский говорит о том, что «облако мысли» проливается «дождем слов», но не о том, что мысль – это и есть слова. К самой «мысли» он, как известно, просто не успел подобраться из-за своей преждевременной смерти.

Трудно переоценить значение «лингвистического поворота» в развитии философской мысли XX века, но именно он – вопреки всякому здравому смыслу – придал этой досадной ошибке лингвистического понимания мышления статус «научной догмы» [Н. Хомский, Д. Лакофф, С. Пинкер]. Ни в мозге, ни в психике мы не найдем границы, где психический процесс переходит в процесс собственно «мыслительный». Не найдем, потому что этой границы там просто не существует.

У нас нет никаких оснований считать, что неосознаваемая нами психическая активность (составляющая львиную долю деятельности нашего с вами психического аппарата) – активность, поражающая воображение своей сложностью, целесообразностью и системностью, – чем-то принципиально отличается от «мысли». Ни один «психический процесс» – восприятие, внимание, память, эмоциональные реакции, волевые усилия, воображение, речевое или социальное поведение – не имеет никакой особой (своей собственной) нейрофизиологической природы, принципиально отличающей его от того, что мы привыкли считать «мыслительной деятельностью».

Благодаря нейрофизиологии мы знаем, в каких зонах мозга (центры Брока и Вернике) мысль обретает словесную форму, но мы знаем также и то, что и при повреждении соответствующих зон человек продолжает мыслить (пусть и как-то иначе, нежели в норме) [А. Р. Лурия]. Более того, ребенок демонстрирует нам доречевое мышление, а высшие приматы способны обучиться языку (в определенных границах), но лишь как техническому орудию решения практических задач (то есть, по существу, его, конечно, не освоив). Кроме того, любое животное, обладающее нервной системой и, соответственно, способностью к формированию элементарных условных рефлексов, решает таким образом интеллектуальные по существу задачи [Э. Кендэль]. Наконец, даже машины – посредством программного обеспечения – способны к интеллектуальной работе [А. Тьюринг].

Таким образом, мы не можем не изменить свой взгляд на мышление, причем это изменение должно быть радикальным. Мышление – это вовсе не вопрос языка или речи, а процесс оперирования интеллектуальными объектами – операндами [Л. М. Веккер], которые лишь отчасти могут быть оформлены в языке (сопряжены с соответствующим содержанием психического), но и то лишь на каком-то этапе и при определенных условиях.

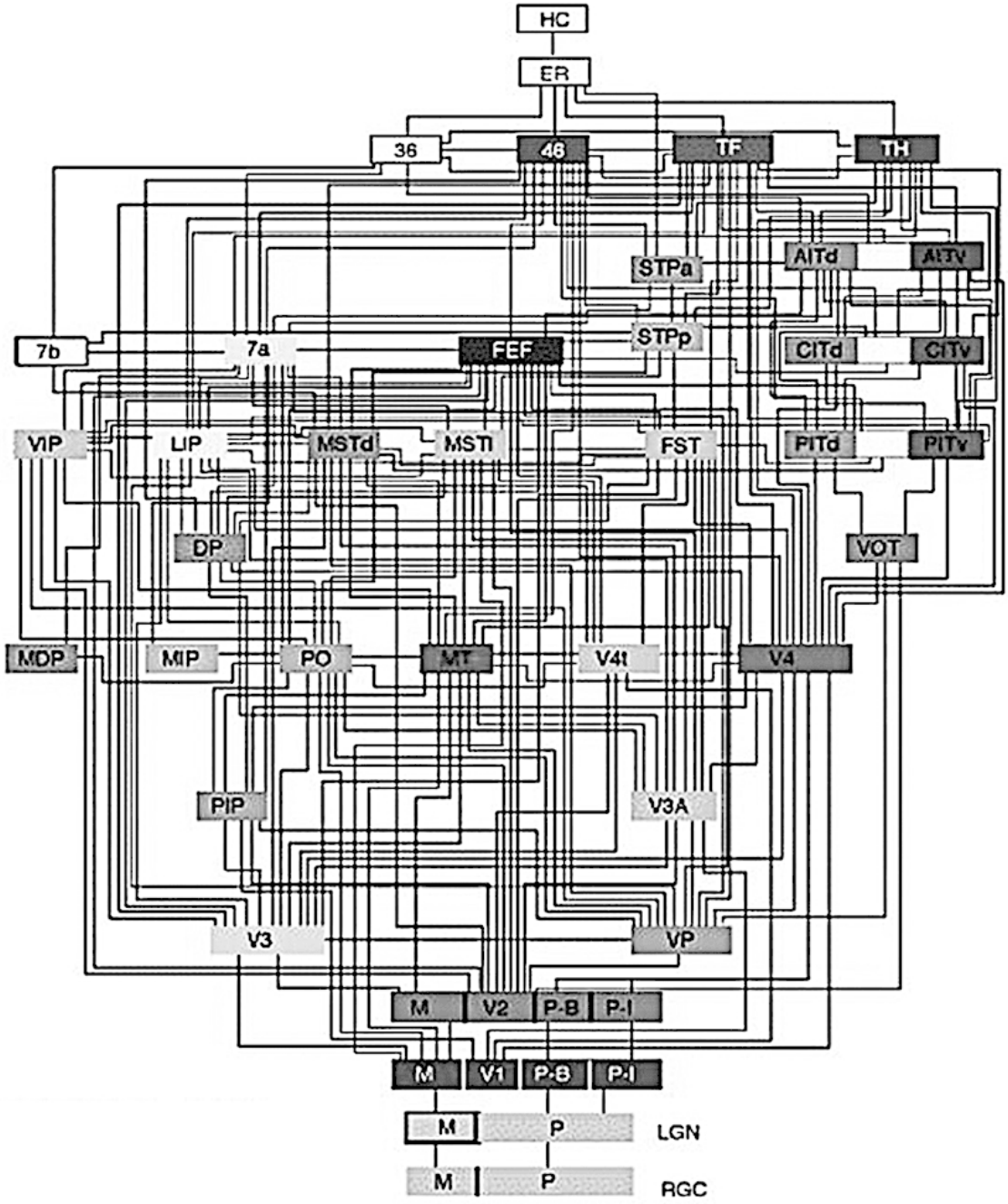


Рис. 1 *Анатомическая схема зрительного пути обезьяны*

Единицей мышления является «интеллектуальный объект»

Единицей мышления является интеллектуальный объект (операнд) – нечто, что создается психическим аппаратом и приобретает для него и в нем некое специфическое значение.

Процесс создания интеллектуальных объектов является, по существу, основной психической функцией. Посредством рецепторного аппарата и через афферентные пути мозг ежесекундно получает около 11 миллионов бит «сырой» информации [М. Шпицер], которая используется им для реконструкции объектов внешнего (по отношению к нему) мира. Процесс этой реконструкции является сложнейшей и многоуровневой задачей, которая уже – и по форме, и по существу – является интеллектуальной: мозг не просто воссоздает себе некий образ внешнего объекта, «отражая действительность», а активно порождает нечто, что станет для него

объектом (интеллектуальным объектом) в связи с его собственным – данного мозга – содержанием [Д. Эссен]. Иначе говоря, мозг не создает «психические копии» неких «объективно существующих объектов», но лишь свои собственные интеллектуальные объекты, причем делает это непрерывно и только «под себя».

Так выглядит анатомическая схема лишь одного зрительного пути обезьяны, воспроизведенная Дэвидом ван Эссеном (рис. 1). Количество обратных связей в ней превышает число нитей, идущих от каждой области в следующую, стоящую выше по иерархии. Очевидно, что у человека схема такого самореференцирующего зрительного пути значительно сложнее, и радикальное преобладание этих отсылок не к тому, что воспринимается в реальности, а к тому, что уже содержится в мозге, однозначно свидетельствует о том, что реальность является для нашей психики только «информационным поводом», все остальное она, как «хороший» журналист, додумывает сама.

Процесс создания интеллектуального объекта, что показано в соответствующих исследованиях, сопровождается процессом наделения этого объекта некой «его» «сущностью» [П. Блум]. То, что мы привычно называем «значением», является ничем иным, как «значением-для-меня», то есть результатом отношений между условным «мной» (где «я» – какое-то содержание моей психики) и тем интеллектуальным объектом, который был мною (во мне) создан. Грубо говоря, мои отношения со столом и превращают стол в «объект», наделенный сущностью «стольности». Разумеется, никакой реальной сущности у «стола» нет и, в действительности, он настолько же является «предметом», как и дуновение ветерка. Но тот факт, что он имеет-для-меня-значение «стола», превращает его в «объект реальности» – вещь, наделенную соответствующей «сущностью».

«Интеллектуальная функция»

Мы бесконечно оперируем внутри собственной головы этими операндами (интеллектуальными объектами), создавая, таким образом, новые и новые отношения между ними. И эти новые отношения, по существу, есть новые – производные от – интеллектуальные объекты. Причем, учитывая многоуровневость этого процесса, протекающего одновременно и последовательно на разных этажах психического, все интеллектуальные объекты являются такими «производными».

Допустить наличие неких исходных (первичных, элементарных) интеллектуальных объектов было бы ошибкой. Во-первых, мы должны отдавать себе отчет в том, что любой, даже самый «простой», интеллектуальный объект складывается из разных и отдельных раздражителей (воздействующих на разные и отдельные рецепторы). Во-вторых, сами эти интеллектуальные объекты обретают соответствующий статус (состояние, вес, значение, звучание) – «интеллектуального объекта» – лишь в тот момент, когда мы наделяем этот интеллектуальный объект некой «сущностью» – то есть уже воспринимаем его в некоем отношении с собой (где «я» – любое конкретное содержание нашей психики) как некую «вещь», имеющую определенное «значение-для-меня».

Именно поэтому понятие «функции» необходимо понимать здесь не только в привычном значении как «объект и его функция», но и в математическом смысле – «функция как отношение», «однозначная парная связь элементов одного множества с элементами другого множества».

Несовпадение «реальности» и «представлений о реальности»

Из сказанного следует сделать вывод, что возникающие в нас (в нашем мозге, психическом аппарате) интеллектуальные объекты, которые не являются объектами действительной

реальности, а лишь результатом наших – зачастую предельно сложных – отношений с ней, но призванные ее «отражать» (изображать, представлять и т. п.), находятся с ней в постоянном и совершенно неизбежном конфликте.

Если бы мы обладали способностью воспроизводить реальность в себе такой, какова она есть на самом деле, то этого бы конфликта не возникало. Но это привело бы к тому, что в нашей голове (в мозге, психическом аппарате) наблюдалась бы эта самая реальность, что невозможно. В случае если некая «карта» полностью совпадает с «территорией», она и является этой «территорией», а не ее «картой».

Кроме того, следует иметь в виду, что мы сами, вне всякого нашего намерения, желания или контроля, принадлежим действительной (фактической) реальности, но при этом находимся и в непрерывном, разноаспектном отношении с ней. Таким образом, мы, являясь одновременно и наблюдателем, и наблюдаемым, не можем совпадать с реальностью в своем представлении о ней.

Производство «содержания»

Неизбежное несовпадение наших «представлений о реальности» (вся совокупность наших интеллектуальных объектов) и действительной реальности как она есть – само наличие возникающего в такой ситуации конфликта (несовпадения) – побуждает нас постоянно «улучшать» наше представление о реальности.

Нам может казаться, что мы таким образом «приближаемся» к реальности, создаем «лучшую» (улучшенную, идеальную) ее копию, но это заблуждение. Усложнение интерпретации интерпретируемого – это всегда параллельный (по отношению к интерпретируемому) процесс – процесс, протекающий в другой плоскости, в другом измерении, процесс, о котором нельзя сказать, что он лучше или хуже какой-то иной его же версии.

Сугубо теоретически можно, наверное, предположить, что на каком-то уровне данного усложнения вероятность ошибки – то есть, как раз ухудшение отражения реального, некорректность отражения реальности и т. д. и т. п. – только увеличивается. Однако это, очевидно, лишь предположение.

Несомненным же фактом является то, что процесс этого перманентного усложнения нашего представления о реальности, связанного с перманентным же несовпадением этого представления с реальностью как таковой, является основным движущим фактором и фактическим средством производства содержания нашей психики, то есть самого психического (в широком и разноаспектном понимании этого слова).

Иллюзорность «реального» и «фактическая реальность»

Мы пребываем в устойчивой иллюзии, которая, впрочем, легко разрушается при соответствующих болезнях, интоксикациях или иных повреждениях мозга, что воспринимаемый нами мир реален (реален, по крайней мере, в том смысле, что мы воспринимаем своими органами чувств нечто реальное).

Здесь важно понять, что это вовсе не так очевидно, как нам кажется, и вряд ли соответствует фактической действительности. И дело даже не в том, что нарушения в работе мозга (психического аппарата) могут приводить, например, к так называемым истинным галлюцинациям, неотличимым от реального восприятия. Дело в том, что этот – воспринимаемый нами – мир не дан нам в первичных (простых, элементарных, исходных) интеллектуальных объектах, а всегда есть результат интеллектуальной функции, то есть – он всегда есть производное от производного.

Иными словами, всякая реальность, нами «воспринятая», всегда есть некое представление о реальности, созданное нашим же психическим аппаратом и не соответствующее потому реальности полно или сколь-либо точно. То есть мы не можем иметь корректного представления о реальности, а лишь только ту или иную его версию. Таким образом, все, что воспринимается нами как реальность, реальностью не является, сколь бы реальным нам это – воспринятое, ощущаемое, видимое – ни казалось.

Да, исходные посылки реальны: на уровне рецепторного аппарата происходит непосредственный контакт нашей психики (психического аппарата) с реальностью. Но во-первых, это в каждом конкретном случае настолько мизерный, частный, специфичный контакт, что его трудно оценивать как нечто действительно существенное и адекватное в рамках «отражения» реальности, и во-вторых, что еще более важно, у нас нет доступа к данным этого «контакта», потому что сам по себе, без его соотношения с уже существующим и предустановленным содержанием психического, он от нас скрыт.

Все сказанное, впрочем, не только не отрицает наличие реального как такового (предположить это было бы и странно, и даже нелепо), а напротив – лишь доказывает реальность реального. И хотя мы не можем получить это реальное через восприятие (несмотря на то, что нам кажется, будто бы именно таким образом мы его и получаем), это не исключает возможности думать о реальном – «о том, что происходит на самом деле» – как-то иначе.

Таким образом, нам необходимо научиться, с одной стороны, не принимать свое представление о реальности за саму реальность, а с другой – найти какой-то особый способ мыслить фактическую реальность, который учитывал бы тот факт, что одновременно с этим мышлением реальности мы сами в ней и находимся – принадлежим ей, являемся ее естественной и неотторжимой частью.

Методология мышления и реконструкция фактической реальности»

Итак, мы понимаем, что наше представление о реальности и реальность – не одно и то же. Более того, понятно – то, что нам кажется фактической реальностью, на самом-то деле ею не является. Наконец, мы отдаем себе отчет в том, что эта реальность существует – фактически есть, и сверх того, является безусловным приматом всякого существования, хотя и недоступна нашему восприятию (включая и всю систему наших представлений о реальности). Это понятно. Но что мы мыслим сейчас, рассуждая таким образом? Именно сейчас и именно таким образом мы как раз и мыслим фактическую реальность.

Очевидно, что то, что мы сейчас мыслим, и то, как мы это мыслим (можно сказать – логически, аналитически), является сложным и, по существу, «умозрительным» интеллектуальным объектом. Однако же, при всем при этом, именно этот интеллектуальный объект и дает нам реальность, причем куда точнее, нежели наше привычное представление о ней.

Иными словами, мы не можем мыслить реальность, считая свои представления о реальности реальностью, с другой стороны, ничто не мешает нам мыслить фактическую реальность (то, что происходит на самом деле), подходя к этому с другого конца – исходя из намеренного, осмысленного и целенаправленного отрицания идентичности реальности и нашего представления о ней.

Еще раз: мы можем – умозрительно, аналитически, логически – знать, что реальность существует. Мы можем знать это с достоверностью, несмотря на то что мы не имеем к ней прямого доступа посредством нашего психического аппарата (последний лишь создает ее версии). Наше знание того, что она – фактическая реальность – есть, кажется очень незначительным. Но здесь важно понимать другое: именно таким образом мы видим, что это знание – адекватное реальности – возможно. А если такое знание в принципе возможно, то мы можем

понудить свое мышление к тому, чтобы оно двигалось и дальше, создавая это – адекватное реальности – знание.

В чем-то это – адекватное реальности – знание напоминает «представление о реальности», которое фактической реальности не соответствует. Более того, в каком-то смысле оно – это знание – конечно, тоже является «представлением», и мы должны об этом помнить, однако нам не следует таким образом об этом думать. Здесь есть существенное отличие: такое знание, которое мы называем в данном случае «адекватным реальности», является, по существу, не представлением о реальности, а ее реконструкцией.

Возможность адекватно реконструировать реальность – это и есть то, что мы ждем от методологии мышления.

Часть первая: Фактическая реальность

Принимая в расчет данные современной нейрофизиологии, мы должны исходить из того факта, что вся воспринимаемая нами реальность (равно как и все объекты нашего внутреннего мира) сделана нашим же мозгом, работой психического аппарата. То есть мы всегда имеем дело с некой моделью реальности, нами же созданной, а не с реальностью как таковой. Еще раз: мы не имеем непосредственного доступа к реальности, а то, что мы считаем реальностью, – таковой не является.

Причем наши представления о реальности конструируются нашей психикой как бы сами по себе – автоматически, мы, как сознающие себя существа, всегда получаем ее уже в готовом – *таком* – виде, а не саму по себе. Мы воспринимаем созданную нашим мозгом картину реальности как саму фактическую реальность, что является ошибкой и заблуждением, свидетельствующим лишь о нашей предельной ограниченности. Но мы совершаем ее постоянно, на уровне психологических автоматизмов и не можем ее не совершать.

Все наши представления о реальности созданы нашим мозгом, а мы имеем дело только со своими представлениями о реальности, из чего следует, что всякое наше «познание реальности» в действительности является лишь исследованием нашей собственной модели реальности, а не реальности как таковой. Не имея прямого доступа к реальности, мы не можем ее познавать, а то, что мы считаем результатами своего познания реальности, в действительности является лишь нашим знанием о наших представлениях о реальности.

Однако мы ставим перед собой именно эту цель – нам важно понимать, какова реальность на самом деле, что происходит на самом деле. И очевидно, что получить этот результат обычным, привычным для нас способом невозможно (хотя, конечно, мы в подавляющем большинстве случаев не отдаем себе в этом отчета). Таким образом, для того, чтобы иметь действительное видение фактической реальности, нам необходимо идти окольным путем – то есть как-то обойти свой привычный способ отношений с реальностью и создать новый.

Именно этот путь, ведущий к фактической реальности, и должна прочертить методология мышления. Мы должны осмыслить то, как мы формируем свое представление о реальности, понять, почему принимаем эти представления за фактическую реальность, и разработать способ, с помощью которого мы сможем обойти эти представления, чтобы получить доступ к фактической реальности. Исходя из сказанного, начнем хотя бы с того, что попытаемся понять, что именно нам необходимо обойти и как это можно сделать.

Отличие «реконструкции» от «представления»

«Представление о реальности» – это термин, это уже в каком-то смысле реконструкция. Однако всякое наше фактическое «представление о реальности» не ощущается нами как *представление*. Мы воспринимаем свое представление о реальности как саму (за саму) фактическую реальность, и мы психобиологически не можем в этом своем восприятии усомниться.

Чтобы увидеть в этом своем представлении именно и только *представление*, а не реальность, нам необходимо аналитическое усилие, нам нужна реконструкция всей этой ситуации – нас-воспринимающих, предположение о факте наличия реальности, находящейся по ту сторону нашего восприятия, эффекта сделанности наших представлений и т. д. и т. п. Таким образом, в отличие от наших представлений о реальности, такая реконструкция фактической реальности не будет субъективно ощущаться нами как воспринятая нами реальность, но лишь как размышление о ней.

Когда же мы аналитически (логически, осмысленным и целенаправленным размышлением) понимаем, что реальность как таковая (фактическая – то, что происходит на самом деле)

нам недоступна, мы, и в этом состоит фундаментальный парадокс, создаем адекватную реконструкцию реальности. Но именно поэтому мы и не можем почувствовать (воспринять, представить и т. д.) эту реконструкцию как реальность, а видим ее лишь как интеллектуальную модель, как нечто сконструированное. То есть мы можем только «так думать», и мы не найдем никаких подтверждений этой своей мысли в своем фактическом, привычном восприятии реальности.

Этот парадокс необходимо осмыслить предельно отчетливо: наше представление о реальности всегда является ложным и неадекватным реальности, но мы не можем в нем усомниться иначе, как только аналитически (гипотетически, предположением, мысленным экспериментом). То есть на уровне своего восприятия мы всегда будем отождествлять свое представлениео реальности и саму реальность, но это отождествление – ошибка, обусловленная устройством (требованием) нашего собственного психического аппарата.

О действительной же реальности – о том, что происходит на самом деле, – мы можем судить только и исключительно аналитически – в рамках, своего рода, мысленного эксперимента. Иными словами, путь к действительной реальности, скрытой от нас нашим же представлением о ней, лежит исключительно через размышление, и результаты этого размышления всегда и неизбежно будут восприниматься нами как некая условная конструкция, но не как реальность (как мы привычно ее субъективно воспринимаем).

Всякий же раз, когда мы начинаем верить в свою реконструкцию реальности как в реальность фактическую, эта наша реконструкция неизбежно становится представлением о реальности, и мы тут же впадаем в иллюзию.

«Реконструкция» – схемы, модели, чертежи, граница

Своего рода «конструктивизм», о котором здесь идет речь, необходимо понять правильно. Речь не идет о том, что, реконструируя фактическую реальность, мы получаем саму фактическую реальность, но это еще и не представление о реальности, как мы его здесь описываем. Это схема, модель, чертеж.

Воспользуемся аналогией: некое архитектурное сооружение можно рассматривать само по себе (фактическая реальность), как некий образ этого архитектурного сооружения в нашем сознании (представление о реальности) или как чертеж, инженерную схему этого сооружения – и именно это, последнее, важно. Сравни рис. 2 и рис. 3.

Нам не следует, при всей его «очевидности», верить «образу» (своим представлениям о реальности) – хотя бы потому, что наше восприятие уж слишком субъективная и ненадежная вещь. В конце концов, прав был Людвиг Витгенштейн, подвергая сомнению Расселову уверенность в отсутствии носорога в классной комнате. Что если у Рассела специфическая скотома, или носорог ловко прячется у него за спиной, а остальные свидетели этой игры в носорожьи прятки являются подсадными утками, забрифованными Соломоном Ашем молчать и не смеяться?

Рис. 2 Искупительный храм Святого Семейства, Барселона

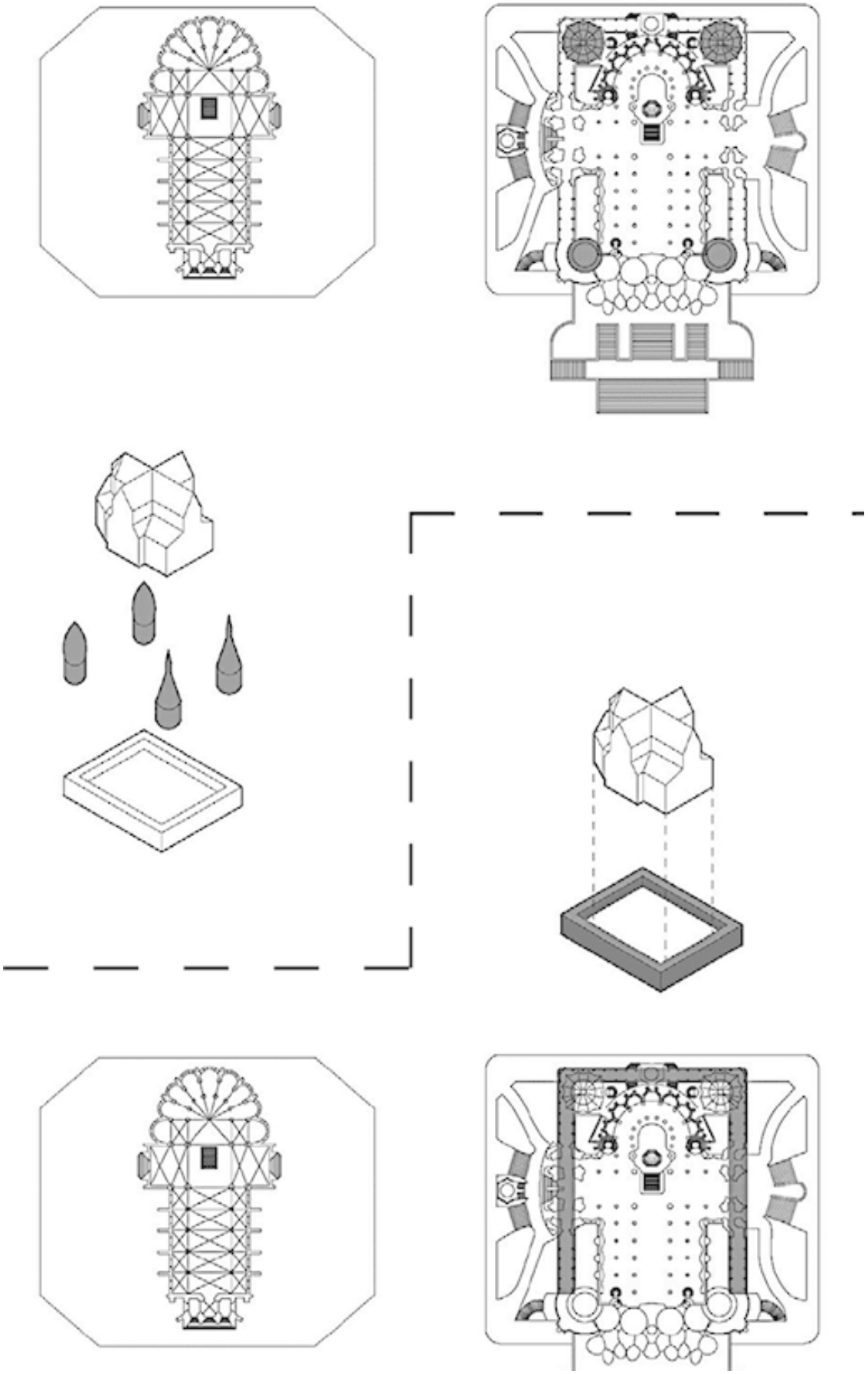


Рис. 3 Чертеж-схема храма Святого Семейства

Итак, «образ» отпадает. Что тогда? Фактическому наличию архитектурного сооружения мы, конечно, верить можем, но как оно попадет в нашу психику окольным путем – не через формирование соответствующего образа? Это невозможно. Остается схема, модель, чертеж.

Этот, условный, «чертеж» (наша реконструкция фактической реальности) не даст нам ясного представления об «образе» здания. Даже сильно напрягая воображение, мы вряд ли сможем лишь по чертежам представить себе здание привычным способом. Перед нами лишь какие-то схемы, цифры, таблицы, выкраски цвета и т. д. Но зато со всем этим можно работать – мы можем понять количество отдельных помещений, полезную площадь, этажность, высоту потолков, наличие санузлов и т. д. и т. п. Поэтому создание «чертежа» фактической реальности, то есть ее «реконструкция», – это для нас, как для исследователей, вещь, безусловно, приоритетная.

Но тогда нам необходим четкий критерий, который позволит отличать «образы» реальности (представления о ней) от «чертежей» (от реконструкции фактической реальности), в противном случае мы легко запутаемся. Посмотрите на эти рисунки – тут образ творения Гауди (рис. 2) с соответствующими схемами не перепутаешь (рис. 3). Но когда и то и другое находится «внутри головы» – проблемы почти неизбежны.

Возьмем для примера наши недавние размышления о роли «философии» и «психологии» в «науке о мышлении». Казалось бы, этот анализ требовал понять, что именно они – «философия» и «психология» – говорят о «мышлении». Но мы по этому пути не пошли, ведь тогда бы нам пришлось решать вопрос о достоверности – как мы можем проверить правильность соответствующих выводов о «мышлении»? Отвечая на этот вопрос, мы бы должны были соотнести одни представления с другими и, очевидно, оказались бы в замкнутом круге игры представлений – зеркал, смотрящихся друг в друга.

Поэтому мы пошли другим путем: мы спрашивали – что было действительным объектом исследования данных дисциплин, чем они реально занимались? Иначе говоря, мы пытались понять, с чем – в фактической реальности – они могли иметь дело, проводя свои исследования?

Таким образом, мы обнаружили, в частности, невозможность определить границу между психикой и содержанием психического. Тот факт, что мы не можем эту границу найти (выявить), является достаточным основанием, чтобы понять, что в указанных дисциплинах изучалось нечто, что не является реальностью, но лишь представлением о ней.

Дело в том, что реконструкция фактической реальности, поскольку она – такая реконструкция – совершенно искусственна, неизбежно содержит в себе границы. Именно поэтому ее можно перевести в схемы, таблицы, графики, и именно потому она позволяет вести последовательный научный поиск. Предпринимаемая нами реконструкция фактической реальности вовсе не описывает действительность, она указывает на то, как эта действительность устроена.

Все это не значит, что мы не находим и не устанавливаем множества границ в своих представлениях о реальности – напротив, мы плодим их здесь в огромных количествах (например, разделяя «философию» и «психологию», что, конечно, является весьма и весьма условным разделением, но ведь оно кажется нам – особенно если мы философы или психологи – чрезвычайно существенным и значимым). Но одно дело – что-то противопоставить чему-то, и другое дело – определить границы того, о чем идет речь на самом деле. Граница, иными словами, это не черта, а замкнутый периметр.

По всей вероятности, в фактической реальности никаких «границ» нет, а реконструкция будет всегда ограничена, всегда имеет границу. Является ли это парадоксом? Безусловно, и очень важным: поскольку мы сами принадлежим фактической реальности, мы не можем «воспринимать» фактическую реальность иначе, как через некую метамодель – то есть как бы «через ход», с «переходом хода», искусственным образом. Но мы можем впадать в иллюзию,

принимая свои представления о реальности за реальность как таковую, и тогда она, и в самом деле, оказывается совершенно для нас недоступна.

«Фактическая реальность» и «реконструкция реальности»

Фактическая реальность не может быть дана нам в представлении, потому что представление всегда искажено тем, кто это представление создает. По существу, представляющий реальность привносит себя в нее как еще одно «представление», и все начинает путаться. То, что я или любое другое существо, обладающее психикой, воспринимаем как реальность, – является лишь нашей (его или моей) версией этой реальности, то есть тем, что мы называем «представлением о реальности».

«Холодно», «тепло», «жарко», «невыносимо жарко» – являются оценочными суждениями, которые говорят нам о состоянии «оценщика», но не о фактическомтепле. Последнее, в свою очередь, является конструкцией – мы нечто принимаем за природу тепла (например, скорость движения атомов в веществе), а что-то за единицу соответствующей шкалы (по Кельвину, по Цельсию, по Фаренгейту). По существу, все наши представления о реальности являются оценочными, а сама фактическая реальность может быть нами только теоретически реконструирована.

В действительности никакой «температуры», как, впрочем, и «тепла», тоже нет. Есть некие физические процессы, которые воспринимаются нами определенным образом (на разных уровнях – физического ощущения, теоретического обобщения и т. д.), и для «формализации» этих отношений мы имеем субъективное восприятие «тепла-холода», а также соответствующие реконструкции – идею тепла, идею температуры, идею шкал и т. д.

Но можем ли мы на этом остановиться, или нам следует идти дальше? Ведь и сама идея «физических процессов» является представлением о реальности, но не фактической реальностью. В реальности нет «физики», равно как и «физических процессов», а есть нечто, что мы можем таким образом назвать, концептуализировать, а затем – и уже в таком виде – изучать (т. е. изучать не реальность, а свое представление о ней).

Очевидно, что мы впадаем тут в некоторое противоречие: в одном случае, когда мы рассуждаем о «тепле» и «температуре», мы говорим, что «физические процессы» есть, а в другом случае, когда мы говорим о «физике» и «физических процессах», мы указываем на то, что их нет.

Но это противоречие, с точки зрения методологии мышления, формальное, кажущееся, контекстуальное. Более того, само искомое понимание возникает как раз в момент, когда мы вдруг замечаем, что наше представление о реальности является лишь представлением. Замечая это, мы как бы проходим «дальше» – создавая, условно говоря, новую, более глубокую реконструкцию фактической реальности.

Именно в этом и заключен единственно возможный способ думать о фактической реальности: реконструируя реальность, мы постоянно отказываемся от каких-то своих представлений о реальности и берем новую рамку для создания соответствующей модели. Мы как бы «проваливаемся» в этот момент глубже и глубже своих действующих представлений о реальности к фактической реальности.

«Проваливаясь», впрочем, мы в действительности, конечно, никуда не падаем и не попадаем; и речи, разумеется, не идет ни о каком фактическом «проникновении вглубь». Мы «проваливаемся» лишь относительно своих представлений, а создавая в этот момент какую-то очередную реконструкцию действительной реальности, мы, скорее, если уж пользоваться образами, не проваливаемся, а упираемся в нее, отталкиваемся от фактической реальности.

Фактическая реальность может быть только упором для формирования нами той или иной ее реконструкции. Но и она – эта модель – в свою очередь, может скоро стать нашим

представлением о реальности, вернув нас, так сказать, в начальную точку. Всякий раз, когда нам начинает казаться, что мы что-то «познали» и наше представление о мире в связи с этим изменилось, мы как раз переходим от реконструкции фактической реальности к иллюзорному представлению о ней.

Представленная здесь динамика «процесса познания» – не метафизическая диалектика и не абстрактный релятивизм, а особенность нашей психики, которая нуждается в том, чтобы хоть что-то всегда было для нее «реальным», а потому она регулярно и неизбежно вводит нас в заблуждение, когда умозрительное начинает приниматься нами за действительное.

«Эффект чувства реальности» и «эффект разрыва»

Представление о реальности, таким образом, характеризируется – назовем его так – «эффектом чувства реальности». «Эффект чувства реальности» – то, в чем наша психика, очевидно, нуждается и, по существу, постоянно его – этот эффект – производит. Она готова пойти на самые разные уловки для того, чтобы сохранить свое чувство реального и свои представление о внешнем мире [В. Рамачандран, К. Фрит].

Наличие чувства реальности необходимо психике для обеспечения целенаправленной деятельности: психика постоянно сверяет свои действия с «реальностью» и корректирует их (например, посредством механизма обратных афферентаций, «обратных связей» [П.К. Анохин]), в противном случае она неспособна внутри самой себя ни формироваться, ни функционировать.

Иными словами, психике всегда необходимо некое представление о реальности, которое она будет воспринимать как реальность, а потому наши реконструкции фактической реальности неизбежно будут тяготеть к тому, чтобы стать представлением о реальности. Вопрос, таким образом, в улавливании этих переходов – когда то, что было реконструкцией фактической реальности, вдруг превращается для нас в представление о реальности (неотличимое для нас от реальности, а потому иллюзорное). То есть тех моментов, когда то, что мы понимали умозрительно и как бы гипотетически, но по существу как раз таки верно, вдруг начинает казаться нам реальным, а потому оказывается иллюзорным.

У этого обстоятельства есть и другой крайне важный аспект: мы – так получается – никогда не можем иметь реконструкцию реальности в законченном виде, превратить это свое знание о реальности в некий полный, раз и навсегда данный нам «справочник», описывающий фактическую реальность. Если это происходит, мы тут же скатываемся в новое представление о реальности, которое как раз и скрывает от нас фактическую реальность.

Фактическая реальность дается нам только в разрывах, эпизодически, когда мы преодолеваем генерируемый нашей психикой «эффект чувства реальности» – снимаем с себя эти розовые очки и осознаем, что фактическая реальность всегда, и совершенно определенно, нам недоступна. Я бы сказал, что если мы и можем ощутить фактическую реальность, то только на кончиках пальцев, но схватить ее и удержать в кулаке невозможно.

Данный «эффект разрыва», судя по всему, может производиться нами исключительно направленным интеллектуальным усилием. Наша психика непреодолимо тяготеет к тому, чтобы сложить весь набор раздражителей в некую понятную, ясную и как бы непротиворечивую картину реальности, то есть создать «эффект реальности». Эти представления о реальности, в свою очередь, являются специфическим фильтром-интерпретатором – всякие новые раздражители, оказываясь, образно говоря, в поле тяготения соответствующей системы представлений, неизбежно как бы изменяют свою траекторию – одни отталкиваются (игнорируются), другие, комплементарные, напротив, притягиваются, третьи – видоизменяются (интерпретируются) в угоду господствующим установкам. Так, если я считаю, например, некое государство «потенциальным противником», я с неизбежностью интерпретирую его полити-

ческие действия как проявления враждебности, и мне необходимо огромное и направленное интеллектуальное усилие для того, чтобы усмотреть в этих действиях что-то иное.

Впрочем, мы можем быть поставлены в ситуацию, когда этот «разрыв» неизбежен – например, когда ребенок застает своих родителей во время сексуальных отношений. До этого у него, допустим, было представление о том, что мужчины и женщины время от времени занимаются сексом, но это было именно представлением – каким-то представлением о реальности секса, некая, так скажем, картинка. Когда же он обнаруживает своих родителей, занимающихся сексом, у него возникает тот самый «эффект разрыва» – то, что было представлением (вполне себе безобидным), вдруг становится для него фактом реальности, отталкиваясь от которого он переосмысливает и свое представление о собственных родителях, и то, что он думал о сексе раньше. Впрочем, когда эта «буря» уляжется, какое-то новое, видоизменившееся представление о реальности вступит в свои права, а реальность в соответствующем аспекте снова станет для него иллюзорной.

Уязвимости мышления

Итак, вернемся к заявленному нами формальному противоречию и продумаем его еще раз. Да, есть существенная разница между «представлением» и «реконструкцией»: в первом случае мы отождествляем представление с реальностью и не видим к этому никаких препятствий, во втором – мы не ощущаем произведенную нами «реконструкцию» как реальное и относимся к ней, скорее, как к некой умозрительной модели, описывающей реальность. Это своего рода диагностический признак, отмечающий тот момент, когда некая реконструкция фактической реальности превращается для нас в представление о реальности.

Процесс подобного «превращения» – из реконструкции в представление – происходит постоянно. Например, когда мы впервые узнали о том, что Земля круглая, «висит» в космосе, вертится вокруг своей оси, да еще вокруг Солнца, это узнавание было для нас реконструкцией реальности – мы не воспринимали эту информацию непосредственно, как, например, мы воспринимаем движение того же самого солнца по небесному своду. Мы должны были мысленно реконструировать эту картину, образовав в голове соответствующие интеллектуальные объекты – планеты, орбиты, звезды, бескрайний космос и т. д.

Однако, реконструировав эту модель, мы быстро свыклись с ней, и из реконструкции она превратилась для нас в представление. И хотя никто из нас, за исключением, быть может, космонавтов, не наблюдал описанной картины во всей ее полноте воочию, она – эта картина – стала для нас фактическим представлением о реальности: мы так думаем, мы так это понимаем, мы из этого исходим, мы это в некотором смысле так ощущаем. Хотя, повторюсь, у нас нет никаких оснований так думать, кроме «веры на слово» соответствующим специалистам или доверия к документам (фотографиям, видеосъемке и т. д.), которые, понятно, вполне могут быть сфальсифицированы или неправильно интерпретированы.

Речь в данном случае, разумеется, не идет о том, что все наши космологические знания – выдумка. Данный пример важен, чтобы мы осознали ряд уязвимостей, связанных с нашим тяготением к «чувству реального».

Во-первых, мы готовы принять за реальное (и составить соответствующее представление) то, что для нас никогда реальным не было, и даже, в каких-то случаях, не может быть таковым (как, например, космические черные дыры). Однако из-за «чувства реальности» мы, скорее всего, соответствующие допущения не заметим – нам будет казаться, что мы знаем, понимаем, видим и т. д.

Во-вторых, наша реконструкция реальности легко превращается в представление о реальности, в результате чего наш фактический контакт с фактической реальностью неизбежно прерывается. Реальность дается нам только в разрыве наших представлений, но этот разрыв

мучителен, а полученное в нем знание – сиюминутно. Оцарапав алюминий, мы лишь на мгновение открываем его – склонный к взаимодействию с кислородом он тут же покрывается окисной пленкой.

В-третьих, традиционные для нас способы реконструкции реальности, по существу, играют лишь на постепенное усложнение наших представлений о реальности, а не на лучшее понимание реального как такового – фактической реальности. Поэтому мы уже научились летать в космос и клонировать органы, а вот понимание фактической реальности у нас вряд ли лучше, чем у Сократа, жившего две с половиной тысячи лет назад, а понимание методологии мышления – не лучше, чем у Спинозы, жившего три с половиной столетия назад.

Мы принуждены постоянно открывать для себя реальность заново, расчищать ее от наслоений собственных представлений, что с экспоненциальным ростом последних становится все сложнее и сложнее. С другой стороны, понятно и то, что важно для нас не столько знание фактической реальности (что, к сожалению, вряд ли возможно в принципе), сколько обретение способа, с помощью которого, когда это необходимо, мы можем ее обнаружить.

Реконструкция «фактической реальности»

Реконструкция – это, по существу, модель. Модель не является представлением, пока мы понимаем, что она лишь воспроизводит нечто в ином «масштабе», а потому не отражает реальность, но лишь моделирует ее. Это способ думать о фактической реальности, и этих способов может быть много, поскольку мы всегда думаем о ней что-то, кем-то и как-то. Но в основе, если мы строго следуем методологии мышления, всегда фактическая реальность.

Методология мышления – это просто инструмент, позволяющий нам думать о фактической реальности. Неправильно это даже называть познанием реальности, потому что мы не познаем, а создаем адекватную модель реальности (адекватную нашим целям и задачам, с одной стороны, и самой фактической реальности – с другой). Степень адекватности определяется только эффективностью, достигаемой при использовании соответствующей модели.

С другой стороны, если понимать это правильно, у нас нет необходимости в познании как познании – только лишь ради производства какого-то нового знания, которое неизбежно станет лишь представлением, а последнее – не то, что мы ищем.

Это не значит, что нельзя и не нужно изучать реальность средствами науки, поскольку представления тоже могут быть эффективными в решении тех или иных задач. Но если мы, поступая так – исследуя реальность методами науки, будем понимать, что речь идет лишьо представлении, то нас не будут волновать многие возникающие на этом пути парадоксы – они легко будут, в таком случае, преодолены методологией мышления, которая позволяет отличать формальные противоречия, возникающие в рамках представлений о реальности, от ошибок, связанных с неверным истолкованием фактической реальности как таковой.

Методология мышления, таким образом, не является гносеологией, не занимается познанием, по крайней мере, в том виде, как мы привычно о нем думаем. Ее задача – открыть доступ к фактической реальности, дать нам возможность действительно соотнестись с нею, получить нечто, что станет для нас основой для переосмысления существующих представлений, и принять решения, которые необходимы для получения лучшего результата из числа возможных вариантов.

Актуальная «практика мышления»

Декарт учил нас «радикальному сомнению» – сомнению в собственном существовании. Но сомневаться следует не в собственном существовании, а в том, что нам представляется. И даже не просто сомневаться, а уже – априори – считать ошибочным всякое наше представ-

ление. Поскольку все, что нам представляется, является иллюзорным, а все, что кажется нам реальным, – лишь модель реальности. Осознание этого тотального, неизбежного и неизживаемого заблуждения есть главный принцип, которому мы обязаны следовать. И потому главный вопрос звучит для нас так: «Что происходит на самом деле?».

Да, у нас есть некое представление о реальности, и мы даже не можем в нем усомниться, если не заставим себя сделать это намеренно (гипотетически, мысленным экспериментом). Но как это сделать, если мы все-таки ставим перед собой такую задачу? Только внутренним вопрошанием – мы осознаем, что воспринимаем нечто так-то (наше представление о реальности), затем мысленным образом отвергаем это восприятие как иллюзорное (ошибочное) и спрашиваем себя – а что же происходит на самом деле? И в зазоре возникающего здесь разрыва нам следует охватить максимально значительное число деталей.

Наше мышление создает огромное количество интеллектуальных объектов – этих специфических «штук» (о чем мы будем говорить далее), и многие из них возникают в нас – эпистемологически – в рамках таких вот разрывов. Но дальше, после того, как тот или иной интеллектуальный объект нами создан как действительная реконструкция фактической реальности, он попадает под каток тенденциозного восприятия – мы укладываем эти интеллектуальные объекты в прокрустово ложе своих, уже существующих, привычных для нас представлений, а посредством этого «причесывания» подлинное значение этих интеллектуальных объектов утрачивается.

Этот механизм уже показан в нейрофизиологии, именно так работает наше восприятие: мы воспринимаем конкретный объект – например, нечто, что скрывается от нас в зарослях, – а затем путем сличения воспринимаемого с уже существующими в нас моделями идентификации объектов обобщаем его – «Тигр!». Но «тигр» не есть конкретный объект, он есть сложное представление, наличествующее в нашем мозге, – конкретная угроза.

Да, наш мозг привычно сводит всю «конкретику» к обобщениям, что обеспечивает ему быстроту и скорость реакции на идентифицированный таким образом раздражитель. И вероятно, это единственно верный «познавательный подход», который могла предложить нам наша психика, ежесекундно занимающаяся нашим выживанием в агрессивной среде. Но этот же подход в рамках познания фактической реальности (а не в рамках решения задачи выживания) оказывается абсолютно непродуктивным.

Таким образом, в разрыве мы замечаем нечто, что не может быть привычным образом идентифицировано (а всякая такая идентификация неизбежно приведет нас к тенденциозной оценке, навязываемой нам господствующим представлением о реальности). Но если мы не можем это – нечто – идентифицировать (по крайней мере, в полной мере, привычным для себя образом), то что же тогда предстает нашему «внутреннему взору»? Это очень важно понять: мы обнаруживаем, таким образом, отношения элементов, а не сами элементы. Причем не отношение как отношение, а отношение как результат отношения.

Если вы когда-то действительно задумывались над феноменом гравитации, то это хорошо может быть понято на этом примере. Для нас привычно, что мы ходим по земле, что мы можем на нее упасть и точно упадем, если споткнемся, потеряем равновесие, прыгнем с высоты. Точно так же, мы знаем, ведут себя и другие предметы, а оторваться от земли не так-то просто – особенно если это «железный самолет» или что-то в этом роде.

Таково наше привычное представление о действительности, а потому, когда мы узнаем, что эти факты объясняются силой «земного тяготения», мы воспримем это утверждение как вполне естественное, особенно даже над ним не задумываясь. Это утверждение подтверждается нашим опытом, делает его «понятным», а потому легко нами принимается. В конце концов, оно все «ставит на свои места», а нас всегда убеждает то, что подкрепляет имеющиеся у нас представления. Так что, даже если у нас и был шанс столкнуться в этот момент с фактической реальностью, мы, очевидно, его пропустили.

Мы уловим нечто реальное, только если осознаем эту новую для нас вводную как парадокс – как нечто странное, перпендикулярное нашему привычному представлению. Именно это и происходит, когда дополнительно к сказанному, мы схватываем и множество других фактов – что, например, все тела притягиваются друг другу, что это как-то связано с их массой, где последняя как-то связана с плотностью, то есть имеет место некое отношение количества элементов к объему, в котором они сосредоточены, что масса не тождественна тяжести, что гравитация воздействует не только на видимые нами объекты, но и на атмосферу (в частности), которая давит на нас как раз этой – земной – гравитацией, на лучи света, которые отклоняются от своей траектории, пролетая рядом с массивными космическими объектами.

Нам так же неплохо было бы осознать в этот момент, что не существует гравитометра, способного замерить эту распространенную всюду силу, а еще, что она относится к сверхслабым, тогда как мы уж точно не воспринимаем ее как «слабую», а в «черных дырах» эта «слабая сила» и вовсе способна раздавить вещество, лишая его внутренней структуры. Вот осознавая все это, а не просто то обстоятельство, что «земля нас к себе притягивает», мы и ухватываем нечто реальное, ощущаем реальность, не будучи, впрочем, в силах ее представить.

Иными словами, когда мы усматриваем в этом разрыве своих представлений максимально возможное число фактов, мы не воспринимаем что-то конкретное, а лишь нечто, что дано нам как отношение, но не отношение между чем-то и чем-то, а как некий результат отношения – сущность отношения. Далее, имея эти психические фантомы в себе, мы способны к формированию «мысленных экспериментов» – некой гипотетической реальности, которую мы конструируем, отталкиваясь как раз от фактической реальности, от того ощущения столкновения с ней, которое мы обнаруживаем в данном разрыве, а не от представлений как таковых.

Определение «гравитации», прочитанное нами, например, в Википедии, является классическим представлением о реальности. Но оно никогда не даст нам ощущения реальности этого феномена, если мы не отбросим его (наши представления о реальности) и не увидим за ним парадокс – нечто, что не укладывается в нашей голове, но ощущается как вопрос, как проблема, как нечто предельно особенное, удивительное и вместе с тем – ясное, будучи непосредственно данным нашему мышлению (а не включенным уже в некий набор формализированных представлений о реальности).

Пока в нас есть это ощущение, не вкладывающееся в представление, мы способны на создание мысленных экспериментов, позволяющих реконструировать фактическую реальность. Но как только это ощущение интегрируется в какое-то наше представление, реконструкция фактической реальности уже будет для нас невозможной.

Рассмотрим другой пример – время. У каждого из нас есть представление о времени, но в действительности никто из нас не знает, что это такое. Замечаем ли мы это собственное незнание? Нет, большинство из нас живет в полном ощущении, что он знает, что такое время. Но разве время заключено в часах? Нет, часы лишь как-то его измеряют. Нет времени и в нас – в нас есть лишь способность относить какие-то свои восприятия к уже-бывшим, а какие-то к настоящим, и воображать, прогнозировать события будущего. Но разве это время? Нет. Или, может быть, время есть в физической реальности? Нет, там его тоже нет – в физической реальности все и всегда пребывает в настоящем, именно для нее прошлого уже нет, а будущего еще нет.

Является ли, наконец, наше привычное представление о том, что время течет из «прошлого через настоящее в будущее», фактическим временем? Нет, это умозрительная конструкция, которую нельзя даже ощутить, хотя мы верим в нее, как будто бы это непреложная истина, и не можем понять, как время может течь в обратном направлении. Когда нам говорят, что теоретически это возможно, мы лишь воображаем запущенную назад киноленту, что сути дела для нас, конечно, не проясняет. Короче говоря, у нас есть представление о времени, но оно, конечно, иллюзорно. И когда мы торпедируем это представление, задаваясь соответствующими

вопросами, и возникает этот зазор, эта область разрыва, через которую мы получаем доступ к фактической реальности.

И да, в этой области разрыва «все непонятно» – конечно, иначе ухваченное нами ощущение фактической реальности превратится в обычное представление, будет вложено в какой-то искусственный контекст и уже не будет знанием о фактической реальности! Но именно эта «непонятность», «неопределенность», и позволяет нам различить те отношения в пространстве реального, которые прежде, цензурируемые нашими представлениями, были совершенно для нас недоступны. Обнаружение этих отношений и позволяет нам строить те реконструкции реальности, те мысленные эксперименты, которые уточняют, развивают и продвигают наше знание, позволяют решать задачи, которые мы сами перед собой ставим.

Понятие «времени», равно как и «силы притяжения», равно как и наши представления о тысяче других вещей, кажущихся нам существующими, ничего не говорит нам о фактической реальности. Подобные химеры нашего мышления являются не чем иным, как неизбежным и необходимым компромиссом между докатывающимися до нас эффектами фактической реальности и нашим субъективным опытом – компромиссом, выражающимся и реализующимся в наших представлениях о реальности.

В фактической реальности нет никакого «времени», как нет «гравитации» или разделения на «живое» и «неживое», что понятно хотя бы потому, что мы не можем эти феномены объяснить иначе, как только посредством тех же слов, которые мы используем для того, чтобы эти феномены обозначить. Это великая «майя» представлений, которую мы можем разорвать лишь тотальным сомнением в достоверности наших представлений о реальности.

Причем это правило касается не только таких «абстрактных вещей», как «время», «гравитация» или «неживое», но всего континуума нашего существования (психологических теорий, социальных отношений и т. д.), который соткан из представлений, которые нам удобны, нам необходимы, подчас жизненно для нас важны, но не правдивы, если понимать под правдой (достоверностью) фактическую реальность, которая, будучи скрыта от нас за нашими же представлениями, является вместе с тем подлинной реальностью нашего существования.

Мне постоянно приходится говорить о том, что фактическая реальность «скрыта» от нас нашими представлениями, но это опять же слабость нашего языка, неприспособленного для целей высказывания мышления как такового. В действительности, реальность, конечно, не скрыта от нас, а, напротив, разлита вокруг, предельно явлена и куда более реальна, чем мы можем себе это «реальное» вообразить. Просто мы не имеем к ней доступа через наши представления, и наше подлинное мышление о реальности, потому, должно быть принуждено идти окольным путем. Иногда мне кажется, что именно об этом пытался сказать Мартин Хайдеггер в своих рассуждениях об а-летейи на своем «гераклитовском семинаре».

Часть вторая: Интеллектуальные объекты

Снова обратимся к нейрофизиологии и попытаемся понять, что же является фактическими единицами мышления. Существенно аппроксимируя результаты разнообразных исследований, посвященных в первую очередь нейрофизиологическому изучению процессов восприятия и памяти, мы обнаруживаем общий принцип формирования интеллектуальных объектов.

Конструирование «объектов мышления»

Все объекты, которыми оперирует наше мышление, являются как бы воссозданными психикой – то есть мы не воспринимаем объекты внешнего мира как таковые («как они есть»).

Информация об этих объектах, разделенная, условно говоря, на модальности (отраженный от объекта свет или им излучаемый, создаваемые им звуковые эффекты, выделяемые им во внешнюю среду химические вещества и т. д.), поступает на различные периферические рецепторы (палочки и колбочки сетчатки глаза, слуховые рецепторы улитки внутреннего уха, обонятельные и вкусовые луковицы и т. д.).

Эти раздражения превращаются в гомогенные по существу нервные сигналы, которые, каждый по своему пути (и только эти пути обусловливают их специфичность в рамках субъективного опыта), направляются в соответствующие – так же пока еще «отдельные» – отделы головного мозга (корковые анализаторы, подкорковые образования и т. д.).

В соответствующих отделах эти нервные сигналы обрабатываются, уже могут побуждать какое-то поведение (реакции животного), и лишь затем интегрируются – на более высоких «уровнях восприятия» – в некий «объект», представляющий собой специфический комплекс нейронных связей, являющийся, по существу, психической реконструкцией воспринятого.

Этот процесс, впрочем, усложняется еще и тем, что одновременно на соответствующие рецепторы поступает огромная масса различных раздражителей от других объектов внешней среды (а не только от того, который мы в данный момент умозрительно выделили). Так что при формировании соответствующего образа объекта в анализаторах головного мозга происходит их сложнейшая и многоуровневая дифференциация, приводящая к отсеву прочего «шума».

Иными словами, всякий объект внешней среды, становящийся неким более или менее «очерченным» комплексом нейронных связей головного мозга – условной «единицей мышления», – является, по существу, полностью реконструированным [Р. Курцвейл]. Назвать этот процесс «отражением» было бы неоправданным упрощением, ведь это не отражение действительного, а некое его воссоздание, производство. Объекты, становящиеся единицами мышления в нашей психике, созданы самой этой психикой. По существу, такой «объект мышления» – не что иное, как отдельные кортикальные колонки и рефлекторные дуги, связанные («слепленные») в единые нейронные комплексы.

Причем очевидно, что данный процесс формирования единиц мышления является универсальным – то есть аналогичным образом создаются и те объекты нашего мышления, которые производятся в нашем мозге в рамках его собственной деятельности, не связанной напрямую с сенсорными воздействиями. Всякое наше понятие, представление, отношение, значение, сами знаки есть, по существу, такие вот – собранные («слепленные») из различных нервных возбуждений мозга, сконструированные нашей психикой функциональные нейронные образования.

Создание «инвариантных моделей»

Все это пока не кажется, возможно, слишком уж парадоксальным (хотя определенная абсурдность в этом все-таки присутствует). В конце концов, должен же как-то мозг формировать свое представление о реальности, и он делает это так. Ну, пусть. И хорошо, что мы это понимаем.

Однако парадокс все-таки есть, и мы не должны позволить ему ускользнуть от нашего внимания. Не может не казаться странным тот факт, что разные по модальности сигналы, исходящие от воспринимаемого нами конкретного «внешнего объекта», проходящие по разным путям и в разные части мозга, интегрируются им – мозгом – именно в связи с этим объектом, стягиваются именно к этой единице мышления. Как, например, наш мозг знает, что вид собаки, запах собаки, ощущение соприкосновения с ее шерстью, лай собаки и т. д. – все они принадлежат одному и тому же объекту?

Если мы посмотрим на исследования, связанные с навыком распознавания лиц (морд, клювов и т. д.), который формируется у большинства животных с относительно крупным головным мозгом еще в младенчестве, то увидим, что мозг на основании каких-то инстинктивных, уже генетически заложенных в нем предпочтений (установок) учится строить определенные закономерности восприятия.

Так, например, младенец будет постепенно осваивать закономерности, свойственные формам лица, – пространственное отношение друг к другу глаз, носа, рта. И если перемешать эти элементы, нарушив соответствующие закономерности, то он уже не увидит ни носа, ни глаз, ни рта, а картина Пабло Пикассо, условно, уже не будет воспринята им как «портрет». Только хорошо выученный мозг, готовый к подобным экспериментам, все еще узнает в этих нарушенных соотношениях интенцию художника продемонстрировать нам чье-то лицо. Тогда как «Крик» Э. Мунка, напротив, даст нам отчетливое ощущение лица, хотя у него, казалось бы, куда меньше значимых деталей, и само оно напоминает, по крайней мере мне, перевернутую грушу (рис. 4-7).

Рис. 4-7 по порядку: П. Пикассо, «Автопортрет» (1972); П. Пикассо, «Портрет женщины» (1955); П. Пикассо, «Голова женщины» (1939); Э. Мунк, «Крик» (1893)

Проведем грубое упрощение: в случае с этими «лицами», созданными Пикассо, мы должны прежде знать, что перед нами «лицо», и лишь затем мы будем способны распознать его в качестве такового. Но этому знанию мы должны сначала научиться, что, как известно, и происходит в процессе онтогенеза. То есть мозг учится неким шаблонам восприятия – формирует в себе некие идеальные (инвариантные данной «сущности») модели, которые впоследствии помогают ему быстро объединять разрозненные данные, чтобы идентифицировать те или иные объекты, как бы вкладывая их в соответствующий инвариант (рис. 8).

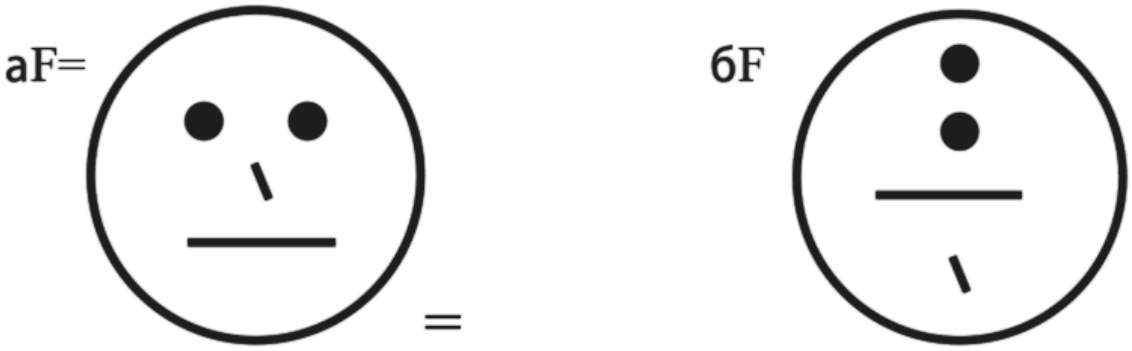


Рис. 8 а) мультяшное лицо; б) это уже не лицо, а путаница какая-то

Привнесение «сущностей» – эссенциализм

Впрочем, и это пока не вполне объясняет существо дела – не случайно мне пришлось использовать понятие «сущности» для объяснения этих процессов. Действительно, эти «модели» настолько инварианты, что в них же – смыслово (по подобию неких «сущностей») – вписываются и собачьи морды, и птичьи клювы, и пуговицы на плюшевом медведе, и даже образ лица в рисунке облаков.

Причем, если в случае «морд» и «клювов» речь в принципе действительно идет о чем-то вроде «лиц», то вот в случае с «пуговицами» на плюшевых игрушках и «облаками» на небесах говорить о «лицах» можно лишь с предельной долей условности – это придуманные лица, привнесенные в реальность лица, но не «лица» как таковые, каковых ни у плюша, ни у небес по определению быть не может.

Подобное «угадывание сущностей» (а в действительности, конечно, их привнесение психикой в воспринимаемый объект) нейрофизиологи уже окрестили эссенциализмом (термином, использовавшимся и ранее, но теперь приобретающим совершенно новое и специфическое звучание). В каком-то смысле речь идет о «платоновском идея-лизме» – «стольности», «чашности» и т. д.

«Стол» является в этом смысле таким же инвариантом, как и «лицо» (или «чашка», или что-либо еще в этом роде): все, что мы можем уподобить соответствующей функции стола, может быть идентифицировано нами как «стол», а все, что мы можем уподобить функции лица, может быть идентифицировано нами как «лицо», хотя оно и не является «лицом» по существу (что с лицом как раз таки в большинстве случаев понятно, а вот со столом – нет). Так или иначе, но привнесение «сущностей» в ее «объекты» является обычной и необходимой для нашей психики практикой.

Происхождение «сущностей»

Однако мы так и не ответили на вопрос, откуда берутся эти «сущности». Да, мы как-то им обучаемся, но это лишь объяснение феномена, а не причинное указание на него. Почему мы – в онтогенезе – учимся именно этим сущностям – лица, стола, чашки, а не сущностям, например, музыкальных октав или комплексных чисел?

В основе лежит отношение: исходя из наших потребностей, мы входим в отношение с фактической реальностью, пытаясь как-то эти потребности удовлетворить. И вот как раз по результатам этих отношений мы и формируем соответствующие «сущности», которые, в идеале, должны оказаться инвариантными для огромного количества самых разных явлений, потенциально способных удовлетворять ту или иную нашу потребность (нужду).

Когда ребенок усматривает сущность «лица» в плюшевом медведе, он удовлетворяет таким образом потребность в наличии рядом с ним «живого» и «доброжелательного» существа, усиливающего его чувство защищенности и безопасности. Точно так же (условно говоря, конечно) возникает и сущность «стола», и сущность «чашки», а равно и прочих «платоновских идей», удовлетворяющих уже другие, более сложные наши потребности, которые и потребностями-то в привычном значении этого слова назвать нельзя (так что где-то можно говорить о «необходимости», где-то – о «нужде»).

Странно, например, было бы говорить о «потребности» в математическом счете, или о «потребности» искать философскую истину, или о «потребности» в музыке. Однако в рамках внутренней психической механики это действительно «потребности»: решение интеллектуальных задач – математических, философских, психологических, социальной коммуникации, получения эстетического удовольствия и т. д. – ничем не отличается для психики от решения задач удовлетворения физиологических потребностей. И те и другие используют один и тот же, если можно так выразиться, инструментарий нашего мозга: и те и другие работают посредством создания «интеллектуальных объектов» и каких-то правил оперирования с ними.

Итак, мы оказываемся способны к формированию самых разных – дифференцированных – сущностей. Например, «любовная страсть», «дружеская любовь» и «человеческая привязанность», при всей их внешней схожести, будут восприниматься нами как родственные явления, но с разными «сущностями». И в этом нет ничего странного, поскольку они, по существу, удовлетворяют разные наши «нужды».

«Сущности» как способ интерпретации содержаний

Мы так же формируем, например, и сущность «языка», понимая под ней что-то особенное и специфичное, что мы вряд ли можем выразить словами. Но при этой своей невыразимости именно она – эта «сущность» «языка» – и позволяет нам идентифицировать иностранные языки как «языки», а не бессмысленное бормотание, или «язык» жестов – именно как «язык», а не простое размахивание руками и кривляние.

Эта же, привносимая нами в «объекты», «сущность» «языка» помогает нам понять «язык» дорожных знаков именно как «язык», который что-то нам сообщает, а «язык» программирования – как нечто имеющее соответствующее свойство «языка». Благодаря этой «сущности» мы различаем специфические «языки» различных научных дисциплин, а пение птиц или эхолокацию дельфинов понимаем как «язык» их общения. Посредством этого же своего эссенциализма «языка» мы способны понять идею шифрования, изучать «язык» посредством различных лингвистических концепций, видеть его значение в антропогенезе и т. д. и т. п.

То есть именно наша способность привнести во все эти «объекты» «сущность» «языка» позволяет нам видеть во всех указанных (и многих других случаях) «язык». Однако перечисленные феномены совершенно различны, и более того, в части из приведенных примеров вообще затруднительно говорить о «языке», понимая его формально – «классически», как предлагается в каком-нибудь справочнике.

Что за «язык» у дельфинов? Можно ли его вообще соотнести с нашим «языком»? «Язык» ли изучается лингвистами или некое производное «языка»? Почему программирование каким-то определенным способом называется каким-то конкретным «языком»? Иными словами, это приведение разнородных феноменов к «языку» – вещь произвольная и условная. Но нам так удобно, потому что у нас есть «сущность» «языка», привнося которую в соответствующий «объект», мы получаем возможность что-то с ним делать – как-то его понимать, куда-то встраивать и т. д.

Иными словами, привнесение «сущности» в «объект» – это совершенно для нашей психики обычная и даже утилитарная практика: удобный способ интерпретировать содержания.

Причем способ, не имеющий никакого отношения к «познанию», напротив, это скорее похоже на «придумывание», «изобретение», что, очевидно, не может приближать нас к фактической реальности.

Теперь, чтобы добраться к ней – к этой фактической реальности – через подобные дебри представлений, нам придется подвергнуть все свои «сущности» радикальному сомнению, задавшись теми же самыми, по существу, вопросами: что в действительности есть язык, что на самом деле происходит в процессе компьютерного программирования, какую фактически функцию выполняет эхолокация у дельфинов и т. д.?

Причем пример с «языком» лишь частный случай. Точно так же мы формируем и, например, идею («сущность») чисел, идею математических формул, идею геометрических форм, физических явлений, химических реакций и т. д. и т. п. То есть указанное правило вполне универсально: содержания обретают для нас свое значение не потому, что они исходно этим значением обладают, а потому, что мы вносим в эти содержания наши значения посредством присвоения этим содержаниям тех «сущностей», которые мы уже сформировали в себе, практикуя удовлетворение тех или иных собственных нужд («потребностей», «необходимостей»).

По сути, мы таким образом создаем целый параллельный мир – можно сказать, мир «платоновских идей»: набор возможных к усмотрению «сущностей», которые, одновременно с этим, являются и инвариантами, обеспечивающими сведение самых разных содержаний в те «сущности» (к тем «сущностям»), которые отражают наши отношения с внешним миром, детерминированные всем кругом возможных и актуализированных в нас потребностей («нужд», «необходимостей»).

По сути, перед нами специфическое правило работы нашего мышления, которое, если мы реализуем его вне сознательного контроля, легко приводит нас к ошибкам и заблуждениям, однако, с другой стороны, вполне может служить нам при реконструкции фактической реальности, если мы понимаем то, как это работает.

«Эссенциальная сущность» и «инвариант»

Вместе с тем нам не следует смешивать понятия «эссенциальной сущности» и «инварианта». «Сущность» – это то, что именно усматривается нами в «интеллектуальном объекте», а точнее сказать – привносится в него. «Инвариант» – это лишь тот способ, которым мы сводим разные содержания, подстраивая их под ту или иную «сущность». То есть это, по существу, два разных психических процесса.

«Эссенциальные сущности» – это то, что возникает как фиксация моих отношений, обусловленных моими потребностями (необходимостями), тогда как «инварианты» – это то, чем мы мыслим, игнорируя специфичность конкретных содержаний.

Например, я не могу сложить сущности «стола» и «чашки» – каждая из них все равно останется для меня собою (сущностью «стола», сущностью «чашки»), потому что это разные мои отношения с действительностью, в которых реализованы разные мои потребности. Но я могу использовать инвариант «предмета», чтобы проигнорировать эту невозможность, преодолеть ее, и тогда «стол» и «чашка» будут восприниматься мною – и тот, и другая – как «предметы», которые легко складываются. Однако у «предмета» тоже есть сущность, которую я вряд ли смогу объединить, например, с сущностью «чувства». С другой стороны, если я использую инвариант «вещи», то я вполне смогу отнести и «предметы», и «чувства» к одной группе, воспринять их как нечто, по крайней мере в этом качестве, идентичное.

Иными словами, «эссенциальные сущности» – эта та специфичность, которую мы усматриваем в объектах (специфичность, обусловленная нашими отношениями с ними, продиктованными нашими же необходимостями), а инварианты – это то, как мы мыслим, преодолевая

ограничения, накладываемые любыми содержаниями, включая и эту «специфичность» любых «сущностей».

Это кажется сложным, но на самом деле речь идет об элементарных процессах мышления, которые мы воспроизводим постоянно. Представьте, что я попрошу вас сложить «красное» и «круглое». Вы испытаете сложность и, в лучшем случае, выдумаете «красный круг», что, конечно, не удовлетворит требованиям задачи. С другой стороны, если я попрошу вас описать все возможные качества некоего объекта (возьмем, например, традиционную греческую рождественскую фигурку граната), чтобы составить представление о каком-то предмете, вы легко «изымите» из него и «красное», и «круглое», и еще множество других вещей, включая – «дорог сердцу».

Иными словами, «сущности» и «инварианты» – это базовые, элементарные механизмы работы мышления, которое есть функция отношений интеллектуальных объектов. Впрочем, они элементарны настолько же, насколько элементарно использование ножа и вилки – и тому и другому нам прежде нужно обучиться, что само по себе весьма непросто.

«Интеллектуальный объект» – единица и множество

Итак, мы снова возвращаемся к понятию «интеллектуальный объект». В принципе между ним – «интеллектуальным объектом», а также «эссенциальной сущностью» и «инвариантом» можно было бы поставить знак равенства: все они, в каком-то смысле, являются «интеллектуальными объектами» (и сам «интеллектуальный объект», и «сущность», и «инвариант»), и «сущностями» по существу, и в работе мышления – «инвариантами».

Но сейчас нам надо увидеть различие – так сказать, черту «интеллектуального объекта», то главное, что позволит нам при необходимости отличать его от «эссенциальной сущности» и «инварианта», анализируя методологию процессов мышления.

Под «интеллектуальным объектом» мы, как уже было сказано, должны понимать единицу мышления. Причем именно так – единицу в смысле «штуки». Эта «штука» может быть сколь угодно объемной и сложной, но единичной и цельной она является только до тех пор, пока мы усматриваем в ней некую специфическую «эссенциальную сущность» – именно в таком виде она является единицей мышления. Но как только эта «штука» раскладывается нами на другие «штуки», она перестает быть единичной и цельной, превращаясь во множество других «штук», каждая из которых, в свою очередь, становится единицей нашего мышления – самостоятельным интеллектуальным объектом.

Сам по себе всякий интеллектуальный объект, конечно, является множеством, поскольку само его возникновение в пространстве психического связано с ассоциацией различных возбуждений, возникающих в различных отделах мозга (как через внешнюю стимуляцию с участием рецепторного аппарата, так и благодаря внутримозговым процессам ассоциации уже существующих в мозгу нейрорефлекторных образований). И именно в качестве такого «множества» (несмотря на то что для нас он в этот момент единичен и целостен) он вступает в отношения с другими «множествами» наших интеллектуальных объектов. Отношения между этими множествами и есть – «интеллектуальная», по существу математическая, «функция».

В отличие от «эссенциальной сущности», интеллектуальный объект, учитывая сказанное, всегда, будучи сложносоставным, представляет собой некое «содержание», а потому может быть разложен на элементы или легко сопряжен с другими. Неправильно, с другой стороны, использовать в отношении «интеллектуального объекта» психологическое понятие «образ», поскольку последний, как предполагается в традиционной психологии, имеет свойство некоего «чувственного восприятия», что само по себе является странной абстракцией [Д. Уотсон, Б. Ф. Скиннер].

В действительности мы вряд ли сможем найти в психике, где все переведено в нервные импульсы, какое-то существенное и значимое отличие между, например, «образом» какого-то числа и «образом» цветка на клумбе. Нейронные связи между нервными центрами, отвечающими за различные модальности восприятия, легко превращают цифры – в нечто звучащее или, например, имеющее цвет [В. Рамачандран].

Часть третья: Интеллектуальная функция

Мы является заложниками понятия «мышление». Не имея никакого внятного концепта «мышления», мы оперируем данным понятием с предельной легкостью. Так, например, мы абсолютно произвольным образом устанавливаем его границы – мол, это является «мышлением», а это уже «речь», а это «восприятие», а это «память» и т. д. С тем же «успехом» мы в одних случаях приписываем способность к «мышлению» животным (например, приматам или дельфинам) и даже машинам, а в других – почему-то им в этой способности отказываем.

«Классифицируя» собственное мышление, мы говорим, что мыслим «конкретно», «предметно» или «абстрактно», «эмоционально» или «эстетически», и еще тысячью других способов. Мы допускаем, например, что можем мыслить «строго», а в других случаях делаем это, как нам кажется, «поверхностно». И никаких критериев, кроме собственного произвола, для этих оценок у нас нет. Мы просто берем ту «смысловую рамку», которую нам удобно, и мыслим мышление так, как нам заблагорассудится.

С другой стороны, выявить «субстрат» мышления в головном мозгу, к сожалению, тоже не представляется возможным. То есть мышление как бы и есть, но приписать его какому-то верифицируемому процессу мы не можем. В мозгу мы наблюдаем лишь определенные нервные возбуждения, активацию синаптических связей между отдельными нервными клетками и, в лучшем случае, можем выявить какие-то скопления нервных клеток и нервные пути, связывающие их друг с другом – определенные «нейронные ансамбли».

По существу же мы лишь фиксируем сложную мозговую активность, а также некий ее результат, выражающийся в тех или иных эффектах. Поэтому если мы зададимся вопросом – что есть мышление на самом деле? – именно эту (и взятую так) сложную мозговую активность мы и должны будем принять в качестве самого существа мышления. В связи с этим методология мышления может быть описана лишь подходящими инвариантами, тогда как наивные попытки провести какую-то другую спецификацию уровней мышления, каких-то особых его состояний, отличий (например, от «речи» или «сознания») являются заведомо непродуктивными.

Короче говоря, нам необходимо предельно радикализировать сам подход.

Реконструкция и замкнутость

Психика реконструирует реальность, а точнее сказать, – она реконструирует некие объекты реальности. Но тут надо понимать принципиально важную вещь: далеко не факт, что данные – реконструированные нашей психикой – «объекты» существуют в аналогичном качестве в фактической реальности. Да, они создаются психикой в некоем соответствии – точнее даже, соотнесении (учитывая то, что мы говорили об «отношении» и «потребности-необходимости») – с фактической реальностью (причем ключевое здесь слово – «некоем»). Но если мы исходим из строгого понимания «фактической реальности», то все они – эти «интеллектуальные объекты» – конечно, нереальны.

Они – суть – модели, реконструкции, представления, то есть определены своей собственной, весьма специфической логикой существования. А это указывает на то, что мы можем лишь умозрительно соотносить свои интеллектуальные объекты с объектами фактической реальности. Причем уже в процессе этого соотнесения объекты фактической реальности и сами, с неизбежностью, превратятся для нас в те же самые «интеллектуальные объекты», но с этим умозрительно приписываемым им свойством – мол, это «объекты реальности».

То есть мир интеллектуальной функции – та область, в которой протекают процессы нашего мышления, – это совершенно отдельное, обособленное от фактической реальности,

замкнутое в самом себе и на самого себя пространство (конечно, оно тоже является фактической реальностью, поскольку оно есть, но сейчас мы не рассматриваем его с этого ракурса). В принципе оно способно функционировать предельно автономно, даже без наличия какой-либо внешней стимуляции (воздействия на рецепторный аппарат).

Мозг, оказавшийся в сенсорной изоляции (рис. 9 на обороте), будет галлюцинировать – формировать самые разные ощущения и переживания. Да, с точки зрения представлений о «здравом рассудке», он, лишенный контакта с внешней средой, скоро «сломается», но это в данном контексте как раз и не важно. Важно то, что он в принципе все может делать внутри самого себя сам (если, конечно, что-то в него было в процессе предварительного онтогенеза, воспитания и обучения внесено), а в случае сенсорной депривации даже расстарается – фактически замещая в нашем восприятии недостаток внешней стимуляции производимыми им образами [Д. Лилли] (рис. 10).

Рис. 9 Эксперимент по сенсорной изоляции в Университете Мак-Гилла

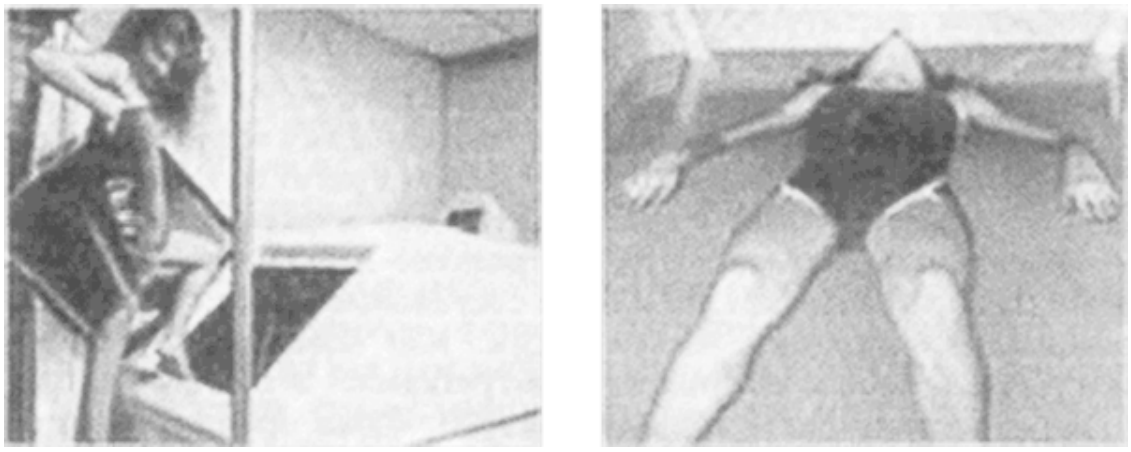


Рис. 10 Эксперимент Д. Лилли, камера для сенсорной изоляции

Психическая деятельность как мышление

Почему нам важно осознавать аспект этой «замкнутости»? Главным образом для того, чтобы понять всю нашу психическую активность как единый процесс – вне зависимости от того, к какому конкретно, согласно номенклатуре «общей психологии», «психическому процессу» она относится, осознаваема она или нет, сложна или элементарна.

Вся наша психическая активность – это, по существу, процесс мышления, если, конечно, мы понимаем под «мышлением» решение интеллектуальных задач (а именно так это и следует понимать). Интеллектуальность – это вовсе не проявление некоего абстрактного «ума» (подобная трактовка ошибочно навязана нам представлением о «коэффициенте интеллекта» – IQ), а всякая задача, которую решает психика, оперируя интеллектуальными объектами; а все, чем она оперирует, есть такие – воссозданные или просто созданные ею – интеллектуальные объекты.

В нейрофизиологии этот феномен показан с достаточной определенностью – пока некие возбуждения не собраны психикой в хоть сколько-нибудь ясно различимый «объект», никакая реакция на него со стороны той же психики невозможна, а потому он как бы и не существует. Пока эти нервные импульсы блуждают по нейронным дугам без соответствующего замыкания, это раздражение, образно говоря, – лишь элемент фона, «белого шума», но не фигура, по отношению к которой возможно некое действие (по отношению к которой вообще возможно какое-либо отношение).

Иными словами, нечто должно возникнуть в нас как «объект», и тогда он берется в работу; точнее говоря, возникнет как «интеллектуальный объект» и будет взят в работу нашей «интеллектуальной функцией»(и тут мы снова должны вспомнить о математическом понятии «функции»), которая соотнесет его далее уже с другими множествами «интеллектуальных объектов».

Возникновение «интеллектуальных объектов»

Для описания феномена «возникновения» интеллектуальных объектов в нейрофизиологии принято понятие «ага-стимула» – когда некое неоформленное еще «нечто» складывается в объект, по отношению к которому уже возможно какое-то отношение [В. Шульц]. Всякий интеллектуальный объект, ставший элементом нашего мышления, прошел через эту фазу «ага-эффекта» (как правило, целой серии соответствующих реакций).

При этом сам данный «ага-эффект» есть нечто иное, как результат соотнесения уже существующих в нас интеллектуальных объектов с теми, что только возникают в нашем мозгу в момент, собственно, этих «ага-стимулов». То есть сам процесс возникновения интеллектуального объекта есть результат работы интеллектуальной функции.

В связи с этим необходимо сделать одно очевидное, но важное уточнение: поскольку все интеллектуальные объекты создаются (воссоздаются) мною, моей психикой (моей интеллектуальной функцией), то все они являются моими, а потому, еще и в этом смысле, сугубо специфичными.

Мы относительно легко коммуницируем друг с другом, и нам кажется, что в процессе этой коммуникации мы передаем друг другу значения своих интеллектуальных объектов (облеченных в слова и иные знаки – мимику, жесты и т. д.), то есть как бы обмениваемся ими, но это совершеннейшая иллюзия [У. В. О. Куайн]. Мы не обмениваемся интеллектуальными объектами друг с другом, мы всегдаи только создаем свои собственные интеллектуальные объекты, хотя в ряде случаев и «по мотивам» интеллектуальных объектов других людей, переданных нам посредством тех или иных знаков – как, например, этот текст.

Необходимо перестать думать об «уровнях» мышления и таким образом избавиться от заблуждений, которые в связи с этим возникают. Когда мы говорим о восприятии некоего «внешнего объекта» (например, собаки), нам понятно, что, во-первых, сигнал, поступивший от него на наши рецепторы, тут же перекодируется в нервный импульс, то есть уже является «цифровым выражением», а не фактическим отражением. Во-вторых, понятно, что сигналы от одного и того же объекта могут поступать к нам на рецепторы разной модальности, и мозг затем синтезирует соответствующие данные, полученные им об этом объекте по разным путям и обработанные в разных центральных анализаторах. В-третьих, в мозгу уже должен существовать определенный навык восприятия соответствующего объекта – от каких-то элементарных механизмов дифференцировки единичных стимулов до весьма сложного процесса внесения в этот объект эссенциальной сущности.

Однако ровно то же самое происходит и при передаче нам (или от нас другому лицу) неких значений (смыслов) тех или иных интеллектуальных объектов: то есть сообщение сначала низводится до простых раздражителей, воздействующих на наши периферические рецепторы, дальше соответствующее раздражение, уже в границах нашей собственной нервной системы, перекодируется в нервный импульс, и весь последующий путь воссоздания интеллектуального объекта – уже на нашей, так сказать, психической территории – по тем же самым, в сущности, механизмам, как и те, что были описаны на примере «восприятия», приводит к формированию уже нашего интеллектуального объекта, а не того, что был как бы нам передан.

Единственное отличие в способе нашего восприятия какого-то внешнего объекта (например, собаки) и сложного понятия (например, «апории», «имманетности», «комплексного числа», «глубинной структуры предложения», «бозона Хиггса», «аллельного гена» и т. д. и т. п.) – то количество «ага-эффектов», которые должны сработать в нашем мозгу, пока соответствующий интеллектуальный объект будет в пространстве нашего мышления формироваться.

«Мышление» и «содержание»

Возникновение интеллектуальных объектов в пространстве психического происходит постоянно – мы выявляем их в поле своего восприятия (как, действительно, некие фигуры на фоне): дерево на горе, птица в небе, подушка на кровати. Но мы ведь производим их и просто внутри собственного пространства психического – например, осознав по отношению к какому-то человеку обиду или методом умозаключений «обнаружив» способ, позволяющий одновременно сложить по цветам все стороны кубика Рубика.

Причем и это восприятие «физического объекта», и это осознание своей эмоциональной реакции, которая сама является для мышления «интеллектуальным объектом», и это уясненное или выдуманное нами «правило» – все это интеллектуальные объекты, находящиеся уже и только в нашем пространстве психического, в моем индивидуальном мире интеллектуальной функции.

Отличия, которые мы обнаруживаем между разными видами (типами) интеллектуальных объектов, могут казаться нам чрезвычайно существенными – мол, тут у нас «чувства», а тут «абстрактные числа», тут «физические закономерности», а тут «метафизика существования». Но все они совершенно несущественны для мышления как такового.

Все интеллектуальные объекты являются для мышления единицами – «штуками», и оно способно производить с ними любые операции – то внося в них те или иные специфические «сущности», то используя «инварианты». Таким образом, само наше мышление, бесконечно играющее конкретными содержаниями, в рамках своей собственной деятельности – методологии мышления – совершенно от них свободно. Для него нет проблем с тем, чтобы измерить

«чувства» «абстрактными числами», или обнаружить у «физических закономерностей» «метафизическую специфику».

Мир интеллектуальной функции

Итак, все, что создается нашей психикой как некие сущности (в смысле, вообще чего-то хоть как-то существующего для нас), есть «интеллектуальные объекты».

Теперь представим себе некий «черный кабинет» – что-то вроде классического фона картин Микеланджело Меризи Да Караваджо (рис. 11) – и начнем насыщать его объектами.

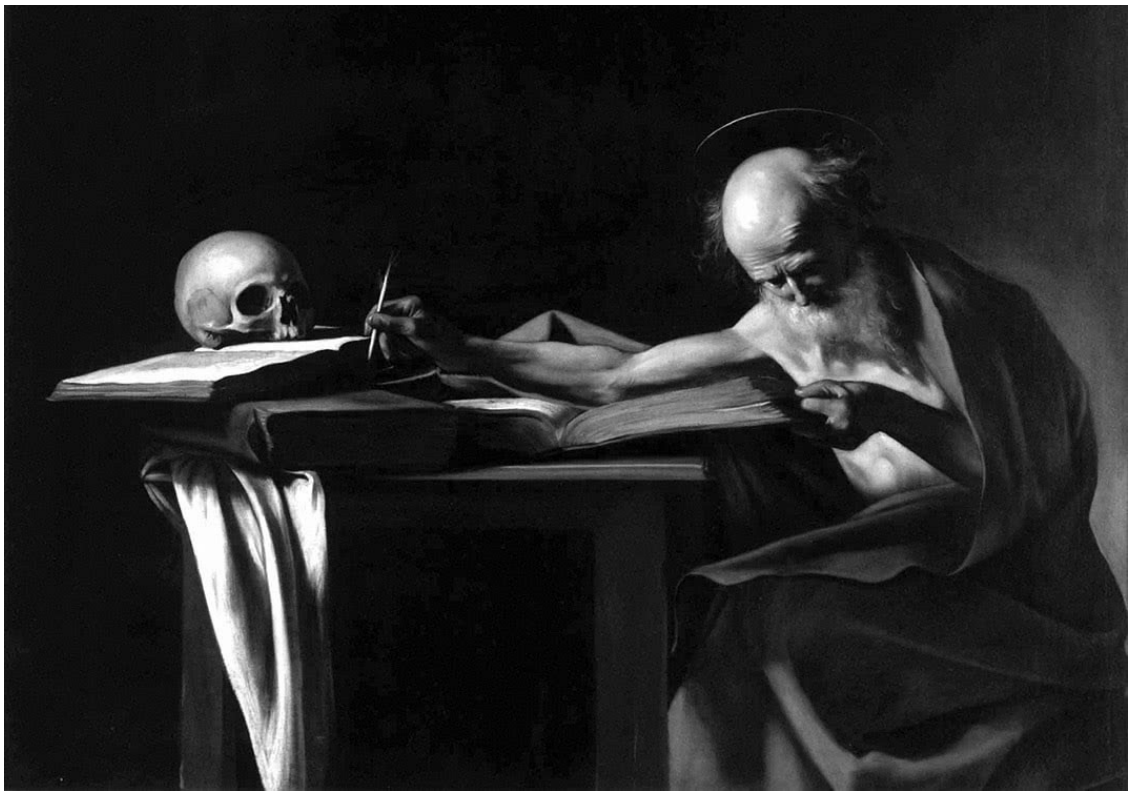


Рис. 11 М. Караваджо, «Пишущий святой Иероним» (прибл. 1606)

Именно так, как этот фон, выглядит, в действительности, и пространство психического. По существу, оно как бы отсутствует – мы его не замечаем, потому что наша интеллектуальная функция занята «интеллектуальными объектами». Да, мы видим не само это пространство психического (предполагаемое нами умозрительно), а «интеллектуальные объекты» и их отношения, которые, собственно, и обусловлены феноменом «интеллектуальной функции».

То есть все, как и с восприятием этой картины: сначала мы видим на ней «старика», «череп», «кусок белой ткани», «красный плащ», «книгу», «стол»…

Тут мы замечаем, что старик что-то «читает», перо в его руке заставляет задуматься о том, что он «пишет» или «делает пометки в книге». И нам нужны дополнительные интеллектуальные объекты, которые сейчас не находятся в поле нашего восприятия, чтобы идентифицировать в старике «св. Иеронима», а саму картину как «работу великого Караваджо».

Эти – дополнительные – объекты находятся, скажем так, в мире гипотетической (или общей для нашего вида) интеллектуальной функции. То есть такой «мир интеллектуальной функции» – это все возможные «интеллектуальные объекты», которые могут оказаться в пространстве психического (по существу, речь идет о культурно-историческом содержании, как его понимал Л. С. Выготский). Причем «оказываются» они в нем не автоматически, не вно-

сятся в него неким произволом как нечто готовое и так данное, а всякий раз и непосредственно воспроизводятся конкретной психикой через отношение – интеллектуальную функцию – с другими, уже существующими в ней интеллектуальными объектами.

Чтобы во мне возникли интеллектуальные объекты «св. Иероним» или «великий Караваджо», я должен произвести огромную работу – своей собственной интеллектуальной функцией – по их производству. Если мне скажут – «св. Иероним» или «великий Караваджо», а в моем индивидуальном мире интеллектуальной функции не существует не только соответствующих интеллектуальных объектов («св. Иеронима» и «великого Караваджо»), но и смежных с ними – «религии» и «святых», «художников» и их возможного «величия», – соответствующая информация просто не будет мною воспринята и отскочит как горох от стенки.

Однако же если я знаю что-то о христианстве – то есть соответствующие интеллектуальные объекты во мне уже были сформированы, то указание на «святость» Иеронима позволит моей интеллектуальной функции иначе воспринять то, что изображено на картине, – начиная с нимба, который я замечу над головой «старика», и заканчивая тем, что я присвою его «чтению-писанию» какой-то особый, мистический, может быть, или просто религиозный смысл.

То же самое касается и «великого Караваджо»: не так просто создать во мне соответствующий интеллектуальный объект – я должен знать (то есть уже иметь в себе некогда сформированные мною соответствующие данной тематике интеллектуальные объекты) что-то о «живописи» и ее «мастерах», о «перспективе в живописи», о «свете» и т. д. И в зависимости от того, насколько много в моем индивидуальном интеллектуальном пространстве соответствующих тематике интеллектуальных объектов и насколько они сложны (знаю ли я, например, об особенностях живописи Леонардо да Винчи, Брейгеля или Рембрандта), этот – новый интеллектуальный объект – обретет для меня, в процессе этого моего воссоздания его в себе посредством соответствующей интеллектуальной функции (возможных соотнесений с другими множествами интеллектуальных объектов), ту или иную степень значимости, соответствующий, условно говоря, вес.

То есть на всех уровнях психического – и элементарного восприятия, и самого сложного интеллектуального рассуждения (по крайней мере, такое различение предложила бы нам традиционная «общая психология») – осуществляется одна и та же интеллектуальная функция по образованию (воссозданию в пространстве нашей психики) интеллектуальных объектов. Мы их идентифицируем как объекты (из множества раздражителей возникает нечто – некая «штука»), а далее соотносим с тем содержанием психики (другими интеллектуальными объектами), которое в ней уже есть.

Таким образом, воспринятая «штука» (единица мышления) претерпевает усложнения – как бы возводится в степень тех знаний (интеллектуальных объектов), которыми мы обладаем, и обретает для нас соответствующее значение – значительное, если соответствующих интеллектуальных объектов много и все они вовлечены нашей интеллектуальной функцией в этот процесс по созданию этого нового интеллектуального объекта, или несущественное, если соответствующих интеллектуальных объектов в нас нет или же они не вовлечены в этот процесс нашей интеллектуальной функцией, а потому интеллектуальная функция и не может воспринимаемый (воссоздаваемый) интеллектуальный объект в эту «степень» возвести.

Вневременные «процессы»

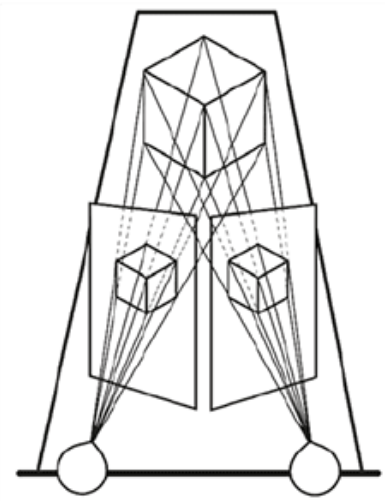
Теперь самое время вернуться к «замкнутости» и провести небольшой мысленный эксперимент. Допустим, что наша интеллектуальная функция замкнута в границах рецепторного аппарата нервной системы, то есть, условно говоря, внутри некоего шара. Очевидно, что ее взаимодействие с фактической реальностью происходит непосредственно на поверхности этого шара – то есть на плоскости.

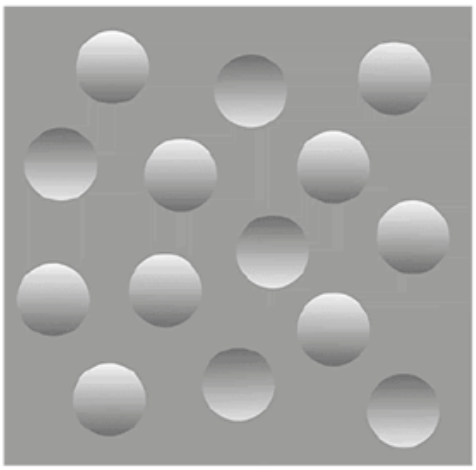
Впрочем, это уже даже не мысленный эксперимент: соответствующий эффект наблюдается и в рамках нашего обычного восприятия – нам ведь только кажется, что мы воспринимаем окружающий нас мир трехмерным. В действительности, и любой нейрофизиолог это уверенно подтвердит, наш рецепторный аппарат к трехмерному восприятию совершенно не приспособлен. Рецепторы считывают сигналы по принципу «да/нет», и лишь затем эта информация, поступившая в соответствующие корковые анализаторы, разворачивается, уже собственно самой психикой, в классическое, привычное нам 3D. Так что достигается этот эффект сугубо «машинным расчетом»: путем сопоставления данных, поступивших на наши рецепторы, расположенные в разных частях нашего тела.

Проще говоря, если мы хотим получать 3D-изображения видимых нами объектов, нам потребуется два глаза, для того чтобы пространство звука вокруг нас было объемным, нам нужно два уха. Наконец, если бы не вестибулярный аппарат, находящийся, понятное дело, не в ухе, а в мозгу, то мы бы и вовсе, надо полагать, ощущали себя плоскими субъектами плоского мира.

Впрочем, нас совершенно не смущает тот факт, что мы видим изображение на экране телевизора, как нам кажется, трехмерным, хотя, в действительности, экран, конечно, плоский. То, что герои кинофильмов живут в трехмерном пространстве, а не на плоскости, является психологической иллюзией, а для того чтобы заметить эту иллюзию, нам, как выяснилось, необходима еще одна – лишь с появлением 3D-фильмов и 3D-очков мы, наконец, все осознали, что до сих пор даже киношедевры Арсения Тарковского и Дерека Джармена не заключали в себе никакого пространства, а были лишь картинками на плоскости.

То есть весь этот объемный и трехмерный мир вокруг нас – есть одна большая реконструкция, создаваемая нашим мозгом путем сложных математических расчетов интеллектуальной функции, учитывающих то, какие стимулы на какие рецепторы воздействовали и насколько далеко эти рецепторы друг от друга отстоят (рис. 12-14). А нашей единственной фактической привязкой к реальности, о чем в последние годы своей жизни постоянно говорил Лев Маркович Веккер, являются тактильные ощущения, все остальное – так называемые «переносимые свойства», т. е. свойства внешних по отношению к нашему рецепторному аппарату объектов, которые подвергаются нашей психикой полной переделке и реконструкции.





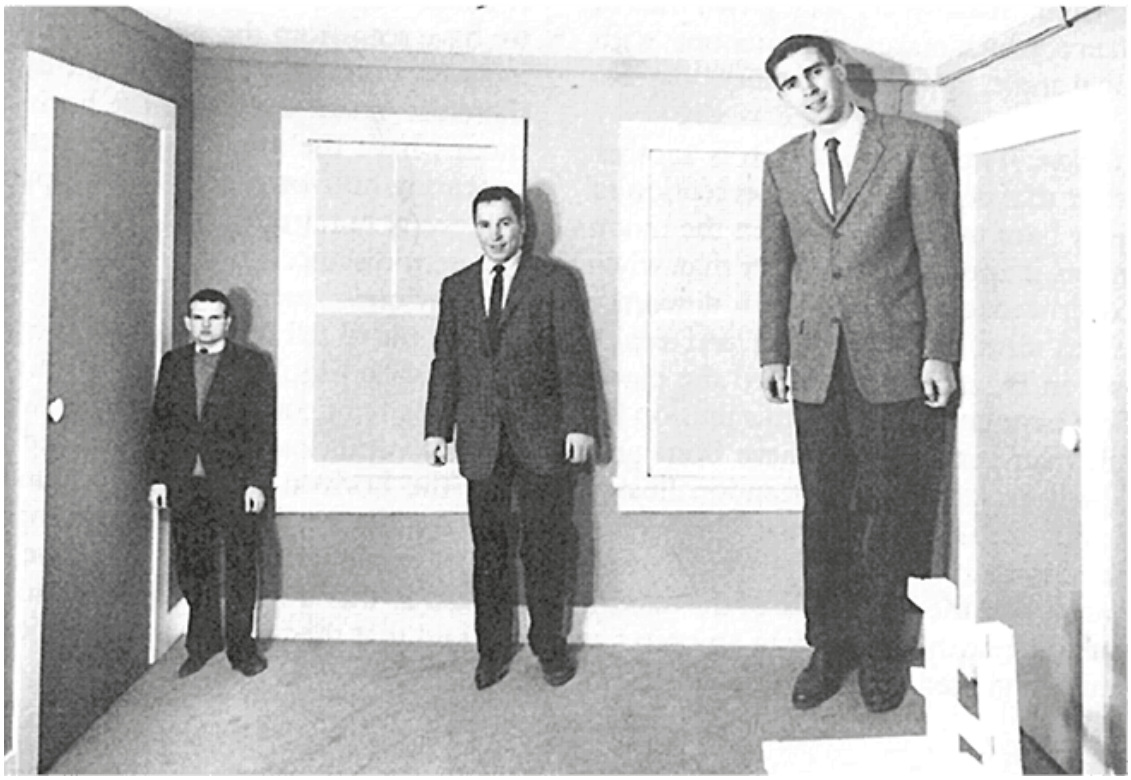


Рис. 12-14 по порядку: Эффект 3D-восприятия; Оптическая иллюзия: «яйца или ямки?»; Оптическая иллюзия «комната Эймса»

Но вернемся к нашему мысленному эксперименту. Итак, интеллектуальная функция «контактирует» с реальностью, образно выражаясь – в 2D-формате (и то в лучшем случае). Отсюда очевидно, что фактическая реальность кажется нашей интеллектуальной функции куда более статичной, чем, вероятно, следовало бы. Действительно, мы, вопреки собственной убежденности, не воспринимаем действительность процессуально. Да, мы думаем о ней как о процессах – движения, горения, брожения, затмения, течения, рождения, пения, развития, старения, умирания и т. д., но все они сплошь есть лишь воспроизведенные нашей психикой динамические эффекты.

Таким образом, мы вплотную подошли от идеи «пространства» к идее «процесса», который оказывается, по существу, такой же реконструкцией. Вообще говоря, наша интеллектуальная функция демонстрирует две в каком-то смысле противоположных интенции: с одной сто-

роны, в рамках представлений о реальности она все стремится упорядочить и стабилизировать, с другой же – реконструируя фактическую реальность, она практически все рассматривает как процессы. Однако все эти ее «процессы» совершенно лишены всякой фактической динамики! И правда, какой, если не иллюзорный, процесс мы можем обнаружить в рамках 2D-формата?

Вот иллюстрация классической зеноновской апории «Ахиллес и черепаха» (рис. 15).

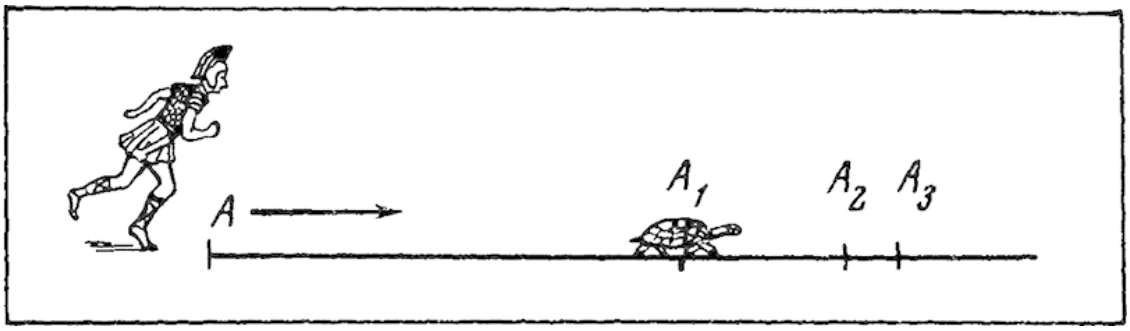


Рис. 15 Апория Зенона: Ахиллес и черепаха

Видим ли мы на этой картинке действительный процесс соревнования греческого бога с пресмыкающимся? Нет, конечно. Мы его реконструируем, создавая, впрочем, в своей голове ровно такие же «картинки». То есть нам кажется, что время в нашем интеллектуальном пространстве присутствует, потому что мы постоянно думаем о каких-то «процессах», «прошлом», «будущем», «целях», «долгих расстояниях» и т. д. Но в действительности все эти наши «процессы» принципиально вневременные. А если время как-то и присутствует в нашем психическом пространстве, то только в те моменты, когда в нем проявляется наше осознанное «я», озабоченное теми или иными проблемами, и сообщает нам о некоем своем целенаправленном и пока еще неудовлетворенном желании.

Иными словами, мы совершенно не способны мыслить время как таковое. Мы можем понимать, что «время прошло», что у нас «есть время», что нам для чего-то понадобится такое-то «количество времени» и т. д., но собственно хронометра в нашем мозгу нет – мы не чувствуем время, мы его лишь предполагаем, высчитываем. Так что, когда Альберт Эйнштейн говорит, что время – это «не более чем иллюзия, хотя и весьма навязчивая», с нами в каком-то смысле (причем в прямом и в переносном) говорит сама интеллектуальная функция. Впрочем, если Эйнштейн и предложил нам геометрическую модель Вселенной, то, скорее, в поддон, так сказать, своей интеллектуальной функции, нежели по причине того, что никакого физического времени действительно нет. Но то, что его – как такового – нет для нашей интеллектуальной функции – это вполне очевидно. На первый взгляд, отсутствие времени в пространстве интеллектуальной функции кажется серьезной проблемой – если фактическая реальность динамичнее, чем мы о ней думаем, то плохо, казалось бы, что мы не можем этого воспринять. Но, судя по всему, наличие этого «недостатка» в пространстве интеллектуальной функции имеет и свои резоны, а то, что нам кажется «минусом», на самом деле является для нее несомненным «плюсом»: именно вневременность процессов, мыслимых нашей интеллектуальной функцией, позволяет ей успешно решать практические задачи.

Так почему же для нашей интеллектуальной функции отсутствие времени в интеллектуальном пространстве скорее благо, нежели проклятье? Судя по всему, ответ на этот вопрос как раз и заключается в невероятной сложности фактической реальности, которую мы пытаемся своим слабым мозгом постигнуть. А то упрощение, которое интеллектуальная функция неизбежно производит, создавая реконструкции реальности – вневременные, предельно схематизированные, – и позволяет ей решать практические задачи.

Избыточная детализация только бы запутала все дело, а не для того эволюция столько трудилась над созданием интеллектуальной функции как над «приспособительным признаком», чтобы та, на радость хищникам, меланхолично пребывала в бесцельном познании «истины». Храм Святого Семейства, созданный гением Антонио Гауди, штука, понятно, невероятно сложная, но, как мы видели, если преобразовать ее в несколько схем, кажущаяся почти нерешаемой задача тут же демонстрирует вполне ясный ответ. Так что фактическое время только бы все усложнило, не давая нам, впрочем, ничего стóящего взамен.

Преодоление сложности – «блоки»

Действительно, одним из классических заблуждений прежней философии, равно как и психологии, да и вообще глобальной иллюзией нашего мировоззрения является иллюзия «вертикали власти» и «системной интеграции». Наш мир всегда представляется нам такой жестко простроенной вертикалью: Бог сверху, а мы-грешные – снизу, государства-лидеры и государства-аутсайдеры, искусство высокое и низкое, начальник, как и Бог, сидит сверху, а подчиненные – снизу, мужчина – голова, а женщина – шея. То есть мир вроде как и вертикально устроен, да еще и все его части, как представляется, находятся в жестком соподчинении.

Но, например, сам наш мозг устроен как раз с точностью до наоборот: его «высшие» отделы, организованные крайне затейливо, в действительности куда менее влиятельны, чем элементарные (по сравнению с ними) подкорковые образования. А потому, если какая-нибудь миндалина впала в тревогу, то, что ты себе ни думай в своих лобных долях, до паники рукой подать и остановить ее нам «здравым рассуждением» вряд ли удастся. Иными словами, нам только кажется, что все, что сверху и сложное – более влиятельно, чем простое и внизу. На самом деле, в мозгу по крайней мере, все обстоит как раз обратным образом, а еще точнее – сама эта иерархия, в действительности, просто отсутствует.

Если же вспомнить о результатах проведенного нами только что мысленного эксперимента, то открываются и еще кое-какие детали. Например, легко понять, что никакой действительной вертикали в пространстве нашей интеллектуальной функции просто не может быть – для ее появления нам бы понадобилась, как минимум, хотя бы еще одна плоскость. Или, например, очевидно, что представить себе действительную реальность, преображенную плоскостью, системно структурированной, – вряд ли возможно. Ведь, даже если фактическая реальность и структурирована каким-то особым сверхсложным образом, мы в любом случае заметить этого не сможем.

Звезды на ночном небе кажутся нам отстоящими друг от друга на считанные миллиметры, но возьми телескоп да еще раздвинь эту картинку в глубину, и она изменится радикально. Но где этот телескоп и как раздвинуть эту картинку, если мы говорим о взаимодействии реальности с интеллектуальной функцией? Короче говоря, считать и различить эту упорядоченность реального (если она, конечно, имеет место быть), обладая плоскостным экраном, не представляется возможным.

Надо сказать, что с этой проблемой закономерно сталкиваются и физики. Добиться упорядоченности Вселенной им мешает одна-единственная по-настоящему временная функция эйнштейновских уравнений – скорость света. Дело в том, что если скорость света действительно ограничена и равна примерно тремстам тысячам километров в секунду, то кажется очевидным, что события, происходящие во Вселенной на расстояниях, значительно превышающих указанную длину, не будут никак причинно связаны друг с другом. То есть, если бы нам вдруг захотелось как-то все в этой Вселенной увязать одно с другим (что было бы, наверное, логично), мы столкнемся с непреодолимым препятствием.

Чтобы как-то справиться с этим парадоксом, физики предлагают блочную модель Вселенной – мол, Вселенная состоит из отдельных блоков, где процессы протекают как бы неза-

висимо относительно других блоков Вселенной и от Вселенной в целом. Данный подход, кажущийся, впрочем, в достаточной степени абсурдным, позволяет снять большое количество противоречий, а также, как и завещал Альберт Эйнштейн, изгнать время из физики куда подальше. Но именно этот подход, по крайней мере, чрезвычайно схожий по существу, используется и нашей интеллектуальной функцией в рамках реконструкции фактической реальности.

Но представим себе все же, что мы сохраняем идею подлинного времени как нечто крайне существенное для мышления и принципиально невозможное к изгнанию. Что ж, мы оказываемся в крайне уязвимом положении – поскольку невозможно «быть» одновременно во всех местах, нам придется выбирать из всех событий, происходящих одновременно, какие-то, свидетелями которых мы будем, а остальные оставить без внимания.

Однако последствия этих упущенных нами событий будут нас с неизбежностью настигать в последующие моменты времени. Но мы не будем знать, каким образом эти явления появились в системе, и нам придется впадать в своего рода креационизм или исповедовать идею какого-нибудь чудного самозарождения мух из котлет. Как бы там ни было, к реальности подобные выводы никакого отношения иметь не будут.

Иными словами, наша интеллектуальная функция должна обладать способностью работать сразу в нескольких местах интеллектуального пространства и относительно отдельно от самой себя, взятой в целом.

При всей абсурдности этой идеи, если мы посмотрим на работу мозга, то она полностью отвечает именно этой логике – все отделы мозга работают в своем «временном» режиме, а мозг, взятый в целом, каким-то образом постоянно агрегирует эффекты этой деятельности различных своих отделов (включая и отдельные нейроны, и нейронные ансамбли, и специализированные зоны мозга) в единое целое, выливающееся затем в какое-то его наличное поведение. То есть, в каком-то смысле, мозг учитывает все, что в нем происходит (в каждом из его «блоков»), но, очевидно, действует в данном случае не по некоему единому «стандарту учета», а импровизирует – плетет представление о реальности, так сказать, «на живую нить».

Представим себе Солнце. В нем одновременно происходит неисчислимое количество разнообразных термоядерных реакций – где-то что-то вспыхивает, взрывается, отрывается и т. д. Но мы, при желании, всегда можем получить некие обобщающие его активность характеристики – общую температуру, силу тех или иных его полей, количество излучений и проч. Точно то же самое можно сказать и про атмосферу Земли: в каждой точке планеты постоянно что-то происходит – текут океанические течения, извергаются вулканы, работают заводы и желудочно-кишечные тракты коров, включая заселяющую их микрофлору, даже бабочки – и те предательски машут крыльями. Все это, так или иначе, вносит свой вклад в общее состояние атмосферы, но все это, взятое в целом, никак невозможно осмыслить.

Примерно в этой же логике работает и наша интеллектуальная функция – в различных психических «блоках», события которых могут сами по себе и не пересекаться, что-то происходит, при этом каждое такое событие будет вносить свой вклад, пусть и опосредованно, в результирующую функцию. Так что было бы большим допущением полагать, что вся эта система работы представляет собой некую стройную, вертикально выстроенную, четкую иерархию. В конце концов, поговаривают, что именно от взмаха крыльев бабочки в Бразилии можно, пусть и сугубо теоретически, ожидать торнадо в Техасе.

«Неосознанность» интеллектуальной функции

Конечно, интеллектуальная функция работает не где-то в каком-то месте моего мозга, а вся работа моего мозга и есть работа моей интеллектуальной функции. При этом очевидно, что сам мозг, например, параллельно решает множество задач – поддерживает положение моего тела в пространстве, участвует в регуляции работы внутренних органов, отсеивает шум галдя-

щих за окном цикад (подобных действий он одновременно совершает величайшее множество), а также обеспечивает правильное нажатие клавиш на клавиатуре и какие-то мои размышления. Это, по существу, блочная вселенная, это множество параллельных, а часто абсолютно не связанных друг с другом процессов.

Какие-то из этих действий моей интеллектуальной функции, как мне кажется, являются осознанными, а какие-то – подавляющая их масса – не осознаются. Но даже это разделение нельзя считать корректным – практически любой из этих «неосознаваемых» интеллектуальных объектов, создаваемых сейчас моей интеллектуальной функцией, уже сейчас же на нее и влияет, а может, причем с легкостью, оказаться и центральным в поле моего внимания. Если, например, ножка стула, на котором я сижу, подломится, а я потеряю равновесие, то я тут же замечу и то, насколько серьезно моя интеллектуальная функция работает над поддержанием равновесия моего тела в пространстве, и то, что я сидел до этой поры на стуле, совершенно, впрочем, этот факт в системе своих рассуждений игнорируя.

Можем ли мы свести в таком случае все к фокусу своего внимания и сказать, что, мол, осознается то, на что направлено мое сознание? Возможно, но это ничто не изменит. Наша интеллектуальная функция работает вне непосредственной и жесткой связи с осознанностью (по крайней мере, в привычном смысле этого слова), а что конкретно из ее работы в данный момент нами осознается, не имеет, по существу, никакого значения. Здесь главное нацеленность, сосредоточенность поиска, о чем прекрасно писал Анри Пуанкаре в своей статье «Математическое творчество». Здесь важно принуждение интеллектуальной функции к решению данной конкретной задачи, а она уже сама, если такое принуждение сделано, как-то решит это внутри своих блоков.

Все это, короче говоря, сильно напоминает «принцип доминанты», описанный Алексеем Алексеевичем Ухтомским. В психике одновременно сосуществует множество нервных центров – «блоков», и все они «живы» (то есть в них постоянно что-то происходит, они решают какие-то свои задачи, производят некую активность). Но стоит некоему фактору оказать воздействие на психику, как какой-то из этих «нервных центров» («блоков») неизбежно становится приоритетным, а его активность начинает тут же стягивать на себя активность других центров. Собственная функциональная «масса» этого «центра» («блока») будет нарастать, втягивая в свою орбиту другие центры, а активность центров, которые ничем данному делу помочь не могут, и вовсе сойдет на нет (рис. 16 на обороте). В конечном счете, условно говоря, «вся» психика будет работать на определенный результат данного «центра» («блока»).

Таким образом, важно не то, что, как мне кажется, мною осознается, а насколько я – на самом деле, фактически – сосредоточен на решении задачи, иными словами, насколько сильно моя интеллектуальная функция занята сейчас решением данной задачи, насколько масштабны ее силы, стягиваемые сейчас к обнаружению искомого решения. Конечно, вся моя интеллектуальная функция целиком никогда не может быть мною направлена на решение той или иной задачи, но тренировкой можно добиться многого.

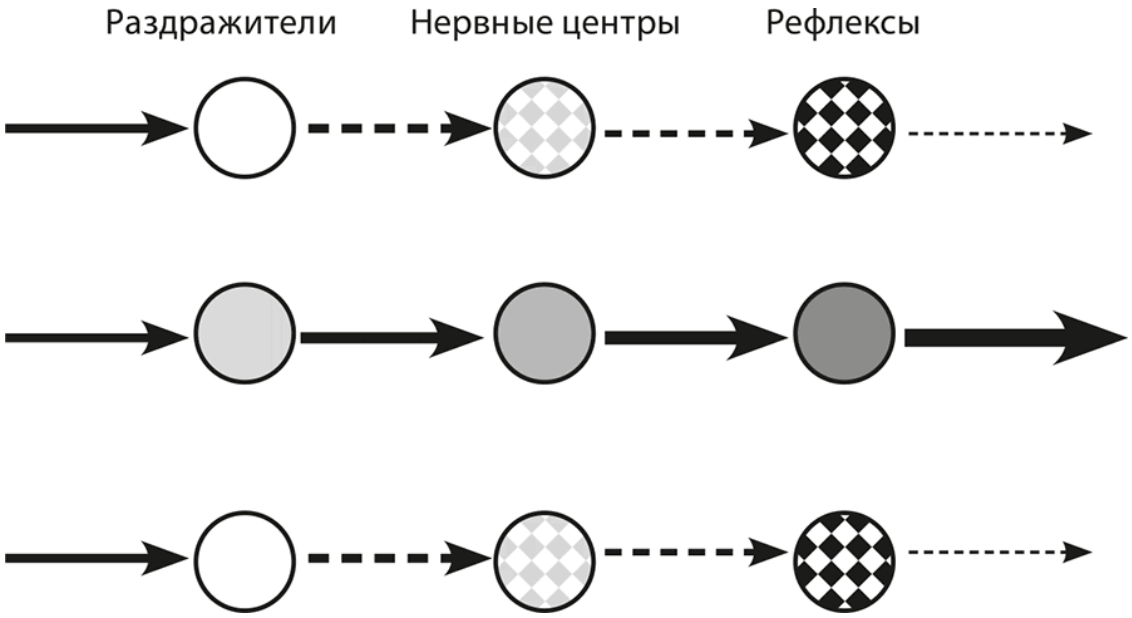


Рис. 16 Принцип доминанты по А. А. Ухтомскому

Часть четвертая: Мышление

«Объемы», «массы», «силы», «интенсивности» и т. д. – то, что, как нам кажется, существует вовне, есть наш способ организации окружающего нас мира. То есть не они существуют вне нас, а это мы думаем ими – массами, силами, объемами, интенсивностями. Они уже – как несодержательные сущности – присутствуют у нас в голове.

Причем можно быть уверенным, что в скором времени нейрофизиология даст этому вполне конкретное объяснение – точно так же, как сейчас она объяснила нашу способность производить и понимать метафоры, а также связь музыки с движением определенной смежностью соответствующих отделов мозга.

Окажется, вероятно, что мышление каждого отдельного индивида отличается в его собственном восприятии – в зависимости от того, какие отделы его мозга имеют лучшие связи с остальными, или просто от того, какие из них в большей степени актуализированы в данный момент времени. Поэтому мышление данного индивида может быть, условно, более «ярким» или более «звонким», более «объемным» или более «насыщенным», более «сильным» или более «пересыпчатым».

Но в любом случае в основе нашего мышления обнаруживаются как раз эти модальностные специфики, выраженные в логике казуальности, пространственной протяженности и временности.

Универсалии

Мы мыслим этими универсалиями – большим и малым, тяжелым и далеким, тонким и сложным, пустым и огромным, ярким и сильным, единичным и множественным, кучей и парами, высоким и мощным, мелким и незначительным, избыточным и переполненным, быстрым и медленным, долгим и мгновенным, пространством и территориями, зонами и областями [С. Пинкер]. Иными словами, это наш способ организации объектов: наши объекты, а все они интеллектуальные, – так даны нам, то есть фактически такими.

Вовне нас нет этих масс, интенсивностей, ни самих этих объектов. И то и другое – всегда лишь результат некого нашего отношения с чем-то, что находится по ту сторону нашего рецепторного аппарата. Конечно, это не значит, что соответствующих явлений вне нас нет в принципе, и меня, например, не придавит камень, упавший с горы, или я смогу просуществовать хотя бы мгновение на поверхности Солнца. Однако наличие этих явлений с той стороны и то, как я их воспринимаю по эту сторону, – разные вещи.

В сущности, важно лишь то, что всякий интеллектуальный объект для нас – тяжел или легок, длинен или пуст и т. д. и т. п. Причем это касается всех интеллектуальных объектов. Например, научная теория может быть тяжелой, прозрачной, муторной, мощной. Равно как и мое отношение к Петру – объемным, глубоким или никаким. Равно как и сам Петр может ощущаться мною поверхностным, мелким или скользким.

То есть моя психика с одинаковой легкостью присваивает Петру, например, тяжесть – и потому, что он весит двести килограммов, и потому, что в его обществе, по причине отсутствия у него чувства юмора, нельзя шутить, и потому, что он, как мне кажется, рассуждает слишком сложными (тяжеловесными) конструкциями. Во всех этих случаях я имею дело с «тяжелым интеллектуальным объектом», с фактической тяжестью.

И именно эта тяжесть (или массивность, долгота, интенсивность и т. д.) имеет для моей психики фундаментальное значение, а не фактический вес – или что бы то ни было еще – в граммах.

Из всего этого ясно, интеллектуальные объекты (в них мы можем вкладывать все что угодно и как угодно, но продолжаем воспринимать как целое) фактически соотносятся в нас в соответствии с этими универсалиями – тяжести, мощности, сложности, объема, продолжительности, интенсивности и прочими «характеристиками».

То есть я фактически оперирую в рамках своей интеллектуальной функции этими универсалиями – по крайней мере, в том смысле, что все, что происходит в пространстве психического, переводимо на язык этих универсалий и может быть на нем осмыслено. Именно это оперирование, по существу, и есть фактическое мышление. Причем я совершаю это оперирование совершенно непроизвольно, когда, например, выбираю прохожего, которого я решусь остановить, чтобы узнать у него дорогу в библиотеку. Однако я могу совершать это оперирование и намеренно, мысленным усилием, но в этом случае крутить в себе соответствующими объемами, массами, силами, интенсивностями, общностями и т. д. – это почти физический труд.

Так что не стоит удивляться, когда Альберт Эйнштейн утверждает, что наука только на один процент – вдохновение, а все остальное в ней – тяжелая работа. Впрочем, полагаю, и «тяжесть» атома по Нильсу Бору, и «тяжесть» вселенной по Минковскому были в его интеллектуальном пространстве вполне сопоставимыми величинами.

Феномен «отношения»

Каким образом интеллектуальная функция оперирует интеллектуальными объектами? Чтобы понять это, необходимо уяснить для себя сущность феномена «отношения». Два абстрактно взятых объекта не находятся друг с другом в отношении, они могут быть лишь нами в него поставлены. Но «быть поставленным в отношения с чем-то» – не то же самое, что быть в отношении.

Так, например, когда я говорю, что «жизнь в России» лучше (или хуже), чем «жизнь в Греции», – это не отношение, а проведенное мною сравнение – умозрительное, оценочное и, по существу, совершенно бессмысленное (я просто выразил так некий свой интеллектуальный объект). С другой стороны, если я беру к рассмотрению уже этот интеллектуальный объект, то увижу, что именно из этого моего отношения с этим моим объектом его определяет, – я живу в России (или в Греции) или переживаю из-за того, что не могу жить в России (или в Греции).

То есть фактическое отношение всегда дано мне как результат, а если этого результата нет, если он ничем не выражен, то и отношение, которое я, как мне кажется, усмотрел, – лишь сопоставление, но не отношение.

Возьмем другой пример: Земля и Луна определенно находятся в отношениях друг с другом, потому что эти отношения определяют такое существование того и другого объекта – влияют на каждый из них (это определяет их орбиты, скорость вращения, океанические приливы и т. д.). То есть когда мы говорим об отношении, мы всегда говорим о некоем результате, о том, что происходит в связи с этим отношением, а не об отношении самом по себе.

Иными словами, мы, в каком-то смысле, можем лишь предполагать наличие отношений по некоему результату, но не можем мыслить сами отношения. Что, впрочем, не лишает нас возможности мыслить некие отношения, предсказывая таким образом некие результаты. Точно так же, наблюдая в микроскоп за движениями броуновского тела, мы вполне можем помыслить какие-то его отношения с другими частицами, которые и приводят это тело в движение.

Итак, всякие отношения, усмотренные нами как существующие сами по себе (так, чтобы мы могли рассмотреть их отдельно от участников этого отношения), не являются отношениями, но лишь представлениями о неких отношениях (представлениями умозрительными и по существу своему ложными).

Иными словами, когда я говорю, например, об отношении ко мне Петра, я говорю о том, что я думаю об этих отношениях, а не об отношениях как таковых. Но даже если я не являюсь участником (стороной) этих отношений, как в случае, когда я говорю, например, об отношениях Петра и Анастасии, я могу только указать на факт этих отношений, и именно потому, что Петр или Анастасия делают по причине наличия этих отношений – точнее, что что-то меняется в них в связи с этими отношениями. То есть я всегда вижу некий результат отношения, а не отношения как таковые.

Отношения, надо полагать, являются самим существом фактической реальности, а потому вполне естественна их неухватываемость – мы лишь ощущаем их как тяжести, объемы, плотности, длительности и т. д., но нам не даны отношения как таковые. Хотя тот факт, что мы не можем их ухватить, не означает, что мы не можем их корректно предполагать. Да, нам всегда дано то, что возникло в результате тех или иных отношений, но то, что это возникло, – есть прямое следствие наличия этих отношений в нас.

Ограниченность поля мышления

Нам необходимо отдавать себе отчет в ограниченности поля нашего мышления. Взятый сам по себе мир интеллектуальной функции, конечно, не ограничен – поскольку состоит из неисчислимого количества возможных комбинаций, сил, «свойств» и т. д. Но это вопрос «представления», в фактической же реальности поле нашего мышления ограничено возможностями «рабочей (оперативной) памяти».

Все, что может предложить нам наша «рабочая память» (то есть тот вид «памяти», который отвечает за одновременное рассмотрение нами интеллектуальных объектов), – это три-четыре единицы. Иными словами, мы не можем мыслить одновременно более трех (или четырех) интеллектуальных объектов [Н. Кован].

Мы можем одновременно держать в уме семь (плюс-минус два) объектов [Дж. Миллер], однако, когда мы говорим о мышлении, мы говорим не только о самих объектах, но и об отношениях между ними, которые, в свою очередь, тоже являются интеллектуальными объектами, а потому все это необходимо суммировать.

Таким образом, активное поле нашего осознанного мышления чрезвычайно узкое, и выйти из этой ограниченности можно, лишь поочередно усложняя интеллектуальные объекты (создавая их более массивные агрегации). Такая предварительная подготовка позволяет нам затем свести в пространстве своей «рабочей памяти» эти (теперь уже максимально сложносочиненные) объекты друг с другом, сохраняя при этом прежнее ограниченное число единиц мышления, которые могут удерживаться в ней одновременно.

Мышление как усложнение интеллектуальных объектов

Всякий интеллектуальный объект представляет собой множество, которое выступает как некое целое, которое, в свою очередь, определено внесенной в него (обнаруженной в нем) сущностью. Эта искусственная на самом деле сущность выполняет роль своего рода центра притяжения, является, в каком-то смысле, гравитационной силой.

Данное обстоятельство позволяет нашим – уже существующим в нас – интеллектуальным объектам расти и усложняться, когда какие-то новые, только возникшие в психике возбуждения втягиваются, по некоему сродству к данной сущности, в орбиту соответствующих интеллектуальных объектов (подключаются к уже существующим нейронным ансамблям).

Это, в свою очередь, может влиять и на состояние самой «сущности» – она, будучи искусственной и зависящей от содержаний, может менять свою специфику, свою «особенность»,

вплоть до возможного ее разрушения и элиминации, когда накопленные таким образом измерения в содержании интеллектуального объекта не оставят в ней места.

Впрочем, этот случай мы разберем чуть позже, а сейчас важно понять, что, по существу, вся работа интеллектуальной функции представляет собой усложнение интеллектуальных объектов. То есть я, в действительности, не просто нахожу некие новые отношения между существующими во мне интеллектуальными объектами, но формирую новые интеллектуальные объекты, как-то преобразовывая в них те, что мною рассматриваются.

Когда мы говорим, что «стремимся к пониманию» чего-либо, мы, на самом деле, сообщаем о своем намерении создать интеллектуальный объект, который будет решением той задачи, которая на данный момент нас занимает. Для этого мы сводим в поле нашего сознания, например, два интеллектуальных объекта и ищем то отношение между ними, которое «примирит» их в рамках определенного «понимания».

Работа в «поле мышления»

Например, я пытаюсь понять, почему вода при замерзании расширяется в объеме (понятно, что это противоречит очевидной интуиции – мол, «замерзает», значит – «скукоживается», «уменьшается»). Для начала я представлю температуру как скорость движения частиц вещества: я представляю себе некие частицы (интеллектуальный объект № 1), их в движении – как они например разлетаются (интеллектуальный объект № 2), дальше мне необходимо представить силу их столкновения на этих высоких скоростях (интеллектуальный объект № 3), и как итог я буду иметь некий результирующий интеллектуальный объект (некое целое), понимаемый мною как «температура» (по существу, интеллектуальный объект № 4).

Теперь мне нужно, образно говоря, зачистить поле своего мышления – стереть все эти «рисунки», сделанные словно мелом на доске, – и продолжить свое размышление как бы с чистого листа. Теперь я смотрю на получившийся у меня интеллектуальный объект «температура» (интеллектуальный объект № 1) и соотношу его с интеллектуальный объектом, который я представляю себе как треснувшую бутылку, поскольку замерзшая в ней вода, превратившись в лед, расширилась (интеллектуальный объект № 2). Попытавшись соотнести эти объекты («температуру» и «расширение воды при замерзании»), я потерплю фиаско – интеллектуальный объект № 3 не складывается. Мне необходимо провести какое-то усложнение.

Я снова зачищаю «поле» своего «мышления» (вытираю, образно говоря, классную доску) и рассматриваю теперь «замерзшую воду». Я представляю себе некое специфическое состояние молекул воды (интеллектуальный объект № 1), которые связаны друг с другом некими специфическими связями (интеллектуальный объект № 2), характеризующими, как считается, кристаллическую решетку (интеллектуальный объект № 3). Из этого, осознавая одновременно все эти три объекта в поле своего мышления, я ухватываю, что эти связи обладают определенной жесткостью, создающей структуру кристалла, и когда все молекулы воды собираются в эту структуру, ее как бы распирает. Теперь я «понимаю», почему треснула бутылка с замерзшей водой (по существу, интеллектуальный объект № 4).

Теперь «поле мышления» снова необходимо зачистить, и я смогу разместить в нем два получившихся у меня интеллектуальных объекта – «температуру» и «замерзание воды». «Температура» – сложный интеллектуальный объект № 1 (частицы, двигающиеся с определенной скоростью в определенном объеме и сталкивающиеся друг с другом и с какими-то поверхностями), «замерзание воды» – сложный интеллектуальный объект № 2 (специфическая кристаллическая решетка, где молекулы воды находятся в каких-то жестких отношениях друг с другом и занимают из-за этой своей условной жесткости какой-то объем).

Оба объекта как бы повисают в поле моего мышления, а я как бы рассматриваю их друг относительно друга и сосредотачиваюсь – мне необходимо установить некое новое для меня

отношение между этими множествами (сложными интеллектуальными объектами № 1 и № 2). Теперь я могу представить интеллектуальный объект № 3 – процесс плавления, когда, например, под воздействием движения частиц нагреваемой бутылки (скорость частиц бутылки от нагревания увеличивается), частицы воды в кристаллической решетке расталкиваются (в этот момент я временно зачищаю поле своего мышления и проделываю эту, дополнительную операцию с новыми интеллектуальными объектами – «температура», «молекулы бутылки», «молекулы воды» – и возвращаюсь обратно).

Теперь я могу представить себе молекулы воды (интеллектуальный объект № 1), которые в результате плавления (интеллектуальный объект № 3) начинаются двигаться быстрее и, хотя они занимают теперь большее пространство, освобожденные от жестких связей, возникающих при замерзании (интеллектуальный объект № 2), они способны свободно смещаться относительно друг друга и заполнять теперь весь объем бутылки, включая и ее горлышко (это мне тоже придется отдельно себе представить, освободив для этого временно поле своего мышления), что позволит при увеличении скорости (температура) их движения удерживаться в заданном объеме бутылки. Во мне возникает момент переживания ага-стимула – ага-переживание, все как бы складывается, причем в один интеллектуальный объект – этого моего понимания.

«Мысленный эксперимент»

Итак, мы наблюдаем своего рода матрешку из различных комбинаций интеллектуальных объектов в поле мышления. Впрочем, сама эта матрешка, скорее, напоминает способ выявления глубинной структуры в генеративной лингвистике [Н. Хомский]. Это та же самая фигура последовательностей, только, быть может, перевернутая, поскольку результирующий интеллектуальный объект в данном случае не изыскивается в уже существующем, а, по существу, создается, конструируется в процессе самого «мысленного эксперимента» (рис. 17 на обороте).

Речь, по существу, действительно идет о примере «мысленного эксперимента», составляющего основу всякого фактического мышления, когда интеллектуальная функция формирует новый интеллектуальный объект как результат отношения других интеллектуальных объектов. Всякое наше мышление может быть понято такой, выражаясь словами Бенедикта Спинозы, «методой мышления» (собственно «геометрический метод» использовался им лишь для демонстрации своих размышлений, а не для размышлений как таковых).

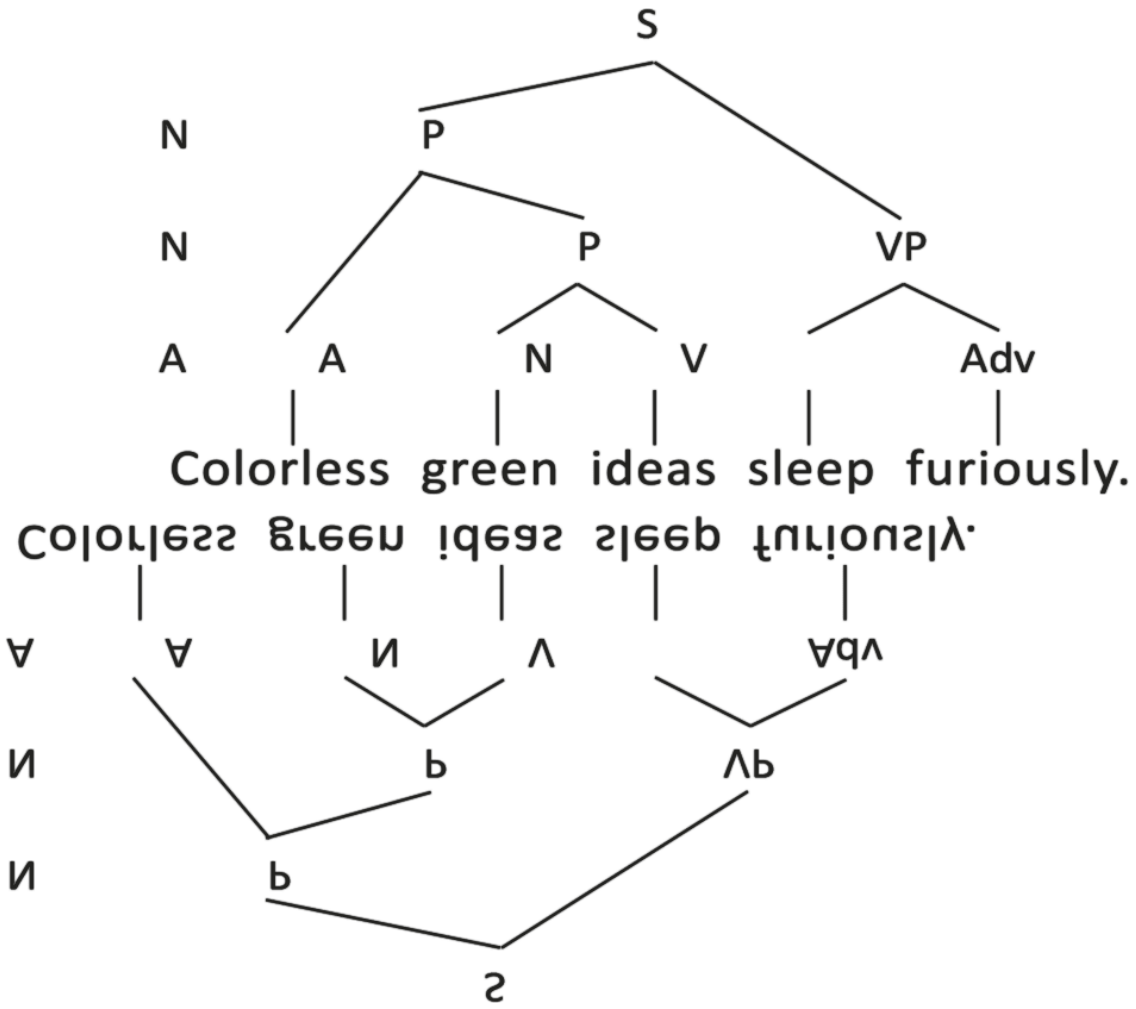


Рис. 17 Бесцветные зеленые идеи спят яростно – пример Н. Хомского из книги «Синтаксические структуры»

В действительности, «геометрия» здесь понятие условное, но и вправду удобное – мы действительно имеем здесь некое поле мышления (даже «внимания», можно сказать), в котором у нас располагаются и находятся в отношении некие интеллектуальные объекты. Последние, опять же, поскольку они представляют собой множества, подобны своего рода сложным фигурам, которые мы и пытаемся интеллектуальной функцией подстроить друг под друга, чтобы они сошлись в новый интеллектуальный объект, являющийся целью нашего «мысленного эксперимента».

Хотя, по существу, было бы, наверное, правильнее говорить не об отношениях интеллектуальных объектов (поскольку сами отношения, как мы уже говорили, не могут быть нами схвачены), а о своего рода превращении одной «интеллектуальной массы» через последовательность некоторых операций в другую «интеллектуальную массу» (что-то наподобие преобразований, необходимых для понимания сути «гипотезы Пуанкаре»). Но таким образом процесс мышления было бы сложно (если вообще возможно) изъяснить, и потому приходится прибегать к подобной «механике» – «геометрической методе».

Вместе с тем, практикуя подобного рода «мысленные эксперименты» – то есть продумывая в таком виде уже понятые нами когда-то вещи (как бы собирая и разбирая заново уже созданные нами когда-то интеллектуальные объекты), мы, по существу, тренируем свою способность использовать интеллектуальные универсалии (массы, объема, силы, интенсивности, длительности, протяженности, сложности и т. д.) целенаправленно.

То, что мы привычно думаем этими универсалиями (совершенно, впрочем, того не осознавая), еще не является инструментом мышления, а лишь только такой его спецификой. Если же мы хотим пользоваться своим мышлением как инструментом, которым мы намеренно и целенаправленно («осознанно», «осмысленно») решаем те или иные задачи, мы должны осмыслить указанные универсалии именно в качестве таковых – как способ представления мышления – и научиться ими в таком их качестве целенаправленно пользоваться.

Существование интеллектуальных объектов

Попробуем это продумать на примере – в мысленном эксперименте (а заодно покажем обещанное соотношение «сущности» и «интеллектуального объекта»).

Допустим, мы имеем в себе некий интеллектуальный объект, который является, по существу, нашей религиозной верой. Этот интеллектуальный объект обладает вполне определенной сущностью – конечно, сконструированной, но воспринимаемой нами предельно «реально». На эту сущность, возникшую когда-то как некое переживание (ага-стимул), как бы наслаиваются наши представления о «Боге», религиозные концепции, некие нравственные императивы и т. д.

Этот интеллектуальный объект подкрепляется (растет и усложняется) в процессе каких-то наших новых «религиозных переживаний», «опытов», «знаний», встреч и общения с верующими людьми и т. д. Этот интеллектуальный объект дополнительно разрастается, когда мы интерпретируем происходящие с нами события (или какую другую информацию) в отношениях (интеллектуальная функция) с этим объектом – через него, в орбите, так сказать, его влияния.

Но, как известно, такой объект может быть и уничтожен – прекратить свое существование, «развалиться», утратить былую силу. Причем, пользуясь терминологией А. А. Ухтомского, у гибели такого объекта может быть как «эндогенный», так и «экзогенный конец».

В случае «эндогенного конца» постепенное разрастание такого интеллектуального объекта может привести к тому, что в его орбите окажутся самые разные, несовместимые по существу, «религиозные» концепции и установки – как следствие, интеллектуальной функцией будут произведены какие-то масштабные обобщения (как, например, в случае с «Богом Спинозы»).

Эти обобщения, в свою очередь, приведут к «перегоранию» соответствующей сущности интеллектуального объекта (подобно тому, как «перегоревшая» звезда превращается в «белого карлика»). То, что когда-то было нашей «истовой и безусловной верой», превратится в воспоминание о том, что мы когда-то, «по странному стечению обстоятельств», верили то ли в Иегову, то ли в Иисуса Христа, то ли, быть может, в макаронного монстра.

Но возможен и «экзогенный конец» интеллектуального объекта, когда он, образно выражаясь, «раздавливается» другим, бурно (даже инфляционно) растущим и при этом конкурирующим, в каком-то смысле, за ту же «сущность» интеллектуальным объектом.

Например, вполне себе «верующий» человек может оказаться в концентрационном лагере, что окажет определенное воздействие на существующие в нем интеллектуальные объекты «веры». Однако этому интеллектуальному объекту «веры» ничего не угрожает, если опыт данного заключения интерпретируется данным индивидом последовательно в орбите этого же интеллектуального объекта «веры». Так он может, например, воспринять происходящее с ним как «Промысел Божий», увидеть в происходящем с ним какой-то «глубокий смысл», понять это как «испытания веры», уподобить себя «страдающему Иову» и т. д.

Если же происходящее с данным заключенным будет, с помощью той же интеллектуальной функции, соотнесено в нем с каким-то другим интеллектуальным объектом, уже тоже как-то существующим в его пространстве психического (например, с эволюционными представлениями об антропогенезе, с пониманием того, что человек – это просто «культурное животное»

и т. д.), то этот новый, разросшийся интеллектуальный объект способен, почти в буквальном смысле – подобно космической «черной дыре», – раздавить и «сожрать» прежний интеллектуальный объект «веры».

Впрочем, рост конкурирующего объекта может и не привести к полному уничтожению «конкурента», а лишь ослабить его по механизму того же «эндогенного конца». В этом случае в психике формируются какие-то буферные интеллектуальные объекты, не позволяющие «конкурентам» сойтись в прямой (и фатальной для одного из них) конфронтации.

К подобным уловкам, как известно, прибегали и Ньютон, и Дарвин, а отдельного упоминания заслуживает тот же Спиноза, у которого таким «буферным» и предельно очерченным интеллектуальным объектом стала «Природа». Наконец, нечто подобное пережила, например, но как бы в обратную сторону, и римская католическая церковь, когда папа Бенедикт сообщил о признании церковью эволюции и теории большого взрыва, добавив забавный «буферный объект», а именно, цитата: «Бог – не волшебник с волшебной палочкой».

Впрочем, создание таких – «буферных» – интеллектуальных объектов, если речь идет об отношениях между уже существующими в психике интеллектуальными объектами, позволяет интеллектуальной функции производить некие новые инварианты, обеспечивающие возникновение новых сущностей, способных объединить какие-то интеллектуальные объекты в новую общность, которая станет, таким образом, новым – значительно усложненным – интеллектуальным объектом.

Эти инварианты, и это необходимо понимать, возникают не сами по себе – неким магическим образом, но являются результатом постоянного соотнесения интеллектуальной функции одних интеллектуальных объектов с другими.

Фактическая реальность и проблема производства «нового»

Итак, чем же является интеллектуальная функция? Сама по себе она проявляется в установлении отношений между интеллектуальными объектами, которые она же и формирует.

Причем способ, которым интеллектуальная функция формирует интеллектуальные объекты (то, как она их создает) ничем, по существу, не отличается от того, как она в последующем ими оперирует.

Создавая интеллектуальные объекты, интеллектуальная функция связывает какие-то неоформленные пока в отдельные «штуки» (интеллектуальные объекты) нервные возбуждения с уже имеющимся в соответствующей психике содержанием (с уже существующими в ней интеллектуальными объектами). Иными словами, интеллектуальные объекты, возникающие в пространстве психического, не даются нам сами по себе (как они как бы «есть»), а только лишь через отношение их, еще даже не сформированных, с наличным содержанием психики – то есть с тем, что в ней уже есть.

Иными словами, всякий интеллектуальный объект, становящийся элементом нашего мышления, этим же мышлением из него же самого (из этого мышления) и собран. Образно говоря, всякий новый раздражитель – это не семя, падающее в удобренную почву, которое произведет самое себя, а скорее, сперматозоид с гаплоидным набором хромосом, который проникает в яйцеклетку, уже содержащую значительный объем генетической информации, – и потому, как результат, мы уже не получим «клона» воспринятого нами «объекта», но лишь его «отпрыска».

«Объекты», с которыми мы входим во взаимодействие, не прорастают в пространстве нашей психики сами собой и сами по себе, но воссоздаются нашим психическим с учетом того содержания, которое в нем – в этом психическом – уже есть. И само это содержание психического самым существенным образом влияет на конечный результат – тот интеллектуальный объект, который мы, по результатам работы интеллектуальной функции, обнаружим в про-

странстве нашей психики. Последний несет в себе как реминисценции действительно – сейчас – воспринятого, так, и в куда большей степени, элементы уже существовавшего в нас к этому моменту психического содержания.

Наличное содержание психики (вся масса уже существующих в ней интеллектуальных объектов) создает специфическую тенденциозность в процессе формирования новых интеллектуальных объектов. Причем это касается всех интеллектуальных объектов – идет ли речь о каких-то наших «соображениях» и «представлениях» или о «восприятии», «переживаниях», «чувствах», «отношениях», «эстетических впечатлениях» и т. д. Все они, по существу, являются для психики и мышления – интеллектуальными объектами, и все они возникают из отношений с содержаниями нашей психики.

Таким образом, мы никогда не можем породить в себе что-то принципиально «новое», различить это принципиально «новое» во внешней среде, увидеть его, так сказать, незамутненным взором. Это «новое» всегда будет преобразовано нашей интеллектуальной функцией через отношение с наличным содержанием психики, то есть оно будет неизбежно и, если так можно сказать, активно нести на себе «генетический» груз уже существующего в нас содержания.

Грубо говоря, нашу психику невозможно перезаписать, как мы перезаписываем, например, файлы на компьютере – стирая одни и загружая другие. В ней нельзя и создать дополнительную «новую папку», где «все будет по-другому». Нет, все, что становится ее содержанием, тут же как бы встраивается в ее программный код, который всей своей массой обеспечивает трансформацию всего вновь воспринимаемого в соответствии с логикой этого программного кода.

Таким образом, единственный способ, посредством которого мы можем хоть как-то преодолеть эту свойственную нашей психике тенденциозность – это прерывание ее действия, обрывание операций, ее перезапуск. Причем очевидно, что и эта практика – лишь возможная полумера, четверть-мера, тысячная от возможного и необходимого, если мы, конечно, желаем увидеть то, что происходит на самом деле, а не какую-то версию этого.

Наша психика тенденциозно, последовательно, бессчетным количеством повторяющихся – упорядочивающих, стереотипизирующих, деиндивидуализирующих – операций интеллектуальной функции превращает все новое в свое подобие, подстраивает и перестраивает это новое под себя, в логике, образно говоря, расположенности уже существующих в ней интеллектуальных объектов.

Постоянное прерывание – отказ от веры в «уже известное» и его намеренное, целенаправленное переосмысление, агрессивное отбрасывание существующих способов оценки и восприятия, активное обнаружение противоречий и парадоксов «на ровном месте» – таков подход, который необходим нам в исследовании фактической реальности. А потому, задаваясь вопросом – что происходит на самом деле? – мы, в каком-то смысле, радикализуем даже фейерабендовский анархизм.

Часть пятая: Радикализация

Мы вынуждены постоянно говорить о «я», «мое» («наше»), «во мне» («в нас») и т. д., как бы предполагая таким образом, что мы имеем некий центр, несем в себе некую специфическую инстанцию, властвующую и, что особенно важно, размышляющую на пространстве нашей психики.

В действительности, и нейрофизиология говорит об этом предельно отчетливо, никакого «я» у нас нет. Это в лучшем случае просто «эссенциальная сущность», усматриваемая нами в интеллектуальном объекте, который мы называем «психикой», или «психическим пространством», или «миром интеллектуальной функции».

Задавшись вопросом – что есть «я» на самом деле? – мы не получим никакого ответа [Г. Г. Шпет]. Аналогичная ситуация возникает и когда мы фактически задумываемся о «сознании», «личности» и тому подобных фикциях. Этой «сущности» в действительности, как, впрочем, и любой другой, не существует, но мы пользуемся соответствующей фикцией, чтобы облегчить себе создание соответствующих представлений о реальности – в частности, о «себе».

То есть это «я» – лишь такой результат работы интеллектуальной функции, которая создает в нас соответствующие психологические эффекты. И, по всей видимости, если мы примем во внимание феномен «лобного больного» [А. Р. Лурия], указанные эффекты обусловлены процессами реципрокного торможения наших интенций в префронтальной коре.

Иллюзия «наблюдателя»

Это наше индивидуальное «я» не является даже тем классическим «наблюдателем», которого мы так любим в себе «обнаруживать», впадая временами в дурную рефлексивную бесконечность – «наблюдатель, который наблюдает за интеллектуальными объектами», «наблюдатель, который наблюдает за наблюдателем, который наблюдает за интеллектуальными объектами» и т. д. В действительности, мы даже не являемся «наблюдателями», это лишь способ описания того эффекта, что мы, как нам кажется, что-то воспринимаем или о чем-то думаем.

Когда же мы делаем вид, что вместо восприятия и думания мы воспринимаем и думаем «о том», что мы что-то воспринимаем и думаем, мы на самом деле продолжаем воспринимать и думать. То есть никакого отторжения неких «нас» от процесса восприятия и думания на самом деле не происходит, просто мы воспринимаем и думаем что-то другое, другой интеллектуальный объект, возникший в нас посредством работы интеллектуальной функции. Иными словами, в действительности, имеют место все то же восприятие и думание, являющиеся не чем иным, как работой интеллектуальной функции по производству интеллектуальных объектов.

Мы не можем выйти за пределы собственной головы (или собственного интеллектуального пространства) и наблюдать за процессами работы своей же интеллектуальной функции со стороны. Подобные представления – совершеннейшая иллюзия. Мы всегда и есть эта интеллектуальная функция, о чем и свидетельствует тот факт, что мы что-то продолжаем думать и воспринимать. Здесь нет и не может быть никакого прерывания (отрыва от собственного мышления, левитации сознания и тому подобных вещей), а только кажущиеся эффекты – «иллюзии внутреннего восприятия».

«Думать о» и «думать что-то»

Мы подошли к чрезвычайно сложному вопросу – принципиально важной дефиниции, которую нам надлежит самым серьезным образом обдумать. Да, все наше мышление – это работа интеллектуальной функции по созданию новых интеллектуальных объектов, и никакого

другого процесса в нашем мозге не происходит, и никаких шансов выявить в нем это «что-то другое», даже теоретически, не представляется возможным.

Однако у нас постоянно возникает иллюзия, что мы не просто *что-то думаем, а думаем о чем-то.* То есть как будто бы есть какая-то дистанция, зазор между мной – тем, кто думает, и тем, что является предметом моего мышления. Но тогда я сам не являюсь интеллектуальной функцией и не могу мыслить, что нелепо. Иными словами, на самом деле мы никогда не думаем «о чем-то», мы всегда «думаем что-то». Впрочем, попытаемся понять разницу этих формул в мысленном эксперименте.

Итак, что я думаю, когда, например, *думаю о любви?* Проведем что-то вроде мысленного эксперимента. Я думаю, допустим, что «любовь – это чувство, которое подчиняет одного человека другому, делает его зависимым от объекта своей страсти, приводит к идеализации этого объекта и т. д. и т. п.». Теперь, что такое, когда *я думаю любовь?* Когда я думаю любовь – т. е. «думаю что-то», у меня есть фактический объект любви, возможно, я его идеализирую, нахожусь в некой психологической зависимости от него и т. д. и т. п.

То есть кажется вполне очевидным, что речь идет о разных состояниях. Быть может, они и разные. Возможно. Другое дело, что и мыслятся в этот момент разные интеллектуальные объекты, а потому мы уже не можем говорить, что в одном случае я думаю об *этом объекте*, а в другом – думаю этот объект, потому что это – два разных объекта, то есть не *это*, а это и это.

Мы всегда «думаем что-то»

Для того чтобы прояснить суть дела, давайте попытаемся дистанцироваться от конкретных содержаний соответствующих действий интеллектуальной функции – как будто бы не важно, о каком объекте идет речь. Рассмотрим то и другое просто как некую «безличную» работу интеллектуальной функции, ее работу как бы самой по себе, но и в том и в другом случае отдельно.

Очевидно, что при таком подходе эти процессы «думания» ничем не отличаются друг от друга: в обоих случаях в пространстве моей психики производятся определенные интеллектуальные объекты, которые каким-то образом влияют на меня.

Так, в одном случае, когда я произвожу некое представление о любви (соответствующую, так скажем, «теорию любви»), я чувствую себя задумчивым, быть может, опечаленным, а возможно, переживаю самого себя в этот миг как «великого философа жизни» (вполне, впрочем, доморощенного). Но в любом случае это «думание» не оставляет меня безразличным, а вполне определенным образом производит какое-то мое состояние.

Но ведь и в другом случае, когда я «думаю любовь», происходит то же самое: тут я произвожу в себе некий интеллектуальный объект – тот, который я люблю, что также влияет на мое поведение каким-то образом (например, вызывает во мне радостное возбуждение, чувство томления, эмоциональной вовлеченности и т. д.).

По существу, этот интеллектуальный объект – «что я люблю», и тот – «представление о любви», являются просто нейрофизиологическими комплексами.

Иными словами, в действительности во мне и в том и в другом случае происходит один и тот же процесс образования интеллектуальных объектов, которые, возникнув, влияют на конфигурацию моего психического пространства – побуждают его к неким эффектам и состояниям (тем или иным).

То есть я, на самом-то деле, всегда «думаю что-то» – то есть непосредственно то, что я думаю. А то, что, как мне кажется, я «думаю о чем-то», является лишь иллюзией, заблуждением.

Иллюзия внутреннего восприятия

Таким образом, важно всякий раз четко понимать, что именно мы думаем – какой именно интеллектуальный объект сейчас производится в пространстве нашей психики: думаем ли мы фактическую реальность (как в рассмотренном примере – «любовь», то есть, условно говоря, переживаем любовь), или думаем о своих представлениях о реальности (как в том же примере – «о любви», формируя соответствующую концепцию, «теорию любви», некое представление).

Причем не следует переоценивать используемые здесь понятия – «концепция», «теория» и т. д. В этой моей деятельности по представлению реальности нет, на самом деле, ничего специфического и действительно концептуального. Просто мы не думаем любовь – вот в чем дело. Мы думаем что-то другое, а потому все эти «теории» и «концепции» не имеют никакого существенного отношения к предмету, который, как нам кажется, мы таким образом осмысляем (концептуализируем), думаем.

В действительности, большую часть времени мы как раз занимаемся именно этим – думаем не о том, о чем, как нам кажется, мы думаем. Именно из-за своей иллюзии «я», из-за того, что мы кажемся себе неким «наблюдателем», способным занять внешнюю позицию по отношению к собственному мышлению (что абсурдно), мы не думаем то, что, как нам кажется, мы думаем, а мы думаем некие фальсификаты – то, что, как нам кажется, является тем, о чем мы думаем. Но мы не можем «думать о», мы всегда «думаем что-то».

Это обман, иллюзия внутреннего восприятия.

Существенно лишь то, что мы думаем на самом деле

Вот почему так важна эта радикализация – отказ от представлений о собственном «я» как о некоем демиурге нашего мышления. До тех пор пока мы всерьез верим в эту нашу псевдоспособность дистанцироваться от интеллектуальных объектов, которые являются самим нашим мышлением, и мыслить, так сказать, «объективно», мы, в действительности, просто не думаем то, что происходит на самом деле, а лишь производим в огромном количестве ни к чему толком не годные представления о реальности.

Причем это «недумание» о том, что происходит на самом деле, сопровождающееся созданием «на этом месте» представлений о реальности, – чрезвычайно комфортное занятие. Представления о реальности не связаны жестко с фактической реальностью, а потому интеллектуальная функция не испытывает здесь никаких ограничений и может действовать легко и без всякого напряжения – как бы плыть по течению. Но если эта деятельность чему-то и служит, то только тому, чтобы не оставить интеллектуальную функцию без работы.

Результатом является неконтролируемое производство умственной жвачки, создающей у нас ощущение, что мы вроде как о чем-то думаем. Но эта мыслительная деятельность не приводит ни к каким фактическим результатам. Это просто круг воспроизводства (или просто последовательной актуализации) одних и тех же интеллектуальных объектов – занятие ради занятия, лишенное всякой целесообразности. Собака может целенаправленно лаять на проезжающую мимо машину, но от этого ее деятельность не становится целесообразной.

Для того чтобы мы фактически мыслили фактическую реальность, мы должны решать фактическую задачу, видеть ее перед собой. Без этого – без этой «озадаченности», «внутреннего вопрошания», «напряжения мысли» – интеллектуальная функция лишь развлекает саму себя.

Действие по собственной дегуманизации

Радикализировать мышление – это намеренно понуждать себя к тому, чтобы думать о том, что происходит на самом деле. Но обращение к фактической реальности невозможно при наличии посредников, именно поэтому радикализация мышления требует, чтобы низвели самих себя (и собственное «я», соответственно) до просто одного из интеллектуальных объектов в пространстве интеллектуальной функции [Б. Латур]. Иными словами, речь идет о, своего рода, дегуманизации.

В действительности, мы не только не можем «воспарить» над собственным мышлением, но, разумеется, и над реальностью как таковой. Мы всегда являемся ее неотделимой частью, и даже не «частью», которая может быть каким-то специальным образом выделена, а лишь тем, что можно реконструировать в качестве таковой – как некую условную «часть» (в действительности, нет даже этого). Однако, чтобы понять это, будем рассуждать последовательно.

По ту сторону нашего рецепторного аппарата находится фактическая реальность, по эту сторону – масса как-то организованных интеллектуальных объектов («корпускул»), проявляющихся в результате работы интеллектуальной функции («волны»). Поэтому когда Иммануил Кант говорил, что недоступной для нас является некая «трансцендентальная» реальность, находящаяся за условными «облаками», в действительности дела обстоят «хуже» – нам недоступна даже «трансрецепторная» реальность (то есть все, что находится за пределами нашего мозга).

Впрочем, и то, что происходит по эту сторону рецепторного аппарата (с нами, в нас, сама работа нашей интеллектуальной функции), – тоже есть фактическая реальность. А потому говорить здесь о некой фактической границе невозможно: это один континуум фактической реальности, который не может быть разорван. Однако мы можем создать в себе иллюзию, что эта граница, во-первых, существует, а во-вторых, позволяет нам составить какие-то особые отношения с фактической реальностью, отличные от тех, в которых находится вся фактическая реальность в самой себе. Это вполне очевидное заблуждение – наши отношения с фактической реальностью перманентны и полностью продиктованы самой этой реальностью, из которой мы не можем быть никаким образом выделены.

Именно концепция нашего «я», «сознания» и тому подобные фикции служат формированию соответствующей иллюзии – мол, у нас есть какие-то особые отношения с фактической реальностью, а потому мы имеем какие-то специфические степени свободы по отношению к ней. В действительности у нас ровно те же степени свободы, что и, условно говоря, у броуновского тела. А всякая, даже тотальная трансгрессия [М. Бланшо, Ж. Батай, М. Фуко] абсурдна – мы не можем преодолеть никакие границы, потому что никаких фактических границ в принципе не существует.

Эффект «диссоциации»

Образ «броуновского тела» иллюстрирует отсутствие какой-либо «свободы» в наших действиях. Но сам этот образ, как, впрочем, и любой другой, демонстрируя нечто, одновременно вводит нас и в заблуждение. Мы представляем себе некую частицу твердого вещества (броуновское тело), движение которого обусловлено воздействием на него других, невидимых нами, более мелких частиц. Это верно, но думая так, мы уже не осознаем, что и само броуновское тело воздействует на эти частицы, а их движение от соударения с броуновским телом меняется даже сильнее.

То есть эффект «наблюдателя», который мы демонстрируем в данном случае, выделяя броуновское тело в поле реальности как некий приоритетный объект, полностью искажает

фактическую реальность. Только понимание того факта, что всякий «наблюдатель» неизбежно искажает картину фактической реальности, открывает ее – саму эту реальность – нам. Нельзя построить корректную реконструкцию реальности, если мы берем за основу ошибочное о ней представление.

Иными словами, мы имеем дело с постоянной диссоциацией, когда, используя эффект «наблюдателя», переконфигурируем реальность в своем представлении – создаем, условно говоря, некие «возможные миры» в ущерб миру реальному. Но если мы не можем полностью избавиться от эффекта «наблюдателя», то мы, по крайней мере, должны постоянно видеть эти диссоциации – понимать их неизбежность и всегда делать на это поправку, осуществлять как бы обратный пересчет.

Важно понять суть этой «диссоциации»: мы всегда выделяем стороны отношений, тогда как у отношений нет фактических сторон, да и само отношение не дано нам само по себе, а лишь как некий результат, в котором то, что нам может казаться сторонами отношения, дано как-то именно потому, что это отношение есть.

Проблемы мышления

Итак, мы обсудили фундаментальные проблемы, обнаруживающиеся в наших отношениях с фактической реальностью.

Во-первых, мы склонны неоправданно доверять таким *фикциям*, как «я», «сознание», «наблюдатель», «граница» и т. д., что заведомо искажает наши фактические отношения с реальностью.

Во-вторых, мы не отдаем себе отчета в том, что фактически можем думать только «что-то» и никогда – «о чем-то», а потому ошибочно принимаем *фальсификаты* (то, что мы «думаем о чем-то») за то, что происходит на самом деле (когда мы «думаем что-то»).

В-третьих, мы не замечаем постоянной диссоциации фактической реальности. Диссоциация возникает, когда мы пользуемся фикциями и фальсификатами, выделяем стороны отношений, допускаем, что что-то может быть дано нам вне отношения, в котором (и только) оно, в действительности, становится и есть и т. д.

В-четвертых, мы зачастую только думаем, что мы думаем, хотя, на самом деле, мы лишь прокручиваем в своей голове некие интеллектуальные объекты, не совершая при этом никакого целенаправленного действия (то есть не решаем никакой фактической задачи).

Возможности мышления

Впрочем, радикализируя мышление, мы не только обнаруживаем представленные «проблемы», но и огромные возможности мышления – как специфического процесса, составляющего работу всей нашей психики.

Во-первых, мы должны осознать, что, несмотря на все возможные оговорки, фактическая реальность никаким образом не скрыта от нас. Да, в каком-то смысле мы сами скрываемся за нее, прибегая к диссоциации (полагаясь на фикции «я» и «сознания», думая «о чем-то», а не «что-то» само по себе), но, зная об этой проблеме, с ней можно совладать.

Иными словами, нам необходимо научиться доверять фактической реальности, а не своим представлениям о ней, хотя их-то мы и считаем, ошибочно, реальностью как таковой. Мы обладаем огромным ресурсом прямых отношений с фактической реальностью – стоит нам только преодолеть эту диссоциацию.

Во-вторых, поскольку фактическая реальность не скрыта от нас, наша интеллектуальная функция способна реконструировать реальность, постоянно сверяясь с ней. В области представлений о реальности мы способны порождать любые, а потому (и в первую очередь)ложные

(не соответствующие фактической реальности) интеллектуальные объекты. Однако, освоив целенаправленное вопрошание, наша интеллектуальная функция неизбежно будет обнаруживать зоны сопротивления фактической реальности.

Посредством этой, образно говоря, эхолокации реальности мы можем реконструировать фактическую реальность, создавать соответствующие ей интеллектуальные объекты. Именно поэтому так важен для нас вопрос – «что происходит на самом деле?». Да, мы не можем ухватить фактическую реальность, но по этим, образно говоря, отзвукам, мы сможем создать ее «слепок». И пусть это только «слепок» реальности (мы никогда и никаким образом не получим реальность как таковую), но по этому «слепку» мы теперь можем ее корректно реконструировать.

В-третьих, радикализируя собственное мышление, мы учимся мыслить несодержательно. Очевидно, что все мы, в каком-то смысле, являемся заложниками своего перцептивного аппарата, который задает те «координаты» (пространственные, временные, модальностные), в которых и разворачивается затем наше мышление. Но выбор этих координат был, по существу, осуществлен произвольным образом – так решила за нас биологическая эволюция нашего вида. Казалось бы, в этом нет ничего страшного, но наличие этих специализированных «ворот» неизбежно влияет на наши отношения с фактической реальностью, что, в свою очередь, не может не ограничивать возможности нашей интеллектуальной функции.

Именно благодаря радикализации мышления мы получаем возможность мыслить инвариантами (усматриваемыми сущностями), универсалиями («объемами», «массами», «интенсивностями», «длительностями», «силами» и т. д.), трансгрессируя таким образом не только ограничения, накладываемые на нас биологической спецификой нашей перцепторной организации, но и внутренними границами языка.

В-четверых, осознание единства фактической реальности позволяет понять, что выделяемые нами отдельные «интеллектуальные объекты» и «отношения» между ними – есть, по существу, конечно, волюнтаризм нашей интеллектуальной функции. В действительности, поскольку фактическая реальность едина, и наша интеллектуальная функция взаимодействует с ней единым образом.

Долгое время мы занимались всесторонней специализацией наших знаний: научный мир проходил фазу накопления знаний, формировал («обнаруживал») новые и новые отличия. В этом, безусловно, был свой смысл, но сейчас мы можем пройти и обратным путем – увидеть единство «обнаруженных» нами закономерностей в разных областях знания. Для рационального мышления это кажется совершеннейшим абсурдом, но необходимо учитывать тот факт, что все наши знания о фактической реальности созданы одной и той же интеллектуальной функцией.

По ту и по другую сторону наших отношений с фактической реальностью находится, если так можно выразиться, и фактическая реальность, и наша интеллектуальная функция. Всякая фактическая реальность дана нам интеллектуальными объектами, которые, в свою очередь, сами являются объектами фактической реальности. А вводимые нами различения необходимы лишь для конструирования, условно говоря, блочной вселенной нашего интеллектуального пространства – мы не можем сразу думать разными содержаниями, поэтому мы должны подумать об одном содержании (например, физических процессах) так, а потом так же, но, поскольку уже в рамках другого содержания (например, психологии коммуникации), иначе.

Каждая из отдельных подглавок этого текста воспринимается мною одновременно и как отдельная мысль, отдельный смысловой блок, самостоятельный, по существу, интеллектуальный объект (который я разъясняю так), но это не отдельные книги – с разным авторским языком, разными задачами, написанные в разном умонастроении, это цельное сообщение. Так и фактическая реальность может быть разложена нами на блоки, в которых протекает, условно говоря, своя собственная жизнь, но все они существуют вместе, взаимной целостностью.

Взять и отдельно рассматривать одну из подглав этой книги можно, и мы даже составим об этой подглавке некое представление, но, если мы хотим понять реальность текста как такового, которая, конечно, в нем, в некотором смысле, есть, его нужно брать целиком, и не только целиком его самого, но и в более общем контексте, в котором он был создан. Этот «более общий» контекст – всегда есть, и нужно всегда видеть всякий объект в нем, а не сам по себе. Фон на картине Караваджо кажется лишенным всякого значения, но если поменять его на картину звездного неба, то это будет уже совершенно другая картина.

Отношение – базовая вещь, но она дана нам всегда как результат – фактический интеллектуальный объект, в котором это отношение реализуется.

Часть шестая: Реконструкция

Теперь вернемся собственно к мышлению и продумаем еще раз работу интеллектуальной функции. По существу, нам надлежит реконструировать само свое мышление, что, само по себе, является задачей не из легких, потому что мы и есть само это мышление. С учетом же всех «проблем мышления» – так она и вовсе кажется почти нереализуемой.

С другой стороны, мы не зря продумывали тот факт, что в нашей психике нет каких-то особых, отдельных механизмов, отвечающих за производство интеллектуальных объектов – на всех уровнях, на которых происходит их производство, оно происходит одинаково. Поэтому, если мы знаем, как, например, формируется объект в процессе его перцептивного восприятия, а мы, благодаря нейрофизиологии, знаем это неплохо, то нам не должно составить особого труда понять, каким образом формируются и те интеллектуальные объекты, которые мы привыкли относить к собственно «мышлению» («сознательному думанию»).

Иными словами, мы попробуем взглянуть на создание интеллектуальных объектов, приводящих нас к пониманию тех или иных феноменов, анализируя то, как мозг создает объекты в рамках «восприятия».

Универсальность реконструкции

Нейрофизиология накопила большой опыт исследования процессов восприятия – точнее говоря, тех эффектов, которые возникают в психике, когда она пытается сконструировать интеллектуальный объект, исходя из различных вводных, доступных ей через рецепторный аппарат, а также из уже существующих знаний (долговременной памяти).

В сущности, эти процессы конструкции интеллектуальных объектов вполне универсальны хотя бы потому, что никаких специфических мозгов для других, «более высоких уровней психики», которые условно выделяются «общей психологией», не существует. Наша интеллектуальная функция всегда производит интеллектуальные объекты – и неважно, образ ли это хищника, скрывающегося в зарослях (рис. 18), или представление об альфа-излучении, созданное в нашей голове по материалам соответствующих физических экспериментов (рис. 19).

Рис. 18 Лев, проглядывающий через листву

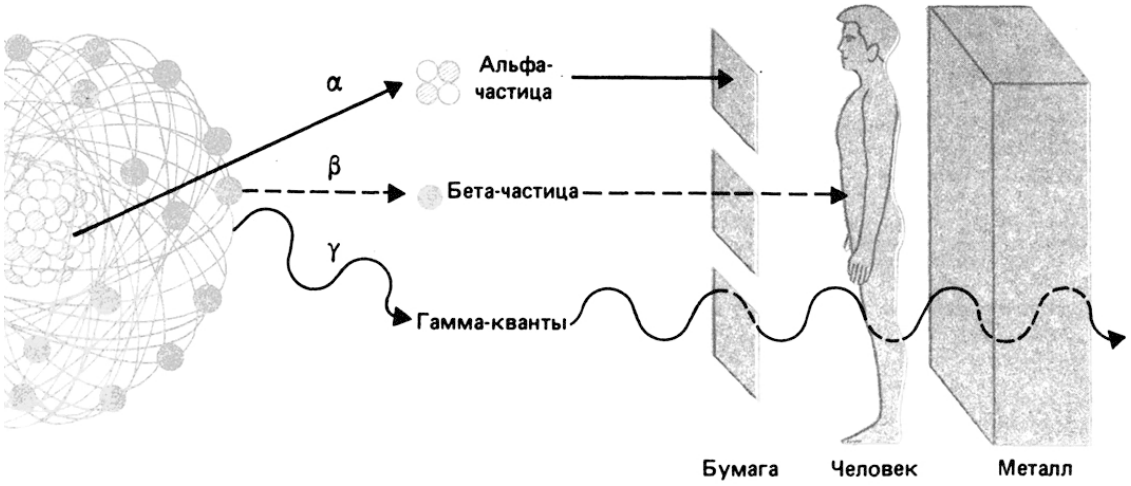


Рис. 19 Проникающая способность излучения

И в том и в другом случае интеллектуальная функция не имеет в себе соответствующего интеллектуального объекта, она должна его реконструировать согласно некой формуле. То есть и в том и в другом случае наша интеллектуальная функция должна уже иметь в себе некоторые знания – этой самой «формулы».

В случае хищника эти знания, впрочем, могут быть уже «предустановлены» в нас, например, инстинктом самосохранения, а в случае альфа-излучения они только формируются в нас в процессе обучения («модель атома по Резерфорду», «модель атома по Бору», «современная модель атома»). Кроме того, мы что-то знаем об угрозах, которые связаны с хищником, и что-то знаем о том, к чему приводит радиационное поражение – хищник может напасть на нас и растерзать, а излучение – проникнуть в наше тело и воздействовать на его клетки. Так что и в случае хищника, и в случае альфа-излучения мы озаботимся их размерами, сделав, видимо, на какой-то фазе своих размышлений вывод, что размеры хищника нас не устраивают, а от альфа-излучения нас спасет и бумага.

То есть мы в обеих этих ситуациях будем мыслить «объемами», «силами», «скоростями», «сопротивлением», «пространственными отношениями» и т. д. И именно созданная так, таким образом – с помощью этих универсалий – реконструкция определит логику наших действий – убегать, прятаться, использовать средства защиты и т. д. Иными словами, хоть наша интеллектуальная функция и решала, казалось бы, разные задачи, оперировала разными интеллектуальными объектами, сам способ решения задачи предполагал использование неких, соотнесенных с нами («нами» – как каким-то интеллектуальным объектом) универсалий и был в этом смысле универсальным.

Теперь, когда нам понятно, что, когда мы пытаемся понять работу интеллектуальной функции, никакой принципиальной разницы между «восприятием» и «мышлением» нет, посмотрим на механизмы «восприятия» чуть более внимательно и сделаем в связи с этим некие проекции на понимание нами (реконструкцию) процессов «мышления».

Неспецифическая интенция

Понятно, прежде всего, что работа интеллектуальной функции лишена всякого смысла, если в нас нет некой озадачивающей озабоченности, определенной настроенности на какой-то результат, если, условно говоря, перед ней не поставлена какая-то фактическая задача.

Разумеется, это утверждение не следует понимать слишком буквально. Речь, скорее, идет о некой настроенности на получение (реконструкцию) некого интеллектуального объекта, причем на тот интеллектуальный объект, который наша интеллектуальная функция только должна в результате своей работы произвести (реконструировать).

Если я покажу вам такую картинку (рис. 20) и попрошу вас сказать, что вы на ней видите, вы, скорее всего, скажете мне, что видите сухую траву, камни, кусок белой стены, проволоку, дверь, какую-то растительность и т. д.

Рис. 20 Что вы видите на фотографии?

Однако, если я попрошу вас увидеть на рисунке собаку, у вас возникнет определенная настроенность. Вы удивитесь, что сразу ее не увидели, это, условно говоря, повысит в вас уровень стресса, настроенность на поиск усилится. Вы станете внимательно вглядываться в изображение, будете пытаться его приблизить, рассмотреть, занимаясь уже не просто разглядыванием, а именно разыскиванием. И вполне возможно, что скоро увидите на этой фотографии кошку.

Я не сказал, что вы должны искать кошку, но определенная настроенность на некий объект, с ней схожий, позволила вам отыскать именно ее, хотя, поскольку я ввел вас в заблуждение, вы искали другое животное – собаку. То есть не так важно, что конкретно мы ожидаем найти, важно само наличие этого неспецифического ожидания (неспецифической интенции). И да, мы должны искать нечто, что примерно отвечает поставленной задаче, а реальность уже, так или иначе, даст нам о себе знать.

Точно так же и с интеллектуальными объектами, которые мы привыкли относить к области собственно «мышления»: при отсутствии неспецифической интенции – поисковой активности, озадаченности, озабоченности (уровень стресса), не имея в себе необходимого вопрошания, мы ничего не найдем. Интеллектуальная функция будет играть сама с собой, мы будем думать «о», а не «что-то», потому что думать «о» значительно проще, чем вглядываться в фактическую реальность.

Фактическая озадаченность

Впрочем, это «вглядывание» в фактическую реальность сопряжено с серьезной трудностью, о которой нас также предупреждает нейрофизиология восприятия.

Мы при всем желании не способны видеть всего, видеть все это четко, а еще и хорошо осознавать то, что мы видим. В действительности наше «восприятие» больше заинтересовано в том, чтобы создать непротиворечивый образ реальности, нежели воспроизводить его точно и, тем более, осмысленно.

У нашего «восприятия» существует множество естественных ограничений – например, диапазон воспринимаемых раздражителей («видимый спектр света», звуки мы слышим тоже в определенном диапазоне, и недаром многие из нас носят очки). Но есть также и, например, «слепое пятно» – зона на сетчатке глаза, где нет воспринимающих рецепторных клеток (палочек и колбочек), а лишь нервные пути. При этом мы не замечаем этой постоянной «дырки» в нашем поле зрения. Вот как на самом деле выглядел бы мир вокруг нас, если бы мы видели действительно то, что мы видим (рис. 21)…

Рис. 21 а) снимок фотоаппаратом; б) то же изображение, каким его воспринимает сетчатка (правый глаз, фокус помечен X)

Нам кажется, что мы воспринимаем мир так, как воспринимает его фотоаппарат, но это ошибка. Данный визуальный эффект традиционно объясняется тем, что мозг «дорисовывает» изображение в области этой «дырки», вызванной наличием слепого пятна, а также той размытости, которая показана на втором рисунке по бокам (из-за ограниченности поля нашего зрения). В действительности, это связано с тем, что мы видим не глазами, а уже внутренним взором, где существуют не реальные объекты, а их интеллектуальные реконструкции, сделанные нами прежде. Так, например, мы знаем, как выглядят наши ноги.

Рис. 22 Ноги этой женщины непропорционально большие

Поэтому, даже глядя на эту фотографию (рис. 22), вы, вероятно, не сразу заметите, что ноги у женщины непропорционально большие. Однако если вы задумаетесь и приглядитесь внимательно, то поймете, что это так – они слишком большие! Почему? Потому что это фотография – то есть то, что мы по части пропорций видим на самом деле, но на самом деле мы не видим ничьих ног, включая собственные, мы видим реконструкцию «ног» внутри собственной головы – то есть как бы соответствующие им интеллектуальные объекты, и видим их всегда внутренним взором.

Наконец, как показывают соответствующие эксперименты, мы не в достаточной степени осознаем то, что действительно воспринимаем. Если в нашей голове уже создан некий интеллектуальный объект, мы с ним и взаимодействуем, а вовсе не с тем, что в действительности находится в поле нашего восприятия. Вот мужчина рассказывает случайному прохожему, как пройти в библиотеку (рис. 23,)…

Рис. 23

А вот, в целях эксперимента, этого прохожего заменяют на другого, но наш рассказчик не замечает этого и продолжает говорить о дороге в библиотеку уже с другим человеком, находясь в полной уверенности, что ничего не изменилось (рис. 24).

Рис. 24

Мужчина, подвергнутый этому унизительному эксперименту, в действительности все время общался с собственным интеллектуальным объектом, а потому подмена одного прохожего на другого в поле его восприятия никак не повлияла на его поведение. Для него – для подопытного – ничего не изменилось: как у него был юноша в голове, так он в ней и оставался.

Нейропсихологи найдут этому факту множество разумных объяснений, ссылаясь на те или иные механизмы восприятия, но нам здесь важно понять, что, уже имея в своей голове некие интеллектуальные объекты, мы оказываемся в очень трудном положении – интеллектуальная функция, когда мы пытаемся поставить перед ней какую-то относительно новую задачу, будет предлагать нам в ответ именно те ответы (интеллектуальные объекты), которые уже были ею созданы ранее.

Но все, что было создано нашей интеллектуальной функцией ранее, уже не может быть предметом нашей озадаченности – ведь одно дело, когда мы пытаемся вспомнить, с помощью какого кода мы раньше, например, открывали сейф, и совершенно другое дело – столкнуться с сейфом, код которого нам в принципе неизвестен.

Подлинная озадаченность (фактическое вопрошание), иными словами, возникает в нас только в том случае, если мы, образно говоря, отказываемся верить своим глазам и утверждаем собственное незнание. В противном случае мозг тут же предложит нам массу интеллектуальных объектов – «теорий», «представлений», «соображений», «аналогий» и т. д., которые вроде как решают наш вопрос, отвечают на него.

Все наши представления о мире (думание «о») отличие от активной и направленной реконструкции фактической реальности (думание «что») решают главную задачу интеллектуальной функции – видеть мир понятным и непротиворечивым. И ребенок, и взрослый, и умственно отсталый субъект, и академик всех академий, как правило и большую часть времени, считают, что имеют исчерпывающие представления о мире, и чтобы понудить их узнать что-то еще, а тем более другое – об этом самом «понятном» им мире, – вам придется предпринять значительные усилия и пойти на масштабные ухищрения.

Сократ, впрочем, решал эту задачу проще – он создавал эту внутреннюю озадаченность, необходимую настроенность на поиск нового интеллектуального объекта, исходя из абсолютно «надуманного» (как и всякая подлинная реконструкция) тезиса: «Я знаю то, что ничего не знаю». И именно с этого должна начинаться работа интеллектуальной функции, когда мы приступаем к решению любой задачи – с этой фактической озадаченности.

«Пустое место»

Итак, мы не знаем, что именно мы должны найти, ставя какую-то новую задачу перед своей интеллектуальной функцией. Соответствующий интеллектуальный объект ею еще не создан, а потому то, что оказывается сейчас в поле ее внимания – это пока, образно выражаясь, лишь «дырка от бублика». Так что, имея на заднем плане своего мышления – фоном – эту «дырку», мы приступаем к исследованию самого «бублика».

Иными словами, решению любой задачи, поставленной перед нашей интеллектуальной функцией, необходимо предшествует период «сбора материала» – формирования интеллектуальных объектов, которые эту задачу и составляют. Однако неправильно было бы понимать подобный «сбор материала» как создание неких теорий и концептов «о». Важно как раз обратное – думать не «о», а то, «что» является этими объектами. Это специфическое думание – есть различение сложных множеств, каковыми соответствующие интеллектуальные объекты и являются.

Условно эту практику можно было бы, наверное, назвать пассивным вниманием с активной направленностью. Активность заключается в том, что я целенаправленно, интеллектуальным усилием держу в себе некое «место» искомого интеллектуального объекта. Пассивность состоит в том, что я не пытаюсь с помощью каких-то других интеллектуальных объектов заполнить это «место», а даю отношениям (которые неизбежно должны возникать с тем, что я пытаюсь мыслить) возможность проявить себя неким результатом. Это происходит примерно так же, как известные опыты с «отсутствующими объектами» (рис. 25).

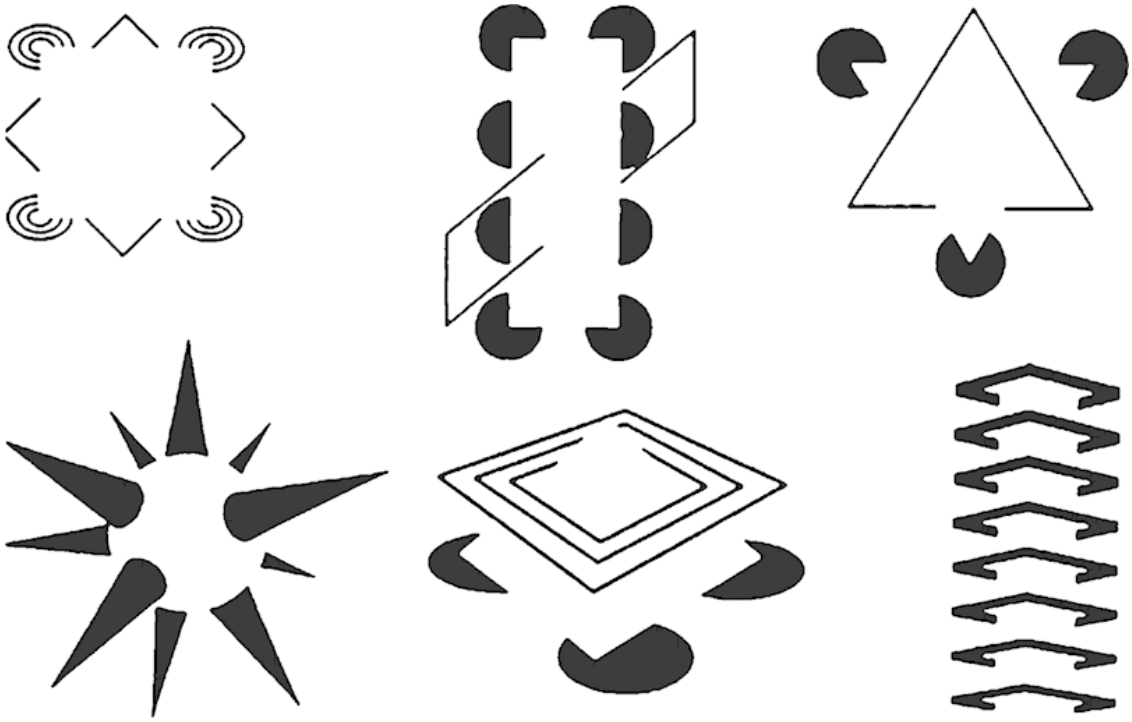


Рис. 25 Опыты с «отсутствующими» объектами

Очевидно, что заметить «отсутствующие фигуры» на этих изображениях можно, только как бы «уже зная» о существовании «спрятанных» здесь фигур, и именно поэтому этот пример не следует понимать буквально. Однако мы, нацеливаясь на некий, пусть и отсутствующий еще, интеллектуальный объект, тоже, в каком-то смысле, уже его знаем – в нас уже есть некая «эссенциальная сущность», тот центр притяжения, который и является содержанием нашей озабоченности (озадаченности, нашего вопрошания) – наша «дырка от бублика».

Да, мы еще не знаем, что именно мы получим в результате работы своей интеллектуальной функции, как этот объект, образно говоря, на самом деле выглядит, что он собой представляет, но это как раз тот случай, когда говорят – если и когда мы увидим это, мы точно это узнаем.

Множественность контекстов

Если мы возвращаемся к классическому пониманию «восприятия» и задаемся вопросом о том, как мозг создает соответствующие интеллектуальные объекты, то обнаруживаем чрезвычайно сложно организованный процесс. Мозг получает об одном и том же объекте информацию от самых разных рецепторных систем (зрение, слух, кинестетические рецепторы – вкус, обоняние, тактильный контакт, температура, положение тела в пространстве), проводит эту информацию разными путями в разные отделы мозга, обрабатывает эту информацию в соответствующих анализаторах, сопрягает с информацией, которая уже имеется в данных зонах мозга, а также в смежных и т. д. и т. п.

Вот элементарное представление о восприятии «яблока», взятое из классического учебника по «общей психологии» (рис. 26):

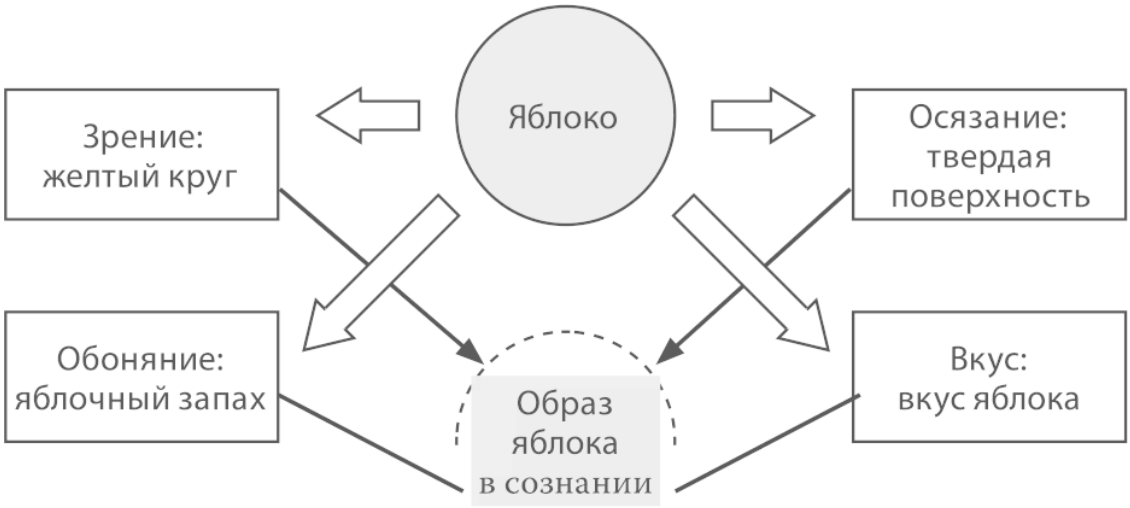


Рис. 26 Представление о восприятии яблока

Однако этот «образ яблока в сознании» куда сложнее, чем может показаться, глядя на эту схему. «Яблоко» для нас – это еще и «ветхозаветный плод», и логотип «Apple», и способ самоубийства, избранный Аланом Тьюрингом, и бабушкин сад с массой детских воспоминаний, и «моченые яблоки», и яблоки «запеченные», и «кислые, что вырви глаз», и «сладкие, как персик», а также «яблоки» из школьного учебника по арифметике и с кубика на букву «Я» из детской настольной игры.

То есть фактическое восприятие яблока (того интеллектуального объекта, который действительно может быть назван фактически известным нам «яблоком») – это не только и даже не столько перцепция, сколько сложноподчиненный процесс погружения условного «яблока» в то множество контекстов, которые заданы нам нашим собственным знанием о яблоках.

Когда же мы говорим об интеллектуальном объекте, который создает в нас наша интеллектуальная функция, находящаяся в состоянии озадаченности, происходит ровно тот же самый процесс, но как бы в обратном порядке. Мы погружаем нашу «дырку от бублика» во множество самых разнообразных контекстов, ожидая, что они как-то срезонируют с ее эссенциальной сущностью. И чем шире круг тех контекстов, через которые я пропускаю этот мой нарождающийся интеллектуальный объект, тем эта реконструкция точнее соответствует фактической реальности.

Собственно, сам этот «проход» сквозь строй контекстов – это еще не решение задачи, а только подготовка к нему. Но данный этап чрезвычайно важен, неслучайно Платон в своих диалогах постоянно ставит одно и то же слово, например «справедливость», как в «Государстве», во множество самых разнообразных контекстов. Причем он так и не дает ему окончательного, единственно «верного и полного» определения, которое невозможно не только в языке, но и в понимании.

Иными словами, мы создаем, реконструируем не просто интеллектуальный объект, данный нам как-то, а некое множество, некую совокупность, связанную с этим объектом. Мы получаем, точнее говоря, массу неких результатов отношений, которые, в совокупности, и являются для нас этим интеллектуальным объектом – не монолитом, не чем-то данным нам самим по себе, но именно неограниченным набором отношений с другими интеллектуальными объектами, которые, в свою очередь, тоже являются такими множествами.

Проще говоря, нет никакого интеллектуального объекта, который я бы действительно мог назвать «яблоком», а есть множественные результаты отношений этого интеллектуального объекта с другими интеллектуальными объектами.

Аппроксимация

Но если это действительно так, и интеллектуальная функция не производит никаких «монолитных» и «окончательных» интеллектуальных объектов, а лишь некие фантомы, которые складываются и раскладываются относительно соответствующей эссенциальной сущности, то очевидно, что я, на самом деле, могу иметь как результат ее работы именно это множество отношений, точнее, их результатов, а еще точнее – некую функцию (отношение) между ними.

При этом благодаря нейрофизиологии, нам хорошо известно, что объемы рабочей (оперативной) памяти чрезвычайно ограничены. Таким образом, для решения поставленной задачи я должен, в некой финальной фазе формируемого мною решения, свести в своей «рабочей памяти» два-три интеллектуальных объекта (понятых так, как мы только что об этом сказали) и увидеть ту результирующую функцию, которая и будет этой моей реконструкцией фактической реальности.

И эта результирующая функция – являющаяся одновременно и интеллектуальной функцией («волной»), и интеллектуальным объектом («корпускулой») – очевидно должна быть както мне явлена, я должен как бы осознать эту реконструкцию, увидеть ее. Но как она может быть явлена, если мы говорим сейчас обо всей этой бесконечности возможных контекстов и возникающих в них результатов отношений? Это кажется невозможным, и это, на самом деле, совершенно невозможно.

Другое дело, что эта функция требуется мне не сама по себе – как некое идеальное знание о мире, а в рамках той или иной задачи, которую я и решал. И это решение неизбежно и обязательно должно быть связано соответствующей аппроксимацией, когда я свожу все это – мною понятое, созданное, реконструированное – к данным конкретной задачи, то есть, упрощаю, конкретизирую, создаю ясный и точный ответ, но ясный и точный – только с точки зрения поставленной задачи, моей озадаченности. Условность и относительность, если пытаться смотреть на результаты работы нашей интеллектуальной функции с некоего гипотетического места «объективной», а тем более «вечной истины», – необходимые свойства этой аппроксимации.

Вилейанур Рамачандран считает чуть ли не важнейшим своим прозрением опыт с «бубой» и «кикой» (рис. 27).

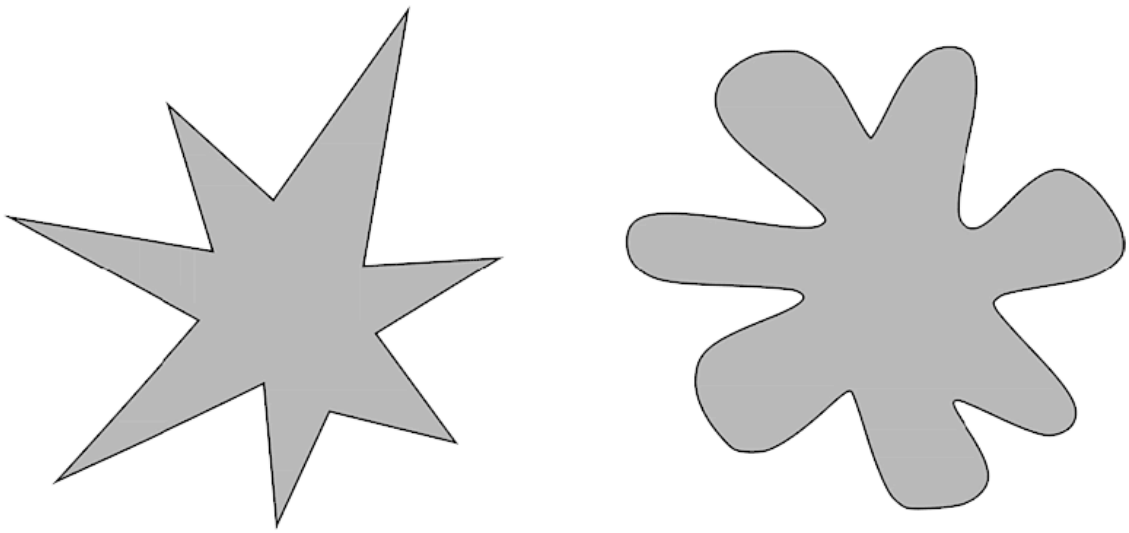


Рис. 27 Эффект «буба – кики» – соответствие, которое человеческий разум устанавливает между звуковой оболочкой слова и геометрической формой объекта.

Он затрачивает невероятное количество усилий, пытаясь объяснить нам, в чем же именно это его прозрение состоит, впрочем, нельзя сказать, что он в этом действительно преуспел. Допускаю, что он даже со мной не согласится, но то, что он увидел в этом опыте (а мы все, действительно, тяготеем к тому, чтобы назвать первый объект «бубой», а второй – «кикой», и не наоборот), есть уникальная способность нашей интеллектуальной функции – способность к аппроксимации.

Никому и в голову не придет смотреть на эти фигуры и думать, какие у них имена. Да, увидев их, мы будем думать о том, что это за образы, на что они похожи, какие они и т. д. Но как только нас спросят, а мы озадачимся этим вопросом – какой из этих объектов «буба», а какой «кики»? – мы аппроксимируем все свои прежние размышления до односложного решения: слева «буба», справа «кики».

Причем понятно, что никакого отношения к фактической реальности эти наши выводы уже иметь не будут, аппроксимация необходима для решения задачи – ответа на поставленный вопрос, а вовсе не для указания на то, каким образом дела обстоят на самом деле. По крайней мере, в данном случае они вообще не обстоят никак – у этих фигур нет собственных имен. В фактической реальности происходил другой процесс – В. Рамачандран ставил над нами психологический эксперимент, но ведь не этим вопросом мы сейчас задавались, а тем, который он перед нами поставил.

Классическим опытом такого рода является, конечно, тест Роршаха (рис. 28), придуманный Г. Роршахом задолго до «буб» и «кик» В. Рамачандрана. Исследуемый при выполнении этого теста видит перед собой, на самом деле, только чернильные пятна. Однако, поскольку Г. Роршах предлагает озадачить интеллектуальную функцию исследуемого вопросом о том, что он в этих пятнах видит, она аппроксимирует огромное количество деталей и отвечает на тот вопрос, который ей задан – то есть создает те интеллектуальные объекты, которые – в рамках поставленной задачи! – подходят для ее решения.

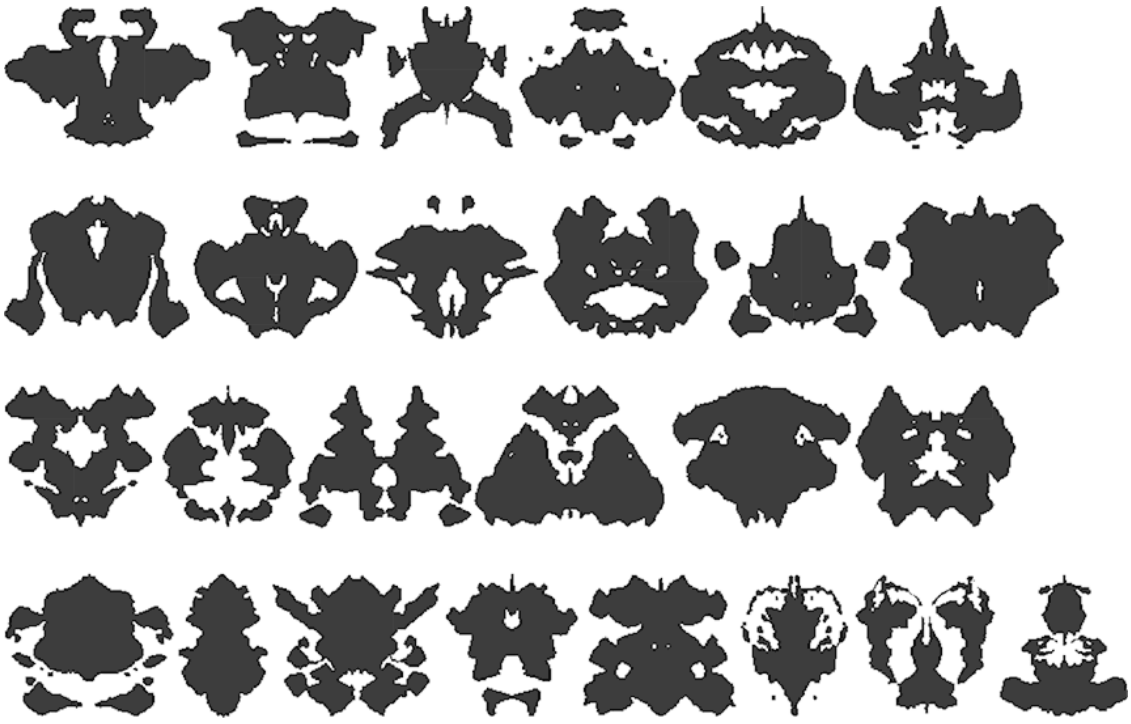


Рис. 28 Психодиагностический тест Г. Роршаха

Вот почему важно понимать, что наше мышление является средством «познания», а сам этот термин лишь вводит нас в заблуждение и не может предложить ничего, кроме самосовер-

шенствования в деле развития «комплекса неполноценности». Мышление – это инструмент решения конкретных задач, тех озадаченностей и озабоченностей, которые непосредственно этой интеллектуальной функцией и формируются. Здесь речи не идет (и не может идти!) о том, что в результате работы интеллектуальной функции мы получаем некое «объективное и достоверное знание о фактической реальности», которое потом можно будет занести в соответствующий справочник и благодушно на этом успокоиться.

Сократ не дает своим собеседникам готовых ответов, он лишь дает им некое понимание, важное для них и в тех обстоятельствах, в которых они оказались. То есть он решает, таким образом, сугубо практические задачи, к чему только и может быть приспособлено наше мышление. А просто познавать мир ради чистого познания – это вовсе не та цель, на реализацию которой эволюция потратила бы силы, создавая наш мозг и его интеллектуальный аппарат.

Противоречие

И теперь, возможно, самое главное, что мы должны понять, сопоставляя производство интеллектуальных объектов «восприятием» и «мышлением» (как их понимает классическая «общая психология»), – реакция на противоречие. Почему все так любят эту фотографию? Почему она стала такой популярной?

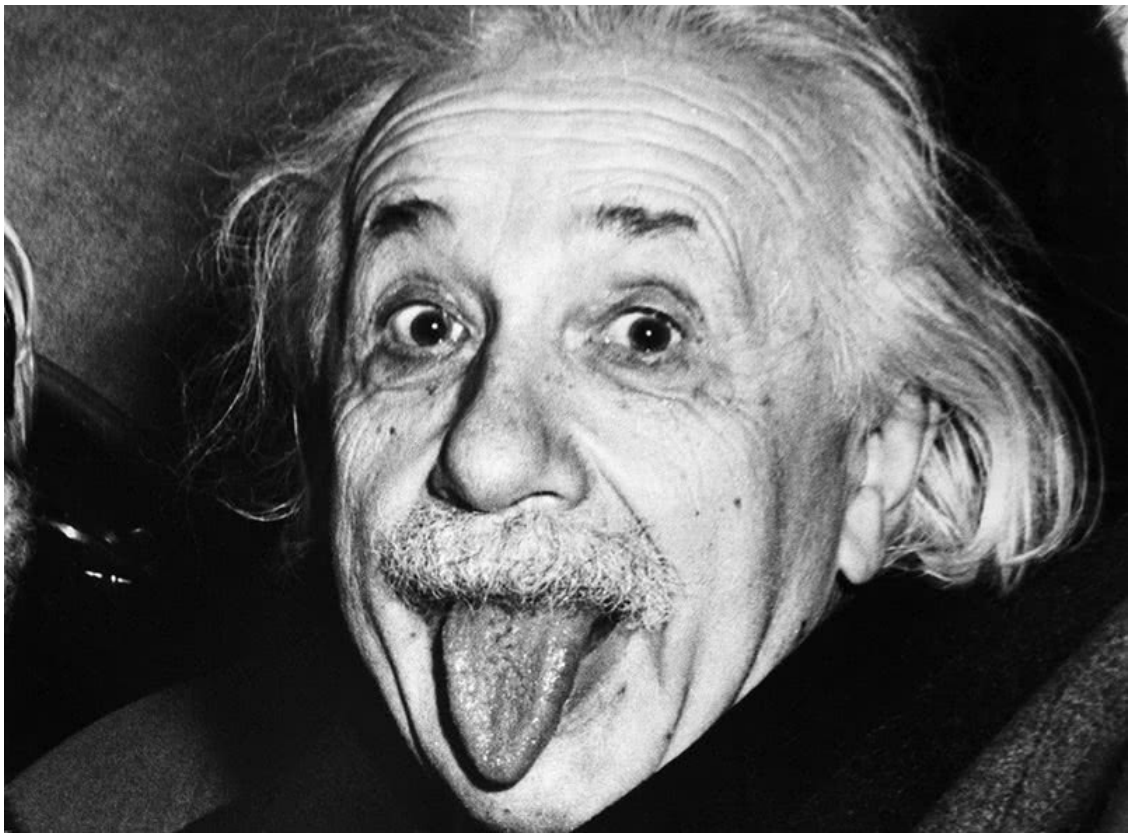


Рис. 29 А. Эйнштейн, 1951

У Альберта Эйнштейна какой-то очень длинный язык? Или нам так важен сам по себе язык Альберта Эйнштейна? Нет, все дело в том, что человек, которого мы считаем, эталоном интеллекта, а потому, видимо, и серьезности, показывает язык на камеру, то есть совершает действие, которое куда больше бы подошло ребенку или олигофрену. И покажи нам фотографию ребенка с высунутым языком или тем более олигофрена, мы вряд ли тут же устремимся делать из нее бесчисленные постеры и обои для компьютерного стола. Потому что ребенок и

олигофрен с высунутыми языками – это «нормально», а гений и эталонный интеллект – нет, это противоречие.

У нашего восприятия есть масса шаблонов (стандартов, стереотипов и т. д. и т. п.) и, соответственно, масса способов их нарушить. Муха, плавающая в стакане апельсинового сока, это нормально. Где ей еще плавать, если вдуматься? Конечно, если в комнате нет ничего больше сладкого, то она нацелится на апельсиновый сок. Но наш мозг воспринимает эту «ужасающую» картину как противоречие, пробуждая эволюционно развитый в нас страх перед переносчиками инфекций. И это противоречие обострит наше восприятие, озадачив нашу интеллектуальную функцию, заставит ее работать.

Сама по себе интеллектуальная функция всегда найдет, чем себя занять, причем до состояния полной аутизации и тотального, если такая возможность представится, отключения от фактической действительности. К решению задач ее нужно принуждать, потому что это работа, это сложно, а как показывают нейрофизиологические исследования, мозг предпринимает все возможные уловки – только бы найти задачу полегче [Т. Клингберг]. То, что касается нашего «мышления» – здесь эта практика и вовсе возведена в культ. Весь объем создаваемых нами представлений о реальности специально нацелен на то, чтобы мы не видели перед собой никаких задач, чтобы все максимально текло по течению и ничем нас не озадачивало.

Интеллектуальная функция всеми возможными способами борется с противоречиями – замазывает «слепые пятна», дорисовывает «недостающие детали», находит объяснение любым парадоксам и совершает самые изощренные глупости, только бы не озадачиться, не начать работать и не утруждать себя [Д. Канеман]. Поэтому для эффективной работы интеллектуальной функции мы должны постоянно и намеренно ставить ее перед парадоксами и противоречиями. Мы должны вынуждать себя думать, что мир вокруг нас вовсе не так понятен, как нам может показаться, мы должны обрекать себя на вопрошание.

Часть седьмая: Методология

К сожалению, методологию нередко понимают как «науку о методиках», хотя подлинная методология – это все-таки «наука о методе». Слова вроде бы схожие, но разница принципиальная. Одно дело, когда мы говорим, что в процессе исследования психотического пациента используются методики «классификация предметов», «исключение предмета», «пиктограмма» и прочие тесты, и совершенно другое, когда мы пытаемся понять, что есть психоз как таковой. Для уяснения сущности психоза не может быть «методики», для этого необходим специфический метод мышления. Или вот другой пример – даже если когда-нибудь и будет изобретена методика измерения «излучения Хокинга», сама идея этого излучения – есть результат работы методологии мышления, а не какого-то прибора.

Наука о методе, по существу, начала системно разрабатываться Рене Декартом и Бенедиктом Спинозой. Декарт даже называет свою работу «о Методе», прямо и непосредственно отсылая нас к идее некоего специфического состояния разума, интеллектуальной функции – «Рассуждение о методе, чтобы хорошо направлять свой разум и отыскивать истину в науках» (1637). Спиноза, в свою очередь, называет свою главную методологическую работу «Трактат об очищении интеллекта и о пути, наилучшим образом ведущем к истинному познанию вещей» (1663). Уже само это название предельно четко, пусть и в языковых конструкциях схоластиков, определяет сущность и задачи методологии – избавление от «представлений о реальности» и формирование способов «реконструкции фактической реальности».

Как мы умудрились за три с половиной столетия скатиться от «Метода» (и Декарт, и Спиноза используют заглавную букву) до «методики» – непонятно. Хотя это, конечно, наглядно иллюстрирует тот действительный уровень системности, который реализуется в современной науке. Почти все наше «научное мышление» вышло в пик методик, техник, измерений и прочей эмпирии, покрывающей действительное понимание реальности. Она словно вулканический пепел уже скрыла эти Помпеи. Короче говоря, вполне очевидно, что ошибку эту надлежит уже, наконец, исправить, вернув методологии ее подлинное звучание и значение.

В настоящей работе для минимизации возможных разночтений, продиктованных указанной терминологической неопределенностью, вместо понятия «методология» используется понятие «методология мышления». Последнее, впрочем, не означает, что речь идет о «частной» методологии изучения «мыслительного процесса» (как его понимает, например, «общая психология»). Напротив, речь как раз идет о подлинной – «общей» – методологии, которая определяет то, каким образом интеллектуальная функция, взаимодействуя с фактической реальностью, производит интеллектуальные объекты, ее составляющие. Все это нам необходимо, чтобы перейти к методологии, условно говоря, «частной» – реализуемой в различных областях знаний и практики.

Методология «общая» и «частная»

Попытаемся проговорить необходимый переход от «общей», так сказать, методологии к методологии «частной». Понятно, что это различение «двух методологий», как и любая другая условность, хромает на обе ноги, но все-таки его необходимо провести хотя бы для того, чтобы избежать терминологической путаницы.

Итак, под «общей» методологией мы должны понимать саму логику работы интеллектуальной функции, а последняя продиктована не чем иным, как нашим психическим аппаратом. Соответственно, «общая» методология дает нам представление о том, каким образом в принципе возникают интеллектуальные объекты, как они взаимодействуют в рамках мира интеллектуальной функции, а также о том, что такое фактическая реальность, чем наши представле-

ния о реальности отличаются от реконструкции фактической реальности и какие требования должны предъявляться к интеллектуальной функции, чтобы обеспечивать корректную реконструкцию того, что происходит на самом деле.

Однако, если мы ставим перед собой, как уже было сказано, практические задачи, одного знания «Метода», конечно, недостаточно. Соответствующий метод должен быть трансформирован под ту или иную содержательную сферу. Иными словами, всякий раз, когда нами мыслится (интеллектуальная функция) нечто (интеллектуальные объекты), мы можем рассмотреть это как собственно мышление (интеллектуальная функция), но ведь в случае решения практической задачи – от создания искусственного интеллекта до воспроизводства биологического клона – мы уже должны концентрироваться на содержательной стороне дела, то есть на конкретном нечто (интеллектуальный объект).

В этом, втором, случае мы имеем дело с системой, представляющей определенную специфику и соответствующие содержательные ограничения. Таким образом, мы, с одной стороны, располагаем несодержательной матрицей мышления, то есть пониманием того, что такое фактическая реальность и как в отношении с ней функционирует интеллектуальная функция. Это необходимо нам для правильной ориентации в любой сфере знаний и практики. С другой стороны, нам даны те или иные содержательные области, заданные конкретными интеллектуальными объектами, и здесь нам уже необходимо воспроизводить ту же матрицу, но с вполне определенными – специфичными – составляющими в ее основе.

Однако первой и самой важной задачей будет правильно определить этот – базисный – интеллектуальный объект. То, как мы привыкли классифицировать явления, является порождением наших представлений о реальности. Если же нам необходимо корректно определить фактическую, то есть четко очерченную определенной спецификой сферу знаний и практик, мы не можем полагаться на разделение сфер, осуществленное подобным интеллектуальным произволом. В основе всякой действительной сферы знаний и практик нами должно быть с необходимостью определено (выявлено) нечто фактическое – что-то, что есть в реальности на самом деле.

Например, мы не можем выстроить никакой действительной «частной» методологии вокруг понятия «бога», «этики», «общественного мнения» [П. Бурдье], «истории» [Х. Уайт] или той же «философии», поскольку мы, при всем желании, не ответим на вопрос – «что это такое на самом деле?». Это, впрочем, совершенно не исключает возможности «частной» методологии для анализа религий и сект, господствующих в обществе стереотипов и установок, исторических нарративов или метафизики (если понимать под метафизикой логику работы с понятийным аппаратом).

Так или иначе, но, ставя перед собой задачу создания «частной» методологической модели для той или иной содержательной сферы знаний и практики, мы должны прежде убедиться, что эта сфера и в самом деле существует, а не является лишь нашим представлением.

Специфичность инвариантов и универсалий

Мы начали с того, что показали необходимость посмотреть на методологию мышления с нейрофизиологических позиций. Конечно, и сама нейрофизиология должна быть взята для этих целей не в «сыром» виде (как набор неких эмпирических данных или сложившихся к этому моменту теоретических представлений), но тоже и параллельно рассмотренная методологически, что мы и попытались сделать. Грубо говоря, нам необходимо было показать, что принципы, которые мы обнаруживаем, реконструируя реальность, применительно к мышлению полностью соответствуют логике работы самого нашего психического аппарата.

Теперь давайте представим себе работу мозга как некую матрицу закономерностей, то есть не как систему каких-то конкретных нервных путей, областей мозга или нейронных ансам-

блей (хотя это как раз очень важно понимать на начальном этапе нашего исследования), а именно как некую логику протекающих в нем процессов. Для того чтобы выразить эту логику, нам необходимы следующие инварианты: «интеллектуальная функция», которая описывает все возможные операции в рассматриваемой системе, «интеллектуальный объект», под которым мы понимаем любую единичную целостность, выделяемую нами в этом пространстве, а также «сущность», которая нужна нам как раз для того, чтобы соответствующие «интеллектуальные объекты» выявлять.

Но одних только инвариантов нам, конечно, недостаточно, и мы прибегаем к универсалиям – неким способам выражения, которые позволяют нам как-то представить эти инварианты в каждой конкретной ситуации. Например, мы говорим, что сущность «несодержательна», но «специфична», а интеллектуальный объект, например, «массивный» и представляет собой как-то организованное «множество» и т. д. На самом деле, для методологии мышления нам вполне достаточно тех универсалий, которыми уже пользуется наша психика, привыкшая выражать свои отношения с реальностью в этих «характеристиках» – «есть», «одно», «пусто», «много», «сила», «интенсивность», «длительность», «тяжесть» и т. д. и т. п. Достаточно, поскольку мышление (если мы понимаем под ним работу интеллектуальной функции) и представляет собой эти отношения психики с реальностью.

Однако если мы идем дальше и, понимая методологию мышления, пытаемся использовать это знание как методологическую модель в каких-то конкретных областях практики – в той или иной области медицины или физики, в том или ином фактическом аспекте экономики или медиа – ни данные инварианты, ни данные универсалии нам уже не подойдут. Каждая из областей знания определяется, как мы уже показали, специфическими «сущностями», которые, в свою очередь, имеют и свою собственную логику отношений, и соответствующие содержательные ограничения. Вот почему для каждой такой «частной» сферы нам потребуются специфические инварианты, которые, скорее всего, не смогут быть выражены иначе, кроме как в специфических, опять же, универсалиях, комплементарных данной сфере знаний.

Иными словами, в «частной» методологии мы используем несодержательную матрицу мышления («общую» методологию), стоящую, в свою очередь, на матрице нейробиологических процессов для создания содержательной матрицы конкретной сферы знаний и практики, то есть матрицы специфической организации интеллектуальных объектов данной сферы.

Обнаружение соответствующих фактической реальности инвариантов и универсалий, действительно позволяющих нам эффективно охватить определенную область знаний и практик, как правило, приводит к существенным прорывам, по существу – парадигмальным сдвигам [Т. Кун] в соответствующей области знаний. Очевидными примерами являются, например, «ньютоновская механика», «эволюционная теория» Чарльза Дарвина, «классовая теория» Карла Маркса, где авторами соответствующих теорий всегда предлагался определенный набор инвариантов и способов их выражения через всем нам хорошо уже известные теперь универсалии. Впрочем, подобных примеров великое множество, но одно дело, когда соответствующие «сдвиги» возникают по наитию – условно говоря, от «падающих яблок», «шей галапагосских черепах» или активной журналистской писанины в левацких газетах (хотя, как правило, речь, конечно, идет не о наитии, а об уже сформированном переизбытке новых интеллектуальных объектов, буквально вынужденных, не могущих не выродиться в новую сущность), и другое дело, когда эти «сдвиги» совершаются целенаправленно – с помощью умело и корректно разработанной «частной» (то есть приспособленной под конкретные задачи) методологии.

Уровни реконструкции

Взглянем на продуманное нами еще раз – по существу, мы получили два уровня реконструкции реальности. Первый – собственно методологический – там, где фактическая реаль-

ность реконструируется в инвариантах «интеллектуальных объектов», организованных некой специфической «сущностью». И второй, когда при применении, так сказать, «частной» методологии, мы рассматриваем уже нечто содержательное – то есть специфичное не в самом себе, а как бы специфичное само по себе. Да, и в том и в другом случае перед нами инварианты и универсалии, но это два разных, относительно параллельных друг другу видения одного и того же. Именно поэтому мы говорим о «несодержательном мышлении» и «содержательном мышлении». Но есть еще и третий уровень реконструкции, который пока остался незамеченным.

Работая, условно говоря, над «общей» методологией, мы столкнулись с эффектом «наблюдателя», создающим внутренние иллюзии и искажения. И конечно, «наблюдатель» был из «общей» методологии с позором выдворен. Однако, когда мы оказываемся в содержательном, «наблюдатель» снова появляется на авансцене, и здесь от него не уйти. Нам необходимо концептуализировать понимание, полученное нами в процессе реконструкции фактической реальности, а точнее сказать, мы должны преобразовать его в некую форму, чтобы оно стало доступным для трансляции другим носителям обобщенного мира интеллектуальной функции. По существу, «наблюдатель» – это тот, кто объясняет другим то, что стало ему известно в процессе реконструкции реальности. Он как бы автоматически занимает особое положение как в отношении того, что он узнал, так и в отношении к тем, кому он это знание собирается транслировать. Поскольку поле нашей интеллектуальной функции находится исключительно в пределах нашей же внутрирецепторной зоны, никакой «прямой», непосредственный переход интеллектуального объекта из одной головы в другую невозможен. Мы можем лишь создать условия, благодаря которым субъект, обладающий интеллектуальной функцией, получит возможность воссоздать некую копию (смыслового клона) нашего интеллектуального объекта в своем мире интеллектуальной функции. Создание этих, образно говоря, «условий» и есть концептуализация наших реконструкций фактической реальности. В частности, здесь и сейчас я как раз занимаюсь созданием этих «условий» – концептуализирую для читателя созданную моей интеллектуальной функцией реконструкцию фактической реальности, надеясь таким образом побудить интеллектуальную функцию читателя воссоздать соответствующий интеллектуальный объект в его собственном мире интеллектуальной функции.

Но вернемся к «наблюдателю» и уясним для себя эту иллюзию. Поскольку действительный, условно говоря, переход интеллектуальных объектов из одного индивидуального мира интеллектуальной функции (например, мой) в другой (например, моего собеседника) невозможен, то мне только кажется, что я могу занять позицию «наблюдателя», который, с одной стороны, как бы знает нечто, а с другой – имеет действительного кого-то, кому он это свое знание может (и пытается) передать. На самом деле, этот – второй «субъект» данной «коммуникации» – является лишь таким интеллектуальным объектом в моем же интеллектуальном пространстве, то есть, грубо говоря, все и всегда происходит внутри одной головы.

Так что, если я и нахожусь в позиции «наблюдателя», то наблюдаю, с одной стороны, за своим знанием (мой интеллектуальный объект), с другой – за своим же представлением о втором «субъекте коммуникации» (тоже мой интеллектуальный объект). Иными словами, я не передаю свое знание кому-то, а лишь достраиваю в себе еще один уровень реконструкции реальности, на котором теперь есть не только мои представления о реальности, но и я сам (как их «наблюдатель»), как-то коммуницирующий с моим «собеседником», «читателем», короче говоря, с потенциальным, но всегда, образно выражаясь, виртуальным реципиентом моих идей.

То есть это реконструкция фактической реальности как бы вторичной выдержки: первый раз я ее, образно говоря, ферментировал содержанием, что наложило на нее соответствующие содержательные ограничения, а во второй раз (на третьем уровне реконструкции) я добавил в нее еще и два сильно влияющих на нее интеллектуальных объекта – «себя» и моего потенциального «собеседника». При этом понятно, что речь идет, во-первых, об одной и той же фактической реальности, но взятой как бы по-разному, во-вторых, все эти три уровня рекон-

струкции имеют свои, если так можно выразиться, собственные, специфичные «сущности», в-третьих, сам «объект», в конечном итоге, представляет собой все эти три уровня реконструкции фактической реальности, взятые вместе.

Блочный подход

Приведу пример трехуровневой модели, и заодно мы продвинемся дальше. В свое время, когда я в рамках создания системной поведенческой психотерапии занимался исследованием феномена «поведения», фактической реальностью «первого уровня» стало для меня поведение человека, каким я его в состоянии специальной настроенности и в рамках целенаправленной озадаченности увидел. А именно: я видел это «поведение» как единый континуум, который возникает из взаимодействия некой общей интенции выживания («инстинкта самосохранения»), присущей психике, и того, какими являются ей – самой психике – обстоятельства среды, преломленные сквозь призму этой ее интенции.

«Вторым уровнем» реконструкции «поведения» стала уже содержательная плоскость. Так, например, стало понятно, что обобщенный «инстинкт самосохранения» состоит, в действительности, из «индивидуального инстинкта самосохранения», «инстинкта самосохранения группы» («иерархический инстинкт») и «инстинкта самосохранения вида» («половой инстинкт), а каждый из них проявляет себя по-разному. Кроме того, обнаружилось, что взаимодействие психики и среды осуществляется в рамках «поведения тела», «поведения перцепции», «апперцептивного поведения», «речевого поведения» и «социального поведения». По существу, каждый из этих «аспектов поведения» представлял собой отдельный содержательный блок, который, впрочем, был, условно говоря, укоренен в первом уровне, а проявлял себя конкретным (содержательно) поведением на втором уровне (и на третьем уровне он, разумеется, тоже представлен соответствующими формами поведения).

Третий уровень реконструкции фактической реальности «поведения» предполагал необходимость найти обобщающие концепты, которые позволили бы мне формализовать всю совокупность наблюдаемого мною «поведения» в общих схемах, охватывающих при этом все уровни психического как такового. То есть, по существу, мне были необходимы «конструкты-инварианты», которые позволят представить «поведение» в целом – вне зависимости от конкретной содержательной специфики. Как выяснилось (в результате достаточно большой аналитической работы, связанной с анализом «концептов», созданных в рамках специальных исследований поведения), концепт «динамического стереотипа» [И. П. Павлов], «доминанты» [А. А. Ухтомский] и «отношения знак-значение» [Л. С. Выготский], взятые вместе, позволяют вполне адекватно выразить любое «поведение», данное одновременно (и соответственно) с «содержательного», «функционального» и «структурного» ракурсов.

Итак, я получил три уровня реконструкции фактической реальности «поведения». Причем, когда я думаю о «поведении», я думаю всю эту «этажерку» разом – это в пространстве моей интеллектуальной функции весьма сложный, но единый интеллектуальной объект. Однако, когда я решаю какую-то конкретную задачу, связанную с «поведением», я, условно говоря, всегда нахожу некую точку в этом интеллектуальном объекте, которая максимально соответствует прикреплению к анализируемой мною «поведенческой ситуации». Грубо говоря, я могу крутить мое множество «поведения» так, чтобы всегда иметь нужный способ прикрепления к той фактической реальности, которая сейчас представляет для меня некую задачу, которую я должен решить. То есть я как бы осуществляю «привязку» этого моего множества к наличной действительности, и эта действительность в ней, через эту привязку, раскладывается.

Методологически мы получаем в конечном счете весьма эффективную модель – три уровня, через которые проходят своего рода содержательные векторы, являющиеся, по сути, отдельными, специфичными по содержанию блоками.

Рекурсивность интеллектуальной функции

Впрочем, всегда нужно помнить, что создаваемые нами реконструкции фактической реальности тяготеют к превращениям в представление о реальности.

Та, условно говоря, схема, которая возникает в момент активного исследовательского поиска (интенсивной и целенаправленной работы интеллектуальной функции) иногда даже как «озарение» (мощное ага-переживание), и позволяет ухватить и организовать все содержание исследуемого явления (интеллектуального объекта) в рамках некой модели, в действительности, имеет срок годности. После того как эта новоявленная «схема» (модель) отработает как способ взаимодействия с фактической реальностью, она же, по существу, становится и его частью, растворяется в нем.

Когда Чарльз Дарвин формулирует идеи «эволюции» и «естественного отбора», это позволяет ему, имея «на руках» эту реконструкцию фактической реальности, увидеть через эту реконструкцию, эту своеобразную призму весь биологический мир. Но когда эта призма становится неотъемлемой частью наших представлений о реальности, когда сам этот способ видения превращается в еще одну «научную теорию», она сама начинает диктовать нам некую новую логику отношений с фактической действительностью. Она как мощный интеллектуальный объект, создающий своего рода гравитационное поле в интеллектуальном пространстве, как бы перекраивает реальность под себя.

Разумеется, все это достаточно условно, но безусловным фактом является то, что теперь – измененная так – конфигурация нашего интеллектуального пространства уже сама по себе является фактором некоего системного внутреннего искажения. Мы превращаемся в заложников этого знания, которое прежде, образно говоря, открывало нам глаза на происходящее (на самом деле), а теперь уже не обладает прежней силой «прозрения», не вызывает прежнего эффекта осознания (видения). То есть в каком-то смысле, став частью мира нашей интеллектуальной функции, эта реконструкция как бы теряет и свою прежнюю силу – девальвируется, профанируется, превращается в «очевидность», выпадающую таким образом из фактической работы интеллектуальной функции как таковой.

Она – эта «схема» («модель», «теория») в некотором роде закостеневает, превращается в памятник самой себе, что, по существу, лишает нашу интеллектуальную функцию контакта с фактической реальностью. И мы уже даже не можем ответить на вопрос – о чем мы говорим на самом деле, когда говорим, например, о «дарвиновской революции»? Сама эта реконструкция фактической реальности, прокручивая, по существу, через себя содержание, образно говоря, перегорает, подобно звездному объекту, расходует свой энергетический ресурс, превращаясь, таким образом, то ли в остывающего «белого карлика», то ли в активно коллапсирующую внутрь самой себя «черную дыру».

Вот почему так важно понимать, во-первых, необходимость перманентно осознавать несоответствие представлений о реальности самой фактической реальности, а во-вторых, абсурдность попыток найти «окончательное знание», прийти к «последнему ответу», «познать что-то навсегда». Наш интеллектуальный аппарат по самой природе – исследовательский инструмент, а не устройство для производства и хранения вечных и окончательных истин. Подвергать свои представления о реальности постоянному сомнению, регулярному пересмотру и радикализации – это в высшей степени важная задача. То, что вдруг стало казаться нам «таким понятным», «таким очевидным», в действительности просто утеряло контакт с фактической реальностью. И поэтому мы, понимая это методологически, должны прибегать к этой постоянной и целенаправленной рекурсивной способности нашей интеллектуальной функции – способности возвращаться к пройденному и пересматривать его заново, в каком-то смысле – буквально переделывать.

Новая «схема», новое «прозрение», возникающие при таком подходе – через сомнение, вопрошание (о том, что происходит на самом деле) и радикализацию, – вовсе не обязательно отменяют предыдущее знание, признают его полностью ошибочным, развенчивают как ложное. Но совершенно точно – этот новый взгляд, обусловленный нарождением новой реконструкции фактической реальности, заставляет нас и само это устоявшееся знание увидеть теперь иначе. В случае с «дарвиновской эволюцией», например, такой «схемой-прозрением», перестроившей наши устоявшиеся к определенному моменту представления об эволюции, стала идея «эгоистичного гена», не просто «выдвинутая», а в каком-то смысле буквально обнаруженная Ричардом Докинзом. Сама эта идея уже была, в некотором смысле, имплицитно скрыта в дарвиновском учении (в конце концов, как-то же нужно было объяснить механику «отбора» на генетическом уровне), но представление, которое рождает в нас «теория Дарвина», и представление, данное нам «теорией Докинза» – это представление о двух, в каком-то смысле, разных реальностях.

Но если «дарвиновская теория» под воздействием «докинзовской», по существу, превращается в «белого карлика», то, например, «психоаналитическая теория» претерпевает куда более значительную трансформацию, приводящую, скорее, уже к состоянию «черной дыры». Да, изначальное «прозрение» Зигмунда Фрейда было и в необходимой степени радикальным, и – очевидно – оказалось эффективной реконструкцией фактической реальности «истерических расстройств».

Фрейд выдвигает инварианты «бессознательного» и «вытеснения», показывает, что некие наши переживания, не будучи осознанными в должной степени, способны порождать такие психические эффекты, как «истерические конверсии», «невротические страхи» и т. д. К этим специфическим инвариантам «второго уровня» были добавлены соответствующие содержательные универсалии – «сексуальные влечения», социальная, по происхождению, но интроецированная субъектом «цензура», «принцип реальности», «перенос», «сопротивление» и т. д. и т. п.

Но дальше он совершает методологическую по существу ошибку, утверждая, в каком-то смысле, эти инварианты и универсалии «второго уровня» в качестве инвариантов и универсалий «первого уровня». Вторым уровнем в его теории становятся «сновидения», «оговорки», «ассоциации» и т. д. – именно их З. Фрейд предлагает считать содержательной реальностью психической травмы, что является достаточно грубым теоретическим допущением и никак не согласовывается с фактической реальностью. Третьим уровнем становится сложная сеть теоретических представлений о влечении сына к матери, страхе кастрации, господствующих в нас силах «влечения к жизни» и «влечения к смерти», что, в совокупности и в конечном итоге, раздавливает изначальный, так сказать, «инсайт» реальности, сворачивая всю эту систему реконструкции фактической реальности в «черную дыру» некогда популярных представлений.

Заключение

Не только нелепо, но и невозможно создать подлинно научную дисциплину, которая была бы лишена внятной практической направленности. Данный прагматизм, впрочем, это не столько вопрос целесообразности, сколько самого существа науки – не обращаясь непосредственно к практике, мы не можем адекватно реконструировать фактическую реальность, а лишь создадим «еще какие-то», в череде других, представления о реальности, что, как мы понимаем, лишено всякого смысла. Таким образом, практика необходима научной дисциплине вовсе не для обоснования ее затрат на соответствующие исследования, а потому что только практика и может поверять состоятельность наших моделей фактической реальности.

Таким образом, нам не следует думать о методологии просто как о «методологии познания» или даже о «методологии мышления» как такового (в общепсихологическом смысле). Мы должны понимать под методологией фактические способы создания инструментов, обеспечивающих нам наиболее эффективное взаимодействие с фактической реальностью. По сути, речь идет о способах создания таких интеллектуальных объектов, которые позволяют нам с максимальной эффективностью реконструировать фактическую реальность. Причем именно сама успешность соответствующего методологического инструментария, используемого при решении конкретных задач, и является единственным критерием целесообразности той или иной модели реальности.

Действительность – это всегда и только интеллектуальные объекты, а все, с чем мы в принципе имеем дело, – это интеллектуальные объекты. Из этого следует единственный вывод: методология работы с интеллектуальными объектами – и есть наша цель.

* * *

Когда я садился за этот текст пару недель назад, казалось, мне предстоит свернуть гору. Но вот текст написан, я оборачиваюсь назад и вижу, что мне удалось сдвинуть с места лишь маленький камушек. Понятно, что впереди по-прежнему сплошные горные хребты… Но я утешаю себя – теперь, по крайней мере, понятно, из чего они состоят.

Что такое мышление наброски

От автора

Наивно было бы полагать, что мы можем дать удовлетворительное определение понятию «мышление». Следуя этим путем, мы в лучшем случае сформулируем лишь некое непрактичное представление «о мышлении». Но от подобного определения, даже если мы им, в конце концов, удовлетворимся, будет мало проку.

Нам необходим инструмент, точнее даже – инструкция к инструменту, который мы уже, очевидно, как-то имеем, но не вполне понимаем, как же им правильно (с максимальной эффективностью) пользоваться.

Без этой инструкции само мышление (мышление как инструмент) не является еще мышлением в строгом смысле этого слова. Так что эта инструкция – не просто «правила пользования» мышлением, она, по существу, должна буквально создать мышление в качестве инструмента, придать мышлению статус собственно мышления.

Более того, по всей видимости, в результате этого исследования мы получим не одно «мышление», а несколько разных типов мышления. Точнее говоря, нам предстоит понять, каким образом нечто, что следует называть собственно «мышлением», может работать в разных режимах – то есть с использованием разных дополнительных средств (языка, образов, схем, инвариантов и т. д.).

Впрочем, прежде нам нужно выделить мыслительный процесс (в строгом смысле этого слова) из всех иных форм психической деятельности, которых, судя по всему, немало, – показать, что на самом деле мышлением не является. Мы таким образом должны очертить область, где происходит то, что следует называть собственно «мышлением». Не определить ее, а именно показать это от противного – показать, почему нечто не является мышлением и должно быть отставлено, если мы хотим думать мышление как таковое.

В конечном счете мы отвечаем на вопрос: что есть «мышление» на самом деле? Что есть собственно «мышление»? Как думать свое мышление?

Часть первая: Интеллектуальная активность, мышление и «тот, кто думает»…

§ 1

1. Мышление, конечно, является интеллектуальной активностью, однако лишь малая и лишь весьма специфическая часть интеллектуальной активности может считаться собственно мышлением.

2. Интеллектуальная активность – это, строго говоря, любая работа интеллектуальной функции с любыми интеллектуальными объектами (что бы это ни значило).

Интеллектуальные объекты – есть нечто, что психика (или любой другой агент, работающий с информацией) определяет в качестве некой целостности (как целое), годящейся для того, чтобы с ней могла работать интеллектуальная функция.

Интеллектуальная функция – это любые операции, которые психика (или любой другой агент, работающий с информацией) способна совершать с интеллектуальными объектами: производство, соотнесение, преобразование, использование в моделировании и т. д.

3. Интеллектуальная активность – это любая работа с информацией.

Однако слово «информация», полагаю, не самое удачное, поскольку само по себе нуждается в каком-то внятном определении, получить которое весьма затруднительно. Мы будем для простоты понимать под «информацией» всякое состояние материального мира, способное сообщать реципиенту информаци и о чем-то другом, кроме непосредственно себя самого.

4. За скобками, понятно, остается вопрос о том, кто и как способен это сообщение (информационное сообщение) считывать – этот загадочный «реципиент информации». Тогда как именно этот вопрос и является, по существу, ключевым: ведь сама эта способность видеть в чем-то одном свидетельство чего-то другого – и есть, собственно, производство информации. Информация, иными словами, не является информацией как таковой до тех пор, пока она не стала информацией для кого-то. Она в такой ситуации – лишь какое-то состояние материального мира и не более того.

5. Само же по себе это «состояние материального мира» (могущее быть информацией лишь при наличии того, кто способен ее в таком качестве воспринять) ни в каком «субъекте» совершенно не нуждается[1].

Более того, с этими «состояниями» могут происходить любые изменения и тогда, когда за этими изменениями «никто не следит».

Причем это касается не только «внешней» по отношению к нам информации (если мы говорим о человеке), но и, например, наших собственных воспоминаний, которые изменяются со временем под влиянием тех или иных обстоятельств, более поздних опытов и переживаний.

6. Отсюда возникает вопрос: можем ли мы считать результатом интеллектуальной активности те изменения в информации, которые происходят без всякого участия этого «некто» (кем бы он ни был)?

[1] Подумай, например, о генетической информации или физической основе радиоуглеродного анализа.

Условно говоря, если сегодня информация (определенное наблюдателем состояние материального мира) одна, а завтра она станет другой (то есть данное состояние материального мира изменится), и это произойдет без участия наблюдателя (то есть он зафиксирует одно состояние, а затем другое, но не сам процесс изменения состояния материального мира) – будет ли это изменение результатом интеллектуальной активности?

Фиксируя отдельные точки графика, а не саму линию графика (то есть не предельно все его точки), мы будем иметь лишь какие-то точки одного графика, через которые можно построить и другой график.

7. Таким образом, мы не должны думать об интеллектуальной активности как о некоем сквозном процессе. Образно говоря, мы (или кто-либо другой в качестве наблюдателя) лишь схватываем своей интеллектуальной активностью различные состояния материального мира в разных точках.

Это как с отдельными кадрами кинопленки: каждый из них дан нам в качестве фиксированного изображения, а метаморфозу перехода из одного изображения в другое наш психический аппарат просто придумывает. При этом мы находимся в полной уверенности, что имеем динамичное изображение, видим «процесс изменений»[2].

Уверенность, что интеллектуальная активность свидетельствует «процесс», а не череду состояний, ошибочна. Наивно думать, таким образом, что интеллектуальная активность (на всех ее уровнях организации, любой степени сложности и в любых ее возможных режимах) способна предложить нам непротиворечивую картину реальности.

8. По существу, любой агент, работающий с информацией (будь то биологический мозг или компьютер), осуществляет интеллектуальную активность.

Однако если в случае компьютерных систем мы хорошо понимаем, какого рода интеллектуальная функция (программа) работает с интеллектуальными объектами (целыми информации) и как именно она это делает[3], то вот в случае биологического мозга наше понимание интеллектуальной функции пока прояснено недостаточно.

9. Более того, пока не вполне понятно – можем ли мы вообще уподобить феномен интеллектуальной функции, присущий нашему биологическому мозгу, компьютерной программе как таковой? И та, и другая, по всей видимости, представляет собой некий алгоритм. Но вопрос в логике работы этого алгоритма.

Можно предположить, что особенность биологического мозга состоит в том, что компьютерная программа работает с состояниями материального мира как таковыми, а он на каком-то уровне своей организации имеет дело и с самими состояниями материального мира, и с ними же, но уже в качестве информации (когда эти состояния материального мира сообщают нам о чем-то еще, кроме себя самих)

Этим я хочу сказать, что биологический мозг несет в себе некое состояние материального мира (сам по существу является этими состояниями)[4], но одновременно с этим производит и некую информацию об этих состояниях материального мира. При этом и то и другое – то есть и сами эти состояния, и информация о них – непосредственно и «одновременно» участвуют

[2] Подумай, как в него вписывается «25-й кадр», и вписывается ли он в него вообще.

[3] Впрочем, не уверен, что то же самое можно сказать о самообучающемся искусственном интеллекте.

[4] Под «состоянием материального мира биологического мозга» можно понимать разные вещи в зависимости от исповедуемых теоретических концептов: например, возбудимость нервных клеток, кортикальные колонки, нейронные ансамбли, динамические стереотипы, доминанты, функциональные системы акцептора результата действия, гетерохимические генераторы паттернов поведения и т. д. и т. п.

в создании им интеллектуальных объектов. Они участвуют как бы, в каком-то смысле, «на равных».

Иными словами, я не думаю, что дело может обстоять так, что вот есть уровень состояний материального мира (определенное состояние биологического субстрата нервной системы), а вот есть «информация» – некая производная от этих состояний, которая существует в своем регистре реальности, как бы сама по себе. Вероятно, нам только так кажется (удобно так думать), что это два разных – «параллельных друг другу» – уровня, а на самом деле никакой границы между ними нет.

С другой стороны, в некотором смысле «качественно», несмотря на отсутствие границы, они могут быть совершенно отличны, что, впрочем, не будет мешать им взаимодействовать, оказывать какое-то взаимовлияние, но так, что об этом нельзя знать.

Точнее, об этом можно будет знать как-то, если анализировать это «удвоение» с позиций состояний материального мира, и как-то, если анализировать его с позиций информации о состояниях материального мира, но каждому такому «анализу» будет чего-то недоставать, что-то всегда будет оставаться упущенным.

10. То есть в работе интеллектуальной функции биологического мозга происходит своего рода весьма специфическое «удвоение» содержания (что, впрочем, нельзя понимать строго математически, а скорее, качественно). Собственно, эта, условно говоря, удвоенная структура интеллектуальных объектов биологического мозга и определяет, вероятно, специфику его интеллектуальной функции.

Когда я говорю, что такое «удвоение» нельзя понимать просто математически (арифметически?), я думаю о двух следующих вещах.

Во-первых, далеко не все (а вероятно, лишь их малая часть) состояния материального мира биологического субстрата мозга так «удваиваются», превращаясь еще и в информацию (поскольку для этого удвоения необходим какой-то условный «наблюдатель» – этот «кто-то», см. п. 4).

То есть что-то может «удваиваться» в нашем мозге, становясь еще и информацией о состояниях его материального мира, а что-то – нет. При этом это «что-то» не перестает оказывать влияние на возникающие области «удвоения», на характер этого удвоения – и на соответствующее состояние материального мира, и на «наблюдателя», для которого оно является еще чем-то, кроме себя.

Во-вторых, поскольку функционирование мозга организовано не линейно, мы никогда не можем быть уверены, что этот «кто-то», «удваивающий» то или иное состояние материального мира моего мозга, один. Вполне возможно, что одно и то же состояние материального мира биологического мозга может «удваиваться» одновременно и неоднократно – многими «кто-то» (производными других «удвоений», например).

Таким образом, в каждом «отдельном» уравнении такого рода может оказаться большее число элементов, чем кажется (если думать о понятии «удвоения» формально), а именно – само данное состояние материального мира и информацияо нем от каждого из «наблюдателей», вовлеченных в этот процесс, чье число нам неизвестно. Причем «в следующее мгновение», возможно, составляющие «уравнения» («формулы»?) будут уже другими, а потому и «итог» этого «удвоения» будет иным.

11. Таким образом, не существует жесткого, определенного отношения между тем, каково в действительности какое-то материальное состояние (из множества) нашего биологического мозга, и тем, какую информацию об этом состоянии имеет «кто-то» (в этом же мозге), для кого это состояние является и еще чем-то, кроме него самого.

Иными словами, интеллектуальная функция биологического мозга всегда имеет дело с чем-то (специфическим интеллектуальным объектом), что может быть в этот же самый момент и еще чем-то, причем эти «два» содержания данного интеллектуального объекта могут быть ничем более не связаны между собой, кроме как этой установленной, привнесенной мною (кем бы я ни был) сюда связью.

12. Сама эта специфическая двухмерность интеллектуальных объектов биологического мозга – это не просто «еще одно измерение», «такое же, но еще одно». Учитывая характер производства указанной связи, это может быть и совсем (условно говоря, качественно) *другое* измерение. Предельно образно – связь мокрого с круглым, веселого с тяжелым, абстрактного с дробным.

При этом, очень условно говоря, ситуация выглядит не так, что, мол, когда я говорю «это», я подразумеваю «вот это». А скорее, так – когда я говорю «это», то думаю я «вот это», или же – когда я актуализирую «это», то актуализируется еще и «вот это». То есть тут не однозначная связь, а скорее, некая специфическая зависимость.

13. С другой стороны, произвольность этой связи «двух» измерений интеллектуальных объектов, специфичных для биологического мозга, не может быть бесконечно произвольной. Она, по всей видимости, тоже продиктована чем-то, а именно – соотнесением содержаний тех «вторых» измерений разных интеллектуальных объектов друг с другом.

Таким образом, если мы говорим, что интеллектуальные объекты в «первом» их «измерении» могут быть организованы интеллектуальной функцией по определенному программному алгоритму, то вероятно, что в этом «втором измерении» тоже есть какая-то своя «программная» логика. И по всей видимости, особенность интеллектуальной функции биологического мозга и состоит в том, что она способна одновременно «просчитывать» эти два различных, но как-то соотнесенных друг с другом уровня.

14. Вряд ли можно говорить, что мы здесь имеем дело с некой программой программ, это было бы странным упрощением. Скорее, мы должны говорить о двух самостоятельных как бы программах с разными содержаниями, которые как-то координируются между собой и не существуют отдельно друг от друга (по крайней мере, «вторая» без «первой» точно существовать не может).

Возможно, именно воспроизведение этого принципа позволит разработчикам искусственного интеллекта действительно уподобить его (в принципиальном строении) интеллектуальности биологического мозга, смоделировать, так сказать, его специфическую интеллектуальную функцию[5].

15. Интеллектуальная функция биологического мозга, вероятно, создает что-то вроде еще одного – условно говоря, «третьего» – измерения в этой системе:

• программа, обусловливающая отношения содержаний состояний материального мира («первое измерение»);

[5] Впрочем, тут встает вопрос: правильно ли вообще создателям искусственного интеллекта пытаться воспроизводить именно эту модель интеллекта, учитывая представленную здесь значительную степень неопределенности и случайности в действиях системы при принятии ею решений? Множественные и неизбежные ошибки конкретного человеческого интеллекта ограничиваются деятельностью других носителей интеллекта, то есть отбор результирующего решения осуществляется уже на уровне социального взаимодействия, и это своего рода внешний предохранитель от последствий ошибочных решений конкретного человеческого интеллекта. В случае же искусственного интеллекта такого естественного ограничителя может и не обнаружиться.

• программа, обусловливающая отношение содержаний того, что эти состояния материального мира значат для наблюдателя («реципиента информации»), кроме себя самих («второе измерение»);

• и программа, обусловливающая взаимоотношение этих двух первых программ («третье измерение»).

Впрочем, надо всегда подчеркивать, что понятие «измерение» в данном случае – это скорее дополнительные регистры, нежели некая «еще одна плоскость». Если мы говорим «плоскости», то начинаем думать про проекции некоего объекта на дополнительные поверхности, но у нас нет интеллектуального объекта, который проецируется куда-то, у нас есть несколько областей, проекции откуда и сходятся в нем, этим его, по сути, и образуя.

Сам он – этот интеллектуальный объект – является производным этих проекций из разных областей, чем-то, что возникает на пересечении этих, образно говоря, «излучений» из разных сфер. Не он проецируется на экран, а несколько плазменных экранов кинотеатра образуют какую-то игру света в зале – там, где сидит зритель.

§ 2

16. Мы вряд ли будем возражать против утверждения, что компьютер осуществляет некую интеллектуальную активность (именно в этом смысле мы и говорим про «искусственный интеллект»). Однако сказать, что он «думает», нельзя (если, конечно, это не метафора, которой любят пользоваться программисты).

Мы не можем (по крайней мере, пока) признать, что компьютер «мыслит». Мы скажем, что он «считает», «просчитывает», следуя определенным правилам, программам, которые придуманы за него, но это не он сам так «думает».

17. Впрочем, разве мы можем быть уверены, что наш биологический мозг всегда «думает» сам, а не понуждаем к этому определенными предустановленными в нем «программами»? Очевидно, что большая часть его интеллектуальной активности запрограммирована – генетически и научением.

То, как биологический мозг, например, собирает единичные раздражители в некий визуальный образ (видимый мною предмет), – это, по сути, программное действие. По крайней мере, я об этом сознательно не «думаю», это происходит, образно говоря, «в обход меня».

Оборонительная реакция на громкий звук – это тоже программа в том смысле, что эта реакция не является «моим действием», это действие моего мозга – предустановленная в нем генетически программа. Рефлекторное одергивание руки от горячего предмета – это не моя реакция, даже чувство боли я почувствую позже, нежели одерну руку. Это просто элементарный рефлекс, который я, конечно, могу затем осмыслить, но могу и не осмыслять.

Декапитированная лягушка способна плыть, если вы бросите ее в воду, но она уже никогда не узнает об этом.

18. То, что я различаю буквы, которые появляются сейчас на экране моего компьютера, так, а не иначе (букву А, например, как букву А, а букву Б как букву Б), это тоже программа, хотя и выученная. Я не задавался соответствующим вопросом сознательно и целенаправленно, я просто увидел это (эти раздражители) так.

Впрочем, я постоянно совершаю и куда более сложные действия (по существу, конечно, интеллектуальные) как бы «на автомате», то есть совершенно над этим не задумываясь (например, когда выравниваю колеса автомобиля, перестраиваясь на нем из одного ряда в другой).

19. И даже если я задумываюсь над какими-то своими действиями, например, умножая 12 на 12, разве не реализует в этот момент мой мозг уже имеющуюся в нем «программу» умножения? То есть насколько это действие является собственно моим? Мог бы я совершить его сам, если бы соответствующая «программа» в моем мозге отсутствовала?

20. Вопрос, соответственно, стоит таким образом: чем будет в данном случае принципиально отличаться компьютер, реализующий определенную программу, от биологического мозга, который решает ту или иную задачу, используя предустановленные в нем, посредством генетической детерминации или научения, алгоритмы?

Думает ли наш биологический мозг в данных случаях «сам», или за него «думают» эти алгоритмы?

21. При этом понятно, что алгоритмы, конечно, не могут «думать», они лишь актуализируются под действием некоего стимула и, так сказать, проворачиваются, используя соответствующее содержание и производя, по существу, уже имеющийся результат.

Субъективно мне может казаться, что это «я так подумал». Но если это сделал собственно я, а не эти алгоритмы, то я, соответственно, должен иметь способность совершить это же действие другим способом. Но, как выясняется, это зачастую абсолютно невозможно.

22. Если я сам понимаю буквы родного мне языка, а не соответствующие алгоритмы (программы) моего мозга, то почему бы, например, мне не понять знаки или предложения китайского языка, который мне неизвестен? Очевидно, что я не могу этого сделать, потому что во мне нет соответствующей программы (алгоритма).

То есть я могу даже знать, что это буквы, а то, во что они складываются, – слова или предложения, что это язык. Но пока во мне не сформирована программа, которая позволит мне знать, что эти знаки значат, я смотрю на них лишь как на определенные состояния материального мира, и не более того.

Хотя, конечно, то, что я узнаю в иероглифах «буквы» («нечто вроде букв»), – это, конечно, тоже такая специфическая и выученная мною программа.

23. Впрочем, я даже вряд ли смогу отличить китайские иероглифы от японских, пока меня этому не научат. Но когда меня этому научат, буду ли это знать я, или это будет знать мой мозг, или просто какая-то его часть, которую я называю здесь «программой» или «алгоритмом»?

И что такое «мозг, который знает», если он не «тот, кто думает», а тот, кто просто механически выполняет какие-то программы? И что может знать сама «программа»?

24. На входе системы – раздражитель (может быть, какой-то внутренний стимул), далее включается программа, и эта программа дает мне некое знание, которое она же и превратила из информации одного вида в информацию другого вида. То есть она механически, по заданному алгоритму, преобразовала одно состояние материального мира (например, воспринятый моим мозгом раздражитель) в другое (активизация нейронных ансамблей, которые отвечают в моем мозге, например, за понимание языка). Где здесь мышление?

Не считаем же мы, что лист растения думает фотосинтезом и зеленеет. Нет, в нем просто происходит то, что происходит. Да, мы, наверное, можем счесть этот процесс информационным, но таковым он будет только для того, кто способен так воспринять эти состояния материального мира – мол, увеличивающаяся зеленость листа свидетельствует о процессах фотосинтеза в нем. Но это в любом случае не будет иметь отношения к тому, что произошло на самом деле.

25. Итак, вполне очевидно, что некие действия с интеллектуальными объектами (целыми информации) могут осуществляться (и в большом количестве осуществляются) без моего участия как сознательного и сознающего свое поведение существа.

В таком случае это как бы не мое действие (например, какой-то не зависящий от моего сознательного контроля психический автоматизм). Мы же вряд ли можем признать возможность существования мышления без кого-то, кто это мышление производит (без того, кто думает).

26. Нет сомнений, что во сне я утрачиваю сознательный контроль над своим поведением. Однако это совершенно не мешает моему мозгу создавать сновидения, которые, конечно, являются результатом работы моей интеллектуальной функции.

Более того, это могут быть сновидения, в которых я являюсь активным действующим лицом, переживаю определенные эмоции, что-то думаю и т. д. Но сложно будет признать все *это* мышлением – это интеллектуальная активность, и немногим более того.

27. Впрочем, мы вряд ли сможем найти существенные отличия между своими сновидениями и тем состоянием «потока сознания», в котором мы пребываем большую часть времени, пока бодрствуем.

В момент, когда мы не озадачены решением какого-то конкретного и определенно поставленного вопроса (возможно, и нами самими), работа нашей интеллектуальной функции не останавливается – мы продолжаем «думать», хотя это «думать» опять-таки сложно считать собственно «мышлением».

Поток подобных неконтролируемых нами «размышлений», по существу, являет собой игру ассоциаций, подталкиваемых изнутри нерешенностью (незавершенностью) каких-то ситуаций, а извне – случайной, в сущности, внешней стимуляцией.

Фокус нашего внимания переключается с одного психического содержания на другое не потому, что мы так решили, а потому, что сам наш мозг оказался сейчас в состоянии, когда одно психическое содержание оказалось для него существеннее другого[6].

28. Наличие «*того, кто думает*», несомненно, важный факт (важное условие определения мышления), но он вовсе не так уж очевиден и точно недостаточен.

Неочевиден он потому, что граница, отделяющая мое сознательное и мое же неосознанное действие, условна и подвижна (многое зависит от фокуса внимания, актуальной доминаты и т. д.), а недостаточен он потому, что келеровская обезьяна, например, является, очевидно, мыслящим агентом (тем, кто думает), но мы все-таки не готовы признать ее мыслящей в полном смысле этого слова.

29. Представим себе келеровскую обезьяну.

Методом проб и ошибок она пыталась достать банан, подвешенный экспериментатором на недосягаемую для нее высоту. Она перепробовала множество предметов: перещупала и попередвигала ящики, поразмахивала палками и другими подручными инструментами.

Далее она отстраняется, смотрит какое-то время на эти предметы со стороны – и потом вдруг резко встает, составляет ящики в правильной для достижения желаемого результата последовательности, берет палку, забирается на эту пирамиду и сбивает банан.

---

[6] Это такая спонтанная игра доминант по А. А. Ухтомскому, обусловленная актуальными внешними и внутренними влияниями.

Внутри ее психического пространства палка, ящики, банан и т. д. представляют собой некие интеллектуальные объекты, которые она свела с помощью своей интеллектуальной функции в некий новый интеллектуальный объект, в некую схему и реализовала ее на практике.

Она сделала это, в некотором смысле, вполне сознательно и уж точно целенаправленно, то есть вроде как «думала». Но мы не соглашаемся с тем, что у нее есть наше мышление.

§ 3

30. Не меньшей проблемой оказывается для нас и «мышление» ребенка, который еще не обладает самосознанием и собственным «я» (то есть примерно до возраста трех лет). Должны ли мы отказать ему в способности «думать»?

Очевидно, что он совершает огромный объем интеллектуальной активности. Очевидно, что он в значительной части случаев действует целенаправленно и, надо полагать, в каком-то смысле осознанно.

Очевидно, наконец, что ребенок есть как действующее лицо, а его мозг является активным деятелем, и вся его интеллектуальная активность соотносится с ним самим, притом что никакого «я» (в привычном для нас понимании) у него пока еще нет.

Кто является действительным агентом его «мышления»? Является ли его интеллектуальная активность (чрезвычайной, надо сказать, интенсивности) действительным мышлением?

31. Отсутствие полноценного самосознания и отсутствие во внутреннем пространстве ребенка понятия о собственном «я» совершенно не мешают ему производить сложнейшую интеллектуальную деятельность. Более того, уже в этот период он не только активно осваивает язык, но и вполне осмысленно, заметим, им пользуется.

Впрочем, мы не можем быть уверены, что язык, которым на данном этапе пользуется ребенок, – это тот же язык, каким его знаем мы. Однако нет сомнений, что именно благодаря языку (даже такому, весьма примитивному и специфичному) ребенок получает возможность целенаправленно и в каком-то смысле сознательно оперировать интеллектуальными объектами внутри пространства своей психики.

То есть его интеллектуальная активность уже не является в полной мере спонтанной, движимой лишь валом внешних и внутренних раздражителей. Он действует от себя, по существу, однако себя еще не осознавая. Он, по факту, активный деятель, который, впрочем, не может определить себя в качестве такового. Он просто деятель, и все.

32. Но кто тогда – в случае ребенка до трех лет – в нем *мыслит*? Или мы должны отказать ему в мышлении, основываясь на том факте, что в нем, вроде как, еще нет «того, кто думает»? То есть оно должно, вероятно, появиться у него позже? Но если позже, то когда – в 7 лет, в 10, в 18 или 21 год? И чем это появление будет ознаменовано? Как мы узнаем, что он начал делать что-то – «думать» – принципиально иначе, нежели он делал это прежде?

И в чем же будет состоять на деле то *существен ное* «дополнение» к интеллектуальной деятельности ребенка, которое даст ему последующее появление у него рефлексирующего самосознания и представление о собственном «я»?

Каким образом появление этих «нечто» в пространстве его психики (наравне с массой других «нечто» в ней уже существующих) превратит его интеллектуальную активность в подлинное *мышление*? Произойдет ли это на самом деле?

33. При этом, вероятно, следует уточнить, что и «рефлексирующее самосознание» и представление о собственном личностном «я», когда они все-таки в голове ребенка образуются, будут на деле представлять собой просто «еще какие-то» интеллектуальные объекты,

сосуществующие здесь – в его голове – наравне с огромной массой других, по существу, совершенно идентичных интеллектуальных объектов[7].

Появившиеся у ребенка «самосознание» и «я» не способны произвести в его голове никакой революции. Они ничего специфическим образом в его мозгу не объединят, ничто ни к какому центру не стянут. Вся перемена по большому счету только в присвоении этому личностному «я» уже существующих функций: то, что раньше было просто «лучом осознанного внимания», станет «лучом его осознанного внимания».

34. Итак, не переоцениваем ли мы значение появления во внутреннем пространстве нашей психики этих специфических, как нам кажется, интеллектуальных объектов: «я», «самосознание», «рефлексия» и т. д.?

Механизмы «обратной связи», например, существовали в психике и до этого, а то, что теперь эта «обратная связь» апеллирует и к каким-то понятиям, работает между этими понятиями – что это, в сущности, нам дает? Или, например, «я». Всегда же был тот, кто действует – какая разница, сознавал он себя или нет, если в его внутреннем психическом пространстве все равно происходила какая-то работа с интеллектуальными объектами?

Является ли, на самом деле, «добавка» этих специфических – «личностных» – интеллектуальных объектов к общей массе других столь значительным событием? Иными словами, такое ли уж большое значение имеет для нашего мышления то, что в нем вроде как обнаружился «*тот, кто* думает, что он думает»?

35. У Людвига Витгенштейна есть такой образ: «Предложения, которые для меня несомненны, я не заучиваю специально. Я могу обнаружить их потом, как ось, вокруг которой вращается тело. Эта ось не фиксирована, то есть не закреплена жестко, но движение вокруг нее определяет ее неподвижность»[8].

Например, когда мне говорят, что Наполеон столько-то лет назад что-то делал под Аустерлицем, я не думаю о том, что Земля в этот момент уже существовала, поскольку знание этого факта уже как бы имплицитно включено мною в утверждение о Наполеоне.

Однако, в действительности, это включение моего знания о существовании Земли в мое знание о проделках Наполеона, несмотря на всю его кажущуюся имплицитность, происходит постфактум. И то лишь только в том случае, если я окажусь каким-то образом этим вопросом озадачен, например, если кто-то спросит меня: «А разве Земля в это время уже существовала?».

36. Кажется, что мое знание о существовании Земли предшествует всякому моему знанию о том, что на этой Земле произошло. Но это иллюзия. Для того чтобы рассуждать о том, что случилось на Земле, мне вовсе не нужно думать о том, что она сама по себе вообще имеет какую-то историю. У меня и вовсе может не быть такой идеи – мол, была она когда-то или не была.

Однако если меня спросят, то я, вероятно, скажу, что да, я знаю о том, что Земля очевидно существовала и до того, как данное событие на ней произошло. Но знал ли я (точнее – думал ли) об этом до того, как меня спросили? Вероятно, нет. Уж точно я не думал об этом факте в связи с проделками Наполеона.

37. Так же и с нашим «я»: оно как бы имплицитно присутствует в нашем мышлении, но в большинстве случаев, на самом-то деле, вносится в него постфактум.

---

[7] «Идентичных», в данном случае – в смысле самого устройства и свойств интеллектуальных объектов как таковых.

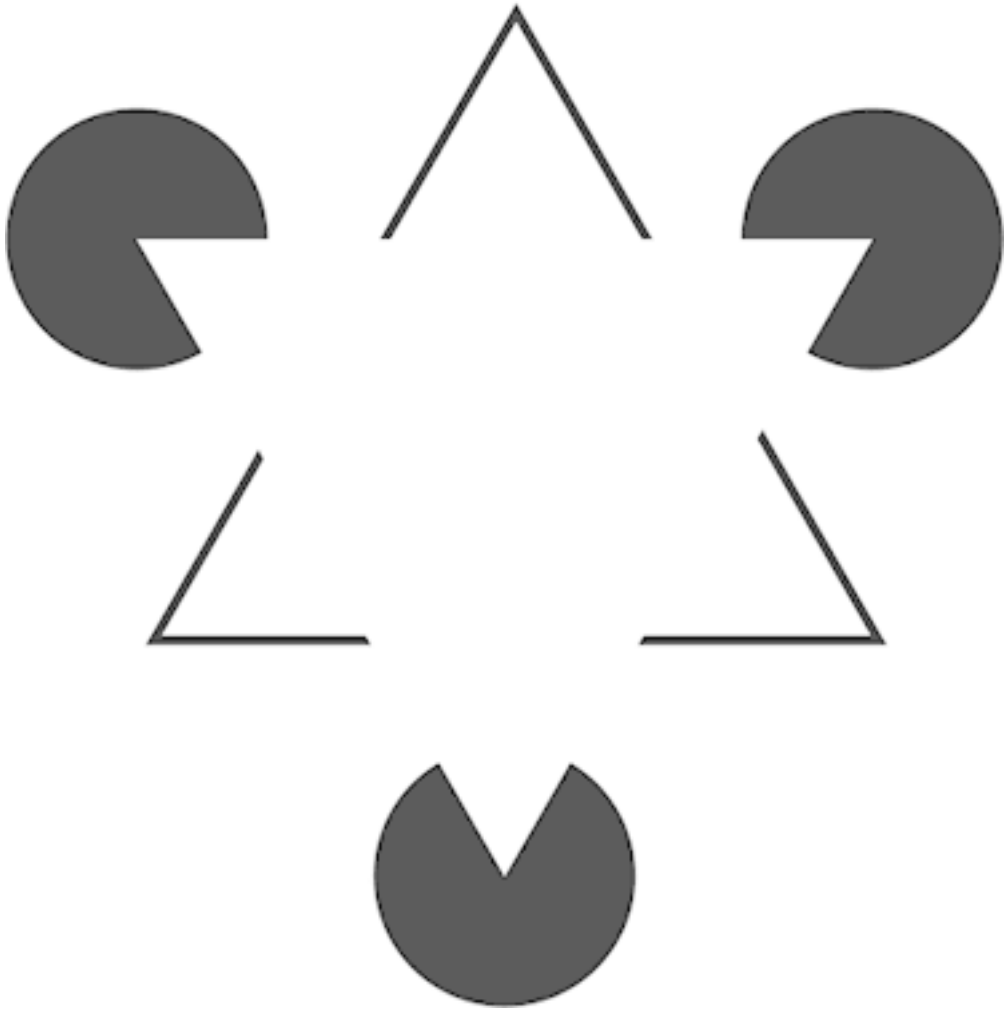
[8] Витгенштейн Л., «О достоверно сти», п. 152.

«И когда это случилось, я подумал, что…» Слово «я» в данном случае может оказаться вовсе не смысловой конструкцией, а сугубо техническим приемом, помогающим мне создать в голове моего собеседника соответствующий нарратив. Или больше того, помогающий мне самому создать нарратив о себе – увидеть ту «ось тела», которой на самом деле нет.

38. Остановите вращающееся тело – что вы скажете о его оси? Сама эта ось – лишь иллюзия, существование которой обусловлено фактом вращения тела. Вполне возможно, что мы считаем свое «я» существующим лишь потому, что вокруг него вращается «тело» событий, действий и мыслей.

А ребенку просто требуется определенное время, чтобы накопить достаточную массу этого внутреннего тела, вращающегося вокруг этой воображаемой оси его «я». Но есть ли оно само – его или наше «я» – в действительности? Как это можно проверить?

Посмотрите на эту картинку:



Уверен, что вы, как и я, вполне отчетливо видите на этой картинке треугольник, которого на самом деле нет. Положение других объектов создает у нас иллюзию существования этого – отсутствующего в действительности – треугольника.

Теперь попробуйте убедить себя в том, что этого треугольника действительно нет, хотя вы очевидно его видите. И чем отличается от этого отсутствующего треугольника наше «я» – тот, кто, как нам кажется, думает?

39. Вообще говоря, этот «тот, кто думает» – вещь абсолютно неверифицируемая. Нам может казаться, что мы знаем, кто думает, но это никаким образом нельзя определить точно.

Думаю ли сейчас именно «я», или просто какие-то интеллектуальные объекты, находящиеся в пространстве моей психики и достигшие определенного состояния (определенной «массы», «силы», «сложности» и т. д.), сами собой складываются в нечто новое (в новый интеллектуальный объект)? Ответить на этот вопрос невозможно.

40. То, что интеллектуальные объекты в пространстве моей психики складываются так, как они складываются, зависит, по всей видимости, и от того, каково состояние материального мира моего мозга (условно говоря, от его нейробиологических характеристик), и от того, о чем эти состояния материального мира будут свидетельствовать для меня как того, кто эти состояния воспринимает (о чем они меня «информируют»).

То есть буду ли я их – эти свои состояния – чувствовать как напряжение, как необходимость, как тяжесть, как угрозу, как удовлетворение, как что-то приятное или, напротив, дискомфортное, мешающее, раздражающее – не зависит непосредственно от моего личностного «я». Более того, все это я буду чувствовать вне зависимости от того, есть у меня мое личное «я» или нет.

Я буду это чувствовать в любом случае, потому что эти состояния материального мира имеют, грубо говоря, еще одно измерение, изменения в котором (изменения в этом «втором» измерении), из-за постоянно меняющегося состояния материального мира, будут приводить к изменениям в самих состояниях материального мира моего мозга.

41. Уже на самом примитивном уровне организации нервной ткани, то есть при наличии уже одной, единичной нервной клетки, как, например, у кораллового полипа, происходит элементарное оценивающее действие: раздражение этого нейрона значит для полипа, что необходимо произвести мышечное сокращение.

У медузы, чья нервная система характеризуется двухзвенной нейронной цепочкой (нервные клетки специализированы у нее на сенсорные нейроны и мотонейроны), уже возможен выбор между разными мышечными сокращениями – то есть разные раздражители как бы значат для нее разное.

С появлением же трехзвенной цепочки нейронов – наличие «вставочного нейрона» (он есть у всех живых организмов от кольчатых червей до Homo Sapiens), – значение раздражителя и вовсе начинает определяться состоянием данного вставочного нейрона (или миллиардов вставочных нейронов), то есть он становится абсолютно субъективным.

Иными словами, в случае трехзвенной нервной цепи мы уже вполне можем говорить и о состоянии материального мира мозга, и значениях этого состояния для меня. И если думать, что мышление – это способность видеть в состояниях материального мира что-то другое, помимо них самих, то нам придется признать, что мышлением обладает и круглый червь. Но мы вряд ли сможем с этим согласиться.

42. Теперь необходимо понять, кто тот наблюдатель, для которого эти изменяющиеся состояния материального мира свидетельствуют о чем-то еще, кроме себя самих? Кто тот, кто чувствует, что что-то изменилось в нем самом?

Мы традиционно пытаемся выдумать какого-то гомункулуса внутри самих себя, который и должен, как нам представляется, быть этим наблюдателем (нам сложно представить себе наблюдателя без глаз, ушей или чего-то еще в этом роде).

Но представлять себе следует не какого-то специального «человечка внутри головы», а просто неравновесную систему: изменение состояний материального мира мозга, поскольку

они значат для этого же мозга что-то кроме себя самих, приводит к обратным изменениям в самих его материальных состояниях.

И эта система, как бы она ни усложнялась, совершенно не нуждается ни в каком личностном «я», более того, когда она уже была – например у кольчатых червей – ни о каком «я» еще не могло идти и речи. А у человека, который воспитывался вне человеческого социума, это «я» с определенного момента и не может возникнуть, даже если его вернуть в мир людей и применить все возможные усилия к формированию у него соответствующего представления о себе.

43. Очевидно, что все, что я знаю о себе, – это какие-то истории (нарративы), пусть зачастую и содержащиеся во мне в свернутом виде.

Например, я знаю, что я пишу этот текст. Как я об этом знаю? В ответ на это я могу лишь рассказать соответствующую историю: мол, у меня была мысль, я ее думал, а потом решил записать, чтобы сообщить ее другим. Это история, которая, впрочем, ничего толком не проясняет. Разве отвечает она на вопрос, почему я сижу сейчас за компьютером? Она объясняет мне то, что происходит, таким образом, чтобы мне самому не казалось это странным.

Впрочем, странно как раз то, что я вообще могу об этом задумываться. Но я и не задумываюсь – не думаю по крайней мере, пока меня об этом не спросят.

Или другой пример: я знаю о себе, что я мужчина. Как я это знаю? В ответ на это я могу только рассказать какую-то историю, собранную из множества известных мне «фактов». Что, мол, вообще все люди бывают или мужчинами, или женщинами, и что определить это можно анатомически – по «половым признакам». Еще я могу сказать, что меня воспитывали как мальчика, что я «ощущаю себя мужчиной», а «это значит так-то и так-то», что это не я выносил и родил своего ребенка, а это сделала моя жена.

Замечательная история, в ответ на которую, кстати сказать, Делез рассказывает свою, что мы вообще не являемся ни мужчинами, ни женщинами, а лишь производимся в качестве таковых. Но, в конце концов, почему бы не рассказать и такую историю.

44. Мне кажется, что я имплицитно присутствую во всех своих историях – ведь это истории обо мне.

Но строятся соответствующие интерпретации положения вещей не от меня, а от того, что я знаю о мире вокруг меня, от того, как я его понимаю. То есть хоть мне и кажется, что все эти истории крутятся вокруг моего «я», на самом деле они вовсе не крутятся вокруг чего-то, они это «что-то» создают.

Попробуй я сделать что-либо просто «от себя», не используя этих историй о себе, что бы я вообще мог из этого положения сделать? Но я делаю массу вещей, и в огромных количествах, а затем, судя по всему, лишь приаттачиваю себя (свое «я») к этим своим действиям.

45. Иными словами, здесь также определяется несколько уровней:

• во-первых, то, что происходит во мне независимо от моего сознательного участия, – собственно изменение состояний материального мира моего мозга (все, что относится к нейробиологии мозга);

• во-вторых, те состояния, в которых я оказываюсь из-за этих изменений (последние значат для меня что-то еще, кроме того, что они есть сами по себе);

• в-третьих, как я объясняю себе эти состояния, как я их интерпретирую – то есть какие истории создаю о себе.

Вопрос в том, на каком из этих уровней случается само мышление?

§ 4

46. Понятно, что интеллектуальная функция работает постоянно. Понятно также и то, что я могу как-то направлять ее работу. Но является ли это «подруливание» моей интеллектуальной активности – собственно мышлением?

На самом-то деле, это обычно происходит вне какого-то моего сознательного решения – просто наличная ситуация (включая внешние и внутренние факторы), складывающаяся так, требует от меня решения того, а не другого вопроса.

Я испытываю определенный, хорошо известный мне дискомфорт, смотрю на часы, обнаруживая, что уже не ел достаточно долгое время, и задумываюсь над тем, где и чем бы мне перекусить. Конечно, это интеллектуальная активность, направленная на решение определенной задачи.

Но вряд ли стоит относить эту интеллектуальную активность к мышлению в строгом смысле этого слова. В данном случае я скорее сознательно сопровождаю свою интеллектуальную активность, нежели сознательно ее произвожу.

47. И даже если в этот момент я задумался о том, что лучше сначала, наверное, дописать какую-то часть текста и лишь затем заняться поисками еды с последующей трапезой, я не делаю это совсем уж осознано. Нет, просто сейчас во мне сильнее доминанта работы над соответствующей частью текста, нежели доминанта голода.

Озадаченность текстом пока побеждает усиливающийся голод, а я, если задумаюсь над этим, являюсь лишь свидетелем этой борьбы сил различных интеллектуальных объектов, актуализированных сейчас в пространстве моей психики – озадаченностью текстом и чувством голода. В какой-то момент озадаченность текстом ослабнет, а чувство голода станет невыносимым, и я «подумаю», что пора все-таки отправиться за едой.

Первично ли, так сказать, в приведенном примере мое мышление – то, что я «подумаю», или оно лишь объясняет мне самому, что со мной происходит, выполняя функцию регистратора (что-то вроде церковного освящения чего-либо уже случившегося)? И мышление ли это, если мы подходим к определению этого феномена со всей строгостью?

48. В каком-то смысле, сопоставляя меня из приведенного примера с обезьяной из опыта Вольфганга Келера, можно, наверное, заключить, что задумалась она даже посильнее меня. В конце концов, я – в предложенном примере с выбором между едой и текстом – оперирую чрезвычайно тривиальными, привычными для меня интеллектуальными объектами, тогда как интеллектуальной функции келеровской обезьяны пришлосьсоздать и сочленить интеллектуальные объекты крайне нетипичные для психического пространства среднестатистической обезьяны.

49. Или вот, например, интеллектуальная деятельность другого рода – потребление так называемого «развлекательного» контента (интертейнмент и даже инфотейнмент). Это просмотр телевизора, компьютерные игры, серфинг по интернету, скроллинг по социальным сетям и в интернет-магазинах, разглядывание демотиваторов, просмотр коротких видеороликов и просто бесчисленных фотографий? Сюда же, впрочем, можно отнести постоянную «проверку» новостных сайтов и собственной электронной почты.

То, что подобная практика давно превратилась в своего рода зависимость, теперь уже вполне очевидно [Г. Г. Аверьянов]. Судя по всему, мозг человека, «залипающего» на подобной интеллектуальной активности, извлекает из этой своей деятельности своеобразную «вторичную выгоду»: она позволяет человеку отвлечься от решения фактических задач (или просто от

более сложных интеллектуальных задач) и при этом обеспечивает ему активное и деятельное интеллектуальное времяпрепровождение.

Восприятие этой информации не составляет никакого труда (сложная для понимания информация, нуждающаяся в некотором ее осмыслении, мгновенно отсюда вымывается). Кроме того, само потребление этой информации сопровождается массой приятных переживаний, обусловленных, по большей части, множественными и даже каскадными ага-эффектами от бесконечного узнавания образов и неожиданными, но понятыми (узнанными) мною развязками сюжета. Очевидно, что дофаминовые всплески, сопровождающие эти реакции узнавания[9], крепко фиксируют привычку подобного времяпрепровождения.

Впрочем, тут не так важен аспект зависимости как таковой. Хотя очевидно, что сам факт этой зависимости свидетельствует о том, что сознательное «я» уже никаким образом этот процесс не контролирует, а если и участвует во всем происходящем, то только на вторых ролях. Так что говорить здесь о «том, кто думает», очевидно, бессмысленно.

Думаю ли я в процессе этого потребления информации в принципе?

50. Нет сомнений, что те, кто осуществляют подобную интеллектуальную активность – например, потребляют «развлекательный» контент – считают, что они в этот момент «думают». Но на деле происходит лишь бесконечное распознавание уже известных мозгу образов. Сама эта информация практически не запоминается, что со всей очевидностью свидетельствует о том, что она не прорабатывается мозгом, но лишь актуализируется в пределах кратковременной памяти и тут же забывается.

Распознавание образов, конечно, не может оставить равнодушным наше «я» – те высокие уровни апперцепции, которые связаны с условной инстанцией нашей «личности» (системы наших отношений с миром, другими людьми, с самим собой). Но вовлеченность нашего личностного «я» в это восприятие образов не меняет существа дела – происходит лишь восприятие, пусть и более сложное, нежели реакция на элементарный раздражитель.

Но восприятие – это все равно, по существу, лишь спонтанная реакция, а вовсе не некое мыслительное действие, предполагающее какую-то мою целенаправленную (и видимо, какую-то еще) работу с интеллектуальным объектом.

51. Впрочем, к «развлекательному» контенту относятся также фильмы и сериалы. Предполагает ли этот контент какую-то особую и специфическую мыслительную деятельность потребителя? На самом деле здесь, как мне представляется, имеет место идеальная имитация мыслительной деятельности.

Та типичная интеллектуальная активность, которую мы привычно считаем своей мыслительной деятельностью, представляет собой постоянное создание новых и новых нарративов (перманентное формирование внутри нашего психического пространства неких историй).

В рамках этих «историй» (нарративов) разрозненные факты действительности (явленные нам случайно, по случаю и/или тенденциозно подобранные нашим мозгом) сводятся нами в единый, более-менее стройный рассказ – с завязкой, развитием и развязкой.

Когда история закольцовывается, она вполне может быть нами забыта или, по крайней мере, заархивирована, что снижает и само психическое напряжение, и затраты мозга на поддержание элементов этой истории в активном состоянии (в быстром доступе к рабочей памяти). В общем, механизм здесь вполне понятный и эволюционно оправданный.

Что же происходит с нами в процессе просмотра фильма или сериала? Нашему мозгу предлагается одновременно и что-то вроде набора «фактов действительности», и исчерпыва-

[9] Речь идет о формировании интеллектуальных объектов в ответ на внешнюю стимуляцию, образы которой, как правило, имеют преувеличенные характерные черты [В. Рамачандран].

ющая инструкция того, как они должны быть собраны в историю. По существу, нам соответствующий нарратив в нашей же голове и складывают. То есть все как в обычной жизни – есть факты, надо упаковать их в историю и заархивировать.

Однако в обычной жизни эти факты еще нужно как-то втиснуть, впихнуть в создаваемую нами историю (никто не подбирает нам их так, чтобы они складывались друг в друга подобно добротно сделанным матрешкам). Для этого нам приходится с ними что-то делать, как-то их дополнительнопродумывать – подпилить, переформатировать, сортировать, что-то выкидывать, а что-то, наоборот, добавлять.

В общем, это определенного рода работа – «объяснение», «анализ», «интерпретация», «переозначивание» и т. д.

В случае же фильма или сериала подобная работа за нас уже сделана сценаристом и режиссером. Нам остается только распознать эти элементы и связки (каскадные ага-эффекты), а затем насладиться явленным нарративом, который мы, скорее всего, тут же и забудем (надо только покинуть кинотеатр или выключить телевизор).

Иными словами, нам может казаться, что мы думаем, потребляя фильмы или сериалы, но на самом деле думаем не мы, а думают за нас: за нас собирают факты, за нас их докручивают и за нас же укладывают, причем идеальным образом, в фабулу соответствующего нарратива. Главное, чтобы у фильма не было «открытого конца» и сам по себе он не был слишком «сложен» – и в том, и в другом случае возникнут проблемы с завершением нарратива, а следовательно, и с его последующей архивацией.

Как бы там ни было, когда все движения интеллектуальных объектов совершают в моей голове, по существу, за меня, это хоть и приятное для нашего ленивого мозга развлечение, интеллектуальная игра, но точно не мышление как таковое. Хотя у меня будет полное ощущение, что весь фильм (или сериал) я о чем-то думал…

Все это, впрочем, не исключает возможности смотреть фильмы и сериалы не без участия мышления – так поступают, например, кинокритики и, конечно, специалисты индустрии, для которых разгадывание способов создания подобного интеллектуального фастфуда является неискоренимым профессиональным навыком.

52. Или, например, другие расхожие случаи интеллектуальной активности, которые мы ошибочно, как мне представляется, принимаем за мышление: феномены «прогнозирования», «требований» и «объяснений», которые я описываю в рамках системной поведенческой психотерапии[10].

Когда мы боимся или радуемся, наша психика реализует своего рода автоматизм «прогнозирования» – мы начинаем непроизвольно представлять себе свое будущее, связанное с этим страхом или этой радостью («прогнозирование»).

Когда мы раздражены или фрустрированы, наша психика переключается на автоматизм, формулирующий определенные «требования» (обращенные, как правило, к другим людям или окружающей нас действительности в целом).

Когда же мы совершили некое действие, а затем были поставлены в ситуацию необходимости почему-то его оправдать (или собираемся совершить некое действие, в оправданности которого не уверены), мы формируем в своем сознании соответствующие «объяснения».

Да, во всех этих случаях есть «тот, кто думает», но думает ли он в собственном смысле этого слова? Не скрывает ли он просто таким вот образом – с помощью автоматизмов «про-

[10] В рамках «Системной поведенческой психотерапии» производится различение «апперцептивного поведения», оперирующего «значениями», и «речевого поведения», оперирующего «знаками». Именно это поведение «знаков» и укладывается в представленные формы – «прогнозирование», «требования», «объяснения».

гнозирования», «требований» и «объяснений» – некие «разрывы», возникшие в нем по внутренним и, по существу, не зависящим от него самого причинам?

То, что все эти «интеллектуальные реакции» (некая «внутренняя речь» по Л. С. Выготскому или буквально – «автоматические мысли» по А. Беку) являются, по существу, универсальными для всех нас автоматизмами, не позволяет признать их мышлением в собственном смысле этого слова.

В противном случае нам бы пришлось признать «мышлением» и работу мозга, которую он постоянно осуществляет, поддерживая равновесие нашего тела – тоже задача, тоже непростая и также обеспечивающая нам некоторую стабильность, пусть и несколько иного рода.

53. Вероятно, ровно то же самое мы должны сказать и обо всякой прочей апперцептивной активности нашего психического аппарата. Процессы апперцепции происходят вне моего сознательного контроля и, соответственно, думающего участия.

То, как я воспринимаю мир, является результатом работы моего психического аппарата, «запрограммированного» таким образом. Гены тому виной или какое-то научение – не имеет никакого принципиального значения: он запрограммирован так.

Я могу пытаться переучить свой психический аппарат – изменить какие-то нюансы своего восприятия и шаблоны реагирования, что очень непросто. И если я собираюсь делать это целенаправленно, осознанно, осуществляя, как я говорю в системной поведенческой психотерапии, «поведение в отношении поведения», мне действительно потребуется мышление, по крайней мере – какая-то специфическая озадаченность.

Впрочем, в подавляющем большинстве случаев, даже если такое переучивание и происходит, то без участия мышления, а просто под воздействием каких-то внешних факторов по условно-рефлекторным механизмам – посредством весьма нехитрого положительного и отрицательного подкрепления.

54. Апперцептивное поведение является, по существу, универсальным свойством нашего психического аппарата и может быть обнаружено на подавляющем большинстве уровней психической организации (исключая, быть может, лишь самую первичную афферентацию): ни один из раздражителей, из тех, что восприняты нами и превращены в интеллектуальный объект, не даны нам сами по себе и не являются фактическим слепком действительной реальности.

То есть во всяком интеллектуальном объекте всегда присутствует некая прибавочная «масса» – то, что мы производим с исходным раздражителем, отправляя его «внутрь» своего психического пространства (то, как мы его трансформируем, оцениваем, то, какое значение он приобретает для нас). Собственно, эта прибавка и делает его информацией, а не просто неким состоянием материального мира.

Понятно, что данное преображение, изменение изначального раздражителя, по мере его продвижения по разным уровням психической организации, находится вне нашего сознательного контроля. Это не мышление, хотя, по механике, речь, разумеется, должна идти все о той же формуле интеллектуальной активности – то есть об образовании одних интеллектуальных объектов из других посредством интеллектуальной функции.

То, что получается в результате этой интеллектуальной деятельности, может стать интеллектуальными объектами, доступными мышлению, но само их производство – это еще и вовсе не мышление.

55. Представим себе набор «социальных установок» (как их понимает социальная психология) любого из нас. По сути, мы имеем дело с некими клише, которые директивно и безапелляционно определяют то, почему какие-то явления мы воспринимаем так, а какие-то иначе (относимся к ним так или иначе).

Мы, например, как-то воспринимаем всех мужчин и как-то – всех женщин, но то, что мы объединили столь разных людей в эти группы и определили таким образом свое отношение к каждому из них в отдельности, не есть мыслительная работа. Это восприятие (отношение) не является сознательным выбором, это выученная программа.

56. Думает ли расист, что чернокожие хуже белых? Думает ли гомофоб, что гомосексуалы больны, ущербны и вообще извращенцы? Думает ли среднестатистический европеец, что мусульмане представляют собой угрозу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.